ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

7 мая
1986 г.
№ 19 (5085)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С 1929 г.
ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
ЦЕНА 20 коп.

Победа с нами на века
останется.
И столь священна,
столь светла она,
Что мы, ее гвардейцы,
не состаримся,
И не померкнут наши ордена!

Сергей СМИРНОВ

Фото Н. АМЕЛЬЧЕНКО (МИНСК) и Н. ЧЕСНОКОВА (АРХАНГЕЛЬСК)

Владимир КАРПОВ,
Герой Советского Союза

Праздник доблести и славы

9 МАЯ — День Победы, день нашей славы боевой, праздник советского народа на все времена.

Этот великий праздник ныне несет на своих алых стягах яркий свет недавно состоявшегося XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, съезда ускорения социально-экономического развития нашего общества, съезда укрепления мира и безопасности всех народов Земли.

Поэт сказал, что День Победы — это радость «со слезами на глазах», это праздник «с сединою на висках». И действительно, подобные метафоры глубоко и точно определяют его всенародную суть, его историческое значение. Каждый школьник, каждый подросток, не говоря уже о взрослом населении страны, которое, подпирая могучую Советскую Армию своим исполинским трудом, торило трудную дорогу к Победе от подмосковных лесов и крутых берегов великой Волги до самого логова врага, — все отлично знают высокую, бессмертную цену этого праздника.

Почти четыре года весь мир, все прогрессивное человечество затаив дыхание следили за единоборством советского народа с гитлеровскими полчищами, напавшими на нашу социалистическую Родину. История со свойственной ей объективной строгостью отметила и тот очень важный для понимания современных дел в мире исторический факт, что в смертельной борьбе с фашизмом сложилась антигитлеровская коалиция, соединились вооруженные силы Советского Союза, США и Англии, которые в освобожденном от фашизма Берлине торжествовали Великую Победу.

Я вспоминаю об этом сегодня не случайно. Ведь 9 Мая 1986 года мы будем праздновать 41-ю годовщину Победы в условиях резкого обострения международной обстановки, виновниками которого являются военно-промышленный комплекс США, американские короли ракетно-ядерной индустрии смерти.

Коммунистическая партия Советского Союза, Советское правительство ведут планомерную, наступательную борьбу за укрепление мира и безопасности народов. Многочисленные советские мирные инициативы всепланетно известны. А чем и как отвечают на них нынешние хозяева Белого дома?

Новыми ядерными взрывами в штате Невада. Разбойничьей — так считает весь цивилизованный мир! — бомбардировкой городов Ливии. Необъявленной войной против народов Афганистана, Никарагуа, Анголы. Государственным терроризмом в различных регионах мира...

Но вашингтонские политики, видимо, страдают серьезными провалами памяти. Они забыли уроки 9 мая 1945 года. Им, видимо, не хочется вспоминать встречу на Эльбе советских и американских войск, участвовавших в разгроме гитлеризма. Что ж, чиновникам в Белом доме желательно предать это великое наследие истории забвению, однако народы все помнят! Они не забыли, что советский народ в войне с фашизмом потерял 20 миллионов сыновей и дочерей, что человечеству эта война обошлась в десятки миллионов человеческих жизней, и поэтому люди Земли решительно выступают против американской угрозы ядерной войны, все активнее поддерживают мирную политику Советского Союза.

9 Мая — очень высокий всенародный праздник. Советский народ всегда будет торжественно отмечать этот великий день, день торжества бессмертного дела Ленина, ибо в мае 1945-го социализм еще раз доказал, что он непобедим.

С праздником Победы, дорогие товарищи!

ПИСАТЕЛЬ НА ТЕЛЕЭКРАНЕ 2

КОНСТАНТИН ФЕДИН — ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ 6

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ — КОНСТАНТИН СИМОНОВ — ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО; ВСТРЕЧИ С ГЕНЕРАЛОМ П. И. БАТОВЫМ; К 40-летию НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА 10

ВИКТОР РОЗОВ — РАЗНЫЕ МЫСЛИ ПРИ РАБОТЕ 11

ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА — ЗАМЕТКИ А. ВАКСБЕРГА С ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР 12

НОВАЯ РУБРИКА: ГОЛОС ХУДОЖНИКА В МИРЕ БЕСПРАВИЯ

Б. БРЕЙТЕНБАХ И ЕГО ПОЭЗИЯ 15

ПОЧТА ЛГ

СОРЕВНОВАНИЕ С... БУМАГОЙ?

Как вы думаете, что движет ученым в его работе? Чем заняты его мысли, когда он старается сделать свое дело лучше и быстрее? Наверное, он пытается постичь природу явления, которое исследует, старается открыть что-то новое, неизведанное. Но если мне скажут, что ученый стремится написать побольше статей, сделать побольше открытий, чтобы обогнать соседнюю лабораторию, работающую над совсем другими проблемами, и занять первое место в межлабораторном соревновании, я решу, что ученый этот нездоров.

Меня окружают на работе хорошие умные, неравнодушные люди. Работаем мы в разных отделах, решаем различные проблемы. Сравнить эффективность труда сотрудников разных отделов, определить, кто из них работает лучше, кто хуже, расставить по местам — задача нелегкая. Уже не первый год пытаемся мы найти объективные критерии для подведения итогов социалистического соревнования, для распределения нас «по местам», но тщетно...

Соревнование по своему общественному предназначению должно помогать работать лучше, эффективнее, качественнее. Но я не могу представить, например, врача в соревновании. Врачи, наверное, тоже заполняют какие-нибудь бумаги, а их профсоюзные комитеты отчитываются проведенным мероприятием. Помогает ли это им в работе? Если не помогает — значит, мешает. Отнимает время, силы. И, что еще хуже, приучает фальшивить — делать то, что считаешь формальным, ненужным, с чем не согласен. Я была бы рада ошибаться. Была бы рада услышать «да, помогает» от ученых, врачей, бухгалтеров, трамвайных контролеров, уборщиц (доводилось мне работать и уборщицей, приходилось письменно вызывать на соревнование свою коллегу). Но думаю, что и там, где работа еще организована из рук вон плохо, с «соревнованием» как раз все в порядке. Может быть, даже за внешним благополучием «дела» легче спрятать неблагополучие в настоящих делах?

Нет, не бумагами, галочками, мероприятиями сильно подлинное соревнование. А сравнимостью результатов, гласностью, возможностью практического повторения ценного опыта. Еще раз говорю: меня окружают хорошие, умные, трудолюбивые люди. И таких, уверена, большинство. Вот я и хочу призвать их: давайте не обманывать самих себя. Давайте думать о деле.

Т. ГОРОХОВА

ЛЕНИНГРАД

ФОНДУ МИРА—25 ЛЕТ

Могучая сила

Когда наши мальчишки и девчонки переступают порог первого класса, обычно самый первый их школьный урок посвящается миру. Он так и называется — «Урок мира». И это не случайно. Старшее поколение передает смене, будущему страны свое чувство ответственности за сохранение мира, как никому присущее советскому человеку.

Истоки этого чувства — в истории нашего государства, тяжелом опыте, выпавшем на долю советского народа. Одним из свидетельств нашей заботы о мире является существование Советского фонда мира (СФМ) — одной из самых массовых общественных организаций, отметившей на днях свой 25-летний юбилей. У истоков фонда стояли известнейшие советские писатели Н. Тихонов, А. Корнейчук, М. Бажан, Б. Полевой.

«Убежден, что Фонд мира будет расти изо дня в день. Помните мое слово: он станет могучей организацией. Надо всемерно пропагандировать эту идею, народную идею — создать Фонд мира», — сказал в 1961 году Борис Полевой. Его слова оказались пророческими. В Фонде мира участвуют сегодня — только советских людей — 90 миллионов человек! Взносы поступают практически из любого уголка нашей страны, идут они и из-за рубежа.

Накануне юбилея СФМ издательство «Мысль» выпустило сборник «Ратники мира». Книга эта, по выражению председателя правления СФМ А. Е. Карпова, — первая литературно-художественная попытка проанализировать феномен Советского фонда мира. Авторы «Ратников мира» — писатели и журналисты — в яркой, образной форме рассказывают об истории и сегодняшнем дне фонда. Они дают портреты людей, для которых мир на планете — одна из самых насущных забот. Здесь и писатель, и рабочий, и моряк, и хлебороб, и священник, и военнослужащий... А может быть, в некоторых из них мы в чем-то узнаем и себя?

В книге рассказывается и о том, куда и как распределяются средства фонда, говорится о формах его организационной и интернациональной работы.

Советский фонд мира как общественное движение, отмечается в сборнике, пополняется все новыми и новыми участниками. И среди пополнения день ото дня растет число молодых людей. А это значит, что связь поколений не прервалась. Дело мира будет в надежных руках!

Сергей ВАШУРИН

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЕМ

НЕУТРАЧЕННАЯ ЗЛОБОДНЕВНОСТЬ

Письмо Л. Князевой пришло в редакцию как отклик на материал В. Крупина «Жива ли «Живая вода»?» («ЛГ», № 1).

В нем писатель, отвечая на вопрос, не потеряла ли сейчас, когда началась массированная борьба с пьянством, в злободневности его повесть, высказал такое суждение: «Мнения читателей, что она теряет злободневность, меня очень обрадовали. Это прозвучало как новогодний подарок, ведь если повесть теряет злободневность, значит исчезает и порок пьянства».

«Возможно, пьянство кое-где у нас и исчезло, — пишет Л. Князева. — А у нас как? Количество винных точек сократили. И все равно кажется, что в Глазове их больше, чем в какой-нибудь миллионной Перми. И расположены точечки равномерно, чтобы каждому жителю близко было. Поэтому и зачастили к нам Ваши земляки, кировские, у них там, видно, с этим делом сложности. Рюкзаками водку возят.

Но вот захочется яблочным пирогом полакомиться, а его можно купить лишь в столовой № 5. В выходные дни самый стандартный торт во всем городе не достанешь. А свежая капуста с января исчезла.

Зато водку нам предлагают аммуратно. Даже с доставкой на дом. Не верите? Приезжайте. Прямо в жилых домах «пьяные» магазины. Например, № 27 на ул. Наговицына, 10. А рядом ясельки: «Давай играй, ты будешь мама, я — папа. Я будто пьяный пришел, а ты меня ругаешь». Напротив магазина парк культуры и отдыха, снежный городок — сказочное царство — зимой ежедневно разрушался выпивохами.

Жильцы домов №№ 7, 8 и 10 по ул. Наговицына неоднократно требовали убрать винную точку, оградить людей от пьяниц, но горисполком только отписывается тем, что закрыли «винные точки... в других местах, кстати, не в жилых домах. Между тем письмо в горсовет было подписано и пьющими, нет у них сил самим совладать с соблазном, коли он у родного порога подстерегает.

Как видите, дорогой Владимир Николаевич, «Живая вода» еще очень злободневна. Не одержать нам, видно, победы.

ПО ПРОСЬБЕ И ОТ ИМЕНИ ТЕХ, КТО ЖИТЬ УЖЕ НЕ МОЖЕТ ОКОЛО «ПЬЯНОГО» МАГАЗИНА

Л. КНЯЗЕВА

Удмуртская АССР, гор. ГЛАЗОВ»

ДЕЛАТЬ вид, что пьянство побеждено,— нечестно, даже преступно. Война с пьянством лишь начинается. Только совместные усилия, только сила общественного мнения, только понимание, что борьба за трезвость сродни культурной революции, принесут успех. «Собором и черта поборем»,— говорит мудрая пословица.

Недавно вернулся из Кирова. Гигантские очереди в винно-водочные магазины — деталь, отнюдь не исчезнувшая еще из городского пейзажа. С обидой, которую, в общем-то, можно понять, в очереди говорят. «Столько лет лили, а похмелиться не дают».

Интересно, что поселок Фаленки, где я жил и писал «Живую воду», недалеко от Глазова. Помню, как люди ездили туда за товарами. А теперь уже и за водкой.

Но все же есть и положительный опыт. Можно по-разному относиться к талонной системе, которую ввели в сельских районах Кировской области. Но люди ее одобряют. «Как вы к ней относитесь?» — спросил я звеньевого колхоза «Красный Октябрь» Л. Ердякова. «Очень хорошо относимся, — ответил он. — Какие раньше были разговоры в мужской компании поутру? О выпивке. Какие мысли? О ее продолжении. Такие разговоры иссякли. Самогон тоже никто не гонит».

Можно, конечно, талонную систему воспринимать как полумеру. Но даже такие крохи опыта надо изучать и внедрять.

...Картина, которую наблюдал в Порошине (не более получаса на автобусе от Кирова). Огромнейшую лужу перед магазином полукольцом обхватывает огромнейшая очередь. «Часа на два»,— определяют знатоки. На крыльце милиционер. Впустит десять человек и идет внутрь смотреть, чтоб давали по одной посудине в руки. Очередь спокойна. И замечаю вдруг, что люди собрались в нее, как в клуб, разговаривают, обсуждают новый телефильм, хоккей, живут полной жизнью человеческого общения. И очередь им не в тягость. Сходятся во мнении, что «со ста граммами ничего не будет». Стоят и молодые, для них выпивка, ее доставание — доблесть, спорт.

Доколе малые дети будут играть в пьяного папу, в несчастную маму? В чьей власти находится винный магазин на улице Наговицына в гор. Глазове и на многих других улицах многих других городов? Управления торговли? А управление торговли кому подчинено? Горисполкому? Хватит — думаю, должно хватить! — и этих инстанций, чтоб употребить власть и оздоровить обстановку.

Не короток путь исцеления от запущенной болезни. К тому же столько лет бессменной валютной единицей была та же бутылка.

Надо запасаться терпением, но не сидеть сложа руки. Вот вам из опыта подобной ситуации. Мы, жители улицы Полбина в Москве, долгие годы боролись с пивной, расположенной близ школы и детских садов. Борьба была невероятно трудной. Мы — общественность — победили. Уверен, победите и вы.

Владимир КРУПИН

Егор ИСАЕВ:

ЧТОБЫ ЖИЗНЬ БЫЛА ДУХОВНО БОГАЧЕ

Указом Президиума Верховного Совета СССР за большие заслуги в развитии советской литературы и плодотворную общественную деятельность поэту Егору Исаеву присвоено звание Героя Социалистического Труда

— Воспринимаю эту высочайшую награду Родины как большую честь, — сказал Е. Исаев в беседе с корреспондентом «ЛГ» Е. Кузьминым.— Воспринимаю радостно, как праздник, и в то же время буднично, то есть с настроением работать больше и лучше.

Ведь многое из того, что мне хотелось сказать, еще не сказано и на совести лежит как долг. Не довелось еще сказать о деревне нашей, о человеке, который растит хлеб, берет землю в ладони, видит, как земля словно боковой волной убегает под лемех плуга. Эти люди — и пахари, и философы одновременно. Мы сейчас слишком часто называем их тружениками села, но слово «труженик» устало от множественного употребления, оно чрезмерно, что ли, заэксплуатировано. Почему бы нам по-прежнему не называть их крестьянами? Ведь слово «крестьянин» — это великое слово: человек, который с землей на «ты», она для него и друг, и мать, и невеста. Можно работать на земле, но для того, чтобы считать себя крестьянином, нужно и знать ее, и обязательно любить. Земля — это большой учебник, написанный самой природой. По нему надо учиться — без этого человек перестает быть человеком. Я пришел к мысли, что земля, поле есть и в городе, они живут в нем как чувство. Даже в тех молодых людях, которые никогда не видели поля и слышали о нем лишь по рассказам бабушек и дедушек. И все же утверждаю — и в их душе поле живет как чувство — чувство Родины, чувство сказки, чувство родного языка. Оно где-то там лежит — на горизонтах земли и сердца, и всю жизнь непрерывно идешь к ним. Как поэт, я очень хочу эту вот деревенскую землю, поле, луг сделать достоянием горожанина, потому что только так взаимоукрепляется и становится глубже народ, созидающий великую историю.

— Об этом будет ваша будущая поэма? Вы уже пишете ее?

— Пока еще нет. Но это живет во мне и требует отдачи. Во что это выльется? Не знаю. Я ведь не знал заранее, как возникнет «Двадцать пятый час». А вот чувство, почти рассказ, положенный в основу поэмы «Убил охотник журавля», пришло ко мне с моей родной земли, с моего Забитюжья, что тянется вдоль реки Битюг в Воронежской области.

Еще хочу дотронуться до колокола — этот величайший музыкальный инструмент у нас как-то несправедливо забыт, лежит на обочине времени. О нем хочу написать, уже сейчас пишу. Я бы сказал, это великий публицист в музыке, потому что он — для всего народа и рожден был еще до того, как возникла церковь. Колокол — это звуковой костер, и я мечтаю что-нибудь сделать, чтобы вернуть его в нашу жизнь.

— О роли литературы и искусства в жизни нашего общества много говорилось на XXVII съезде нашей партии. Писатели страны стремятся активно включиться в реализацию его решений...

— ...Решения съезда выросли из жизни и ради жизни. Все дела наши и мысли направлены сейчас на то, чтобы экономика страны развивалась быстрее и энергичнее. Но ведь экономика не самоцель, не ради самой себя, она для человека, чтоб вся его жизнь была лучше, духовно богаче. Наша Родина удивительная, в такой стране хочется прожить не одну жизнь, а несколько жизней: везде народиться, везде влюбиться и сказать обо всем на разных языках. Нет другой такой родины, как наша, страны долинной, горной, лесной, полевой, земли большой океанской линии, страны любви, подвига, страны великой революции и великого созидания. Как сказать обо всем этом в слове? Я этого слова и жажду, и робею перед ним — прорастет ли оно во мне так, как я того хочу, как чувствует душа?

Слово литературы — самое общительное слово. Писатель — изначально гражданин, публицист. Он должен уметь общаться с людьми, спорить с ними, убеждать, но и учиться у них. Он должен чувствовать человека, верить в него. Писатель по природе своей, наверное, не может не быть оптимистом. И при том, что он всегда должен быть в гуще жизни, ему, как говорил Твардовский, необходим запас покоя. Писатель — это человек великой общительности и великого уединения. Одно не противоречит другому, если писатель истово служит своему народу и своему таланту. Его сердце и в уединении несет в себе целый коллектив.

Писатель не может, не имеет права жертвовать глубиной ради быстро скользящей поверхности. В противном случае получается лишь «строчкогонство». Ложно понятое, механическое ускорение искусству противопоказано.

Писатель должен быть горяч и глубок в каждой своей строке, должен быть передовым, а не «передовитым». «Передовитость»—имитация передового, спекуляция на нем. Передовое — это подготовленное движение вперед, подготовленный рывок. Писатель должен своим словом создавать психологическую готовность в сердце человеческом, готовность к тому, чтобы совершить очень глубокий, честный, мужественный поступок, подвиг во имя других — не ради аплодисментов и сиюминутных выгод, а ради того, чтобы сделать шаг, а то и два шага вперед.

— Вы отдаете много сил и времени пропаганде художественной литературы, подготовке поэтических праздников. Приближается юбилейный XX Пушкинский праздник поэзии. Каким он видится вам?

— Моя мечта сделать день рождения А. С. Пушкина государственным праздником. Праздником литературы, искусства, всей нашей культуры. Праздником красного числа в календаре, всеязычным праздником — соответственно великим словам великого поэта:

«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, и незовет меня всяк сущий в ней язык...»

НЕОБХОДИМЫЕ СОБЕСЕДНИКИ

Писатель на ТВ

НА ДНЯХ закончился показ нового многосерийного документального телефильма «Страницы советского искусства. Литература и театр». Заключительная серия была посвящена текущему, седьмому послеоктябрьскому десятилетию. Десятый фильм «Страниц...» захватил никак не меньше, чем первые серии, запечатлевшие корифеев и основоположников, щедро насыщенные уникальными кадрами. Этот, десятый, увлек остротой разговора именно о проблемах не только вчерашних, но и сегодняшних, завтрашних.

Проблемный разговор сильно, точно прозвучал в этом фильме благодаря слову писателей, некогда обращенному к аудитории в Останкинской студии, в Ленинской библиотеке, в Московском университете. Тут были голоса Леонида Леонова и Юрия Бондарева, Федора Абрамова и Юрия Трифонова, Виктора Астафьева и Валентина Распутина, Василия Белова и Сергея Залыгина... Фрагменты встреч, уже достаточно отдаленных во времени и совсем недавних, стали смысловыми узлами повествования, эмоциональными акцентами его, драматургическими опорами. Сами встречи — как добрая традиция, как приметная черта нынешнего развития нашей культуры, как социальная необходимость — открылись по-новому. А то, что писательское слово, писательская мысль звучали с экрана еще несколько лет назад, осознавалось как свидетельство давней потребности нашего общества в сегодняшнем крутом переломе, насущном во всех сферах жизни. Потребности, зревшей годами, вдумчиво и яростно осознававшей себя, все более решительно о себе заявлявшей.

Это напоминание о традиции, и впрямь ставшей одной из приметных черт нашего общественного и культурного развития, оказалось сейчас особенно уместным. Полтора часа недавней (и повторно показанной 1 мая) беседы академика Д. С. Лихачева с теми, кто собрался в Останкинской студии, с громадной телеаудиторией, стали важнейшим фактом нашей духовной жизни, событием общественной значимости — из тех, социальный и нравственный заряд которых рассчитан намного вперед. Недаром наутро незнакомые люди в метро, в автобусах спрашивали друг у друга: «Смотрели вчера?..» Понимали смысл вопроса с полуслова. Подхватывали, обсуждали то, что и впрямь оказалось самым важным для них. Для всех нас. Для сегодняшнего дня.

Колоссальное развитие науки. Ее ответственность, ее гуманистическая суть— и оттого сугубо нетерпимые нарушения этических норм в науке, «от имени науки». Единство гуманитарного и естественнонаучного знания — и опасность, возникающая при распаде такого единства. Социальная, нравственная ответственность перед историей, перед прошлыми, нынешними, грядущими поколениями — и суетливое служение сиюминутной выгоде, ложно понятому прогрессу. Обо всем этом и шел самый резкий разговор. Интеллигентность предстала как синоним реализма мысли, истинности чувства, силы совести. Как то, в чем притвориться невозможно. Академик Лихачев сказал о том, что хотя есть у нас Закон об охране и использовании памятников истории и культуры, но никто еще не был привлечен к ответственности за нарушение буквы и духа этого закона. Бывают ситуации, когда «никто не виноват», а памятник погибает как бы сам собой, на глазах у всех, будучи под охраной и становясь жертвой общего равнодушия, безликой безответственности.

Разговор шел и о современном литературном процессе, о том, как важно общественное мнение по поводу литературы. О пагубном, сказывающемся уже сегодня, недальновидном и неумном сокращении курса литературы в школьных программах. О неумной идее заменить изучение произведений «проработкой» фрагментов. О том, что теряется культура «медленного чтения», без которой немыслимы нравственное воздействие литературы, ее вклад в духовное развитие личности. О многообразии искусства и о высоком, непростом искусстве радоваться разному в культуре, понимать высокую самоценность этого ее разнообразия.

Разговор шел о самобытности нашей национальной культуры, о ее вкладе в культуру мировую, о ее нерасторжимых связях с мировым культурным процессом. Интернациональный дух культуры, неотделимый от патриотизма, от пушкинского завета гордиться славой своих предков, пронизывал богатейшую драматургию этого вечера — драматургию мысли, отточенной, уверенной в своем праве и в своей обязанности — быть неравнодушной ко всему, отвечать за все.

Какая там «кабинетность»! Именно сегодня, на крутом переломе, академик Лихачев и его собеседники дельно, серьезно, интеллигентно показали, какой громадный социальный резерв таится в историческом сознании, в культурном самосознании народа. Как важно активизировать этот резерв — всюду, повсеместно. Как важно сделать это, поддерживая инициативу людей, формируя историческое, культурное, эстетическое сознание общества силами самого общества.

Это стало и одной из центральных тем беседы Леонида Леонова со студентами и преподавателями МГУ. Вышедшая в эфир в апреле нынешнего года, она, записанная в конце 70-х, тоже обожгла своей актуальностью, остротой разговора о нравственном долге литературы, о том, что Леонов назвал «добросовестностью» ее, определил как условие ее истинного существования, ее действенности, ее отдачи. Многообразие литературы, несводимость ее развития и ее оценок к однолинейной схеме, ее самоотдача, ее взыскательность к себе. Ее долг противостоять пагубной самоуспокоенности — в жизни, в искусстве.

В связи с творчеством Леонова возник разговор об историческом самосознании народа, о воспитании памяти, о том, как откликается преступное небрежение исторической памятью. И здесь, на глазах у зрителей, активно работала память самого собеседника — глубокая, далекая от идолопоклонства, действенная, пытливо оценивающая собственные законы, то, что в ней незыблемо, и то, что подвержено действию времени, влечет неизбежные переоценки. Это касалось и людей, с которыми судьба сталкивала Леонова, — оттого, например, гигантская фигура Горького по ходу беседы предстала перед слушателями в живой ее неповторимости, ясная, человечная, непростая. И творчество самого Леонова, увиденное писателем в развороте лет, событий, судеб, для каждого, кто был свидетелем и участником этой встречи, откроется после нее новыми важнейшими гранями. И личное, неповторимое, леоновское, и общее, от эпохи идущее, эпохой рожденное. И диалог о самой эпохе, ее направленности, ее трагических противоречиях состоялся важнейший. По духу. По тому, как старый русский писатель, один из лучших мастеров отечественной литературы нашего веке, говорил о тревогах нынешнего и завтрашнего мира. По тому, какая бездна знаний, опыта, мыслей открывалась за разговором неторопливым, спокойным — и полным внутреннего напряжения мысли, души.

Эти встречи всегда еще и там дороги, что сама природа их — импровизационная, настроенная на неожиданные повороты, вызванные очередной запиской, очередным вопросом, заданным с места. Художник раскрывается тут и в искусстве ведения беседы. В творчестве самого разговора, развертывающегося в зале, перед камерой.

Вот почему столь интересной оказалась и встреча Юрия Бондарева с читателями. Но тут «нерв» передачи был совсем иной. Тут — как бы изначально заданная интонация спора. Конечно же, о романе «Игра», вызывающем по сей день самые разноречивые суждения. Роман не всем, выражаясь обиходным языком, понравился. Многих удивил непохожестью на предыдущие книги Бондарева. Писатель принародно выразил радость именно по этому поводу. Участники встречи спорили друг с другом, спорили с Бондаревым. А он исподволь привел их к конечному выводу: ради того и книга делалась. Не с целью всем понравиться. Не с целью предложить рецепты: порой куда важнее поставить диагноз. Описать симптомы болезни. Раздразнить читателя: споря с автором, он может надежней открыть для себя подзабытые прописные истины, нежели тогда, когда за писателем вслед будет заученно эти истины повторять.

Естественно, что по ходу встречи не раз сопоставлялись герои книг Бондарева, посвященных военным годам, с героями «Игры». Разговор, по сути дела, шел об уровне художественного восприятия — о нем, вольно или невольно, говорили все участники этой встречи, скоро обретшей черты острой литературной дискуссии (пожалуй, впервые таковая в столь интересной, естественной форме возникла на нашем телеэкране)...

Что греха таить: утверждая дух критики и самокритики, мы сегодня достаточно часто сталкиваемся с простым, невеселым и, увы, неизбежным фактом (издержки предшествующих лет дают о себе знать—оттого и неизбежность) — культуры спора, острого, принципиального, но основанного на взаимном понимании, на уважении чужого мнения, людям зачастую не хватает. Приходится учиться. В жизни. В работе. В том числе и в критике. Учиться, отметая групповые пристрастия, личные амбиции, вкусовые стереотипы. Тут разговор о литературе, искусстве может дать очень многое. И дорогого стоит то, что один из ведущих наших писателей так радостно и уверенно ринулся в гущу спора о собственной книге.

«Общественное мнение по поводу литературы», и не только нее, в эти вечера раскрылось на экране в формах уже привычных — и принципиально новых. Тем определенней звучала мысль о праве искусства, литературы влиять на общественную мысль, на общественное сознание. О том, сколь необходимо оценить сегодня это право как гражданский долг, как профессиональное дело культуры, как нравственный императив. О том, сколь важно сегодня быть достойными этого права. Вот почему три встречи, каждая по-своему, стали впрямь принципиальными в работе телевидения, ориентированной на то, чтобы литература, история, вся наша культура с максимальной отдачей использовали свое высокое «право влиять».

Василий КИСУНЬКО

ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

ПРАГА,
СОЮЗ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Дорогие товарищи!

По случаю национального праздника — 41-й годовщины освобождения страны от фашистских захватчиков передаем всем чехословацким писателям братский привет и сердечные поздравления.

В Советском Союзе хорошо знают и высоко ценят произведения чехословацких писателей, а также тот большой вклад, который они вносят в общую борьбу стран социалистического содружества за мир, против угрозы термоядерной войны.

Приветствуя сегодня чехословацких писателей, мы с чувством удовлетворения отмечаем, что сотрудничество между нашими писательскими союзами, основанное на давней дружбе, на единстве целей и взглядов, неизменно развивается по восходящей линии и приобретает все более конкретный и деловой характер.

Решения XVII съезда КПЧ, принятые им масштабные планы социально-экономического преобразования открывают новые перспективы сотрудничества между братскими союзами писателей СССР и ЧССР.

В эту славную годовщину желаем чехословацким писателям новых успехов в творческой деятельности во имя дальнейшего процветания вашей родины, торжества социализма и мира на благо братской дружбы между народами наших стран.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

БЕРЛИН,
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ГДР

Дорогие товарищи!

По случаю 41-й годовщины освобождения немецкого народа от гитлеровского фашизма шлем вам братский привет и самые сердечные поздравления.

За годы, прошедшие после освобождения, писателями Германской Демократической Республики создано немало произведений, отображающих славный путь народа ГДР в строительстве развитого социалистического общества. Лучшие книги писателей ГДР хорошо известны советскому читателю.

Недавно состоявшиеся XXVII съезд КПСС и XI съезд СЕПГ, несомненно, послужат дальнейшему сплочению писателей наших стран в их борьбе за упрочение мира и откроют новые перспективы сотрудничества между советскими писателями и писателями ГДР.

Желаем вам, дорогие товарищи, новых больших творческих успехов в вашей благородной деятельности, направленной на укрепление дружбы и всестороннего сотрудничества наших народов, наших литератур, во имя торжества социализма.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

IX СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ ЭСТОНИИ

НА НОВЫЕ РУБЕЖИ

Решения XXVII съезда КПСС, наметившего перспективы обновления, стали отправной точкой серьезного и острого разговора на писательском форуме в Эстонии. В докладах и выступлениях были подняты вопросы, затрагивающие многие сферы общественной и литературной жизни республики.

В работе съезда приняли участие первый секретарь ЦК Компартии Эстонии К. Вайно, Председатель Президиума Верховного Совета ЭССР А. Рюйтель, Председатель Совета Министров республики Б. Саул, секретарь ЦК Компартии Эстонии Р. Ристлаан, другие ответственные работники, а также гости из братских республик.

Съезд открыл старейший писатель Эстонии В. Адамс. С отчетным докладом выступил председатель правления СП ЭССР В. Бэкман.

Обратившись к Политическому докладу ЦК КПСС XXVII съезду партии, В. Бэкман напомнил высказанные в нем требования гласности, единства слова и дела. В этих условиях перед литературой ставятся сложные задачи, открываются возможности откровенного, правдивого разговора с читателем. Эстонская литература, отметил докладчик, всегда отличалась тем, что поднимала голос против негативных явлений общественной жизни. Однако далеко не во всех случаях критический пафос был продиктован глубоким анализом и истинным желанием бороться с недостатками. Это позволило литературной критике говорить о «приземленном скептицизме» и некоторой холодности, присущих части эстонской прозы.

В истекший период эстонская литература решала художественные задачи, обращаясь к новым жанрам и формам, разрабатывая новые подходы к теме, открывая пути более эмоционального воздействия на читателя. То, что еще недавно казалось смелым экспериментом, теперь прочно вошло в обиход современной прозы и поэзии. Наряду с традиционным интересом к эстетической стороне произведения усилилось внимание к этическим и социальным вопросам, что свидетельствует о возросшей зрелости литературы.

Соответственно необходимо перестроиться и критике: отказавшись от преимущественно эстетического анализа, она должна рассматривать произведение в целом, во всем многообразии его идейно-нравственной проблематики. До сих пор критическая мысль развивается в более тесном русле, чем литература.

В последние годы появились произведения, авторы которых живописуют лишь мелкие подробности быта, уходя от конкретных проблем действительности. Докладчик усмотрел причину их появления в общественной атмосфере недавнего времени, однако напомнил, что лучшая часть литературы продолжала борьбу с тем, что мешало двигаться вперед. Ничто не может снять с писателя личную ответственность за свою работу.

Сейчас, когда наступило время перемен, литература должна участвовать в интенсификации духовной жизни. Без этого невозможно поднять состояние общества на новую ступень. Серьезная литература и критика должны воспитывать вкус читателя.

Далее докладчик остановился на нерешенных проблемах, существующих во взаимоотношениях издателей и авторов.

В заключение доклада В. Бэкман отметил, что перемены, которые принес минувший год, необходимо глубоко осознать. Литературная деятельность должна быть на уровне задач, поставленных перед всем обществом. Активность, зоркость и чуткость писателей помогут эстонской литературе выйти на новые рубежи.

В содокладе по прозе П. Ливс дал подробный анализ последних произведений В. Луйк, Э. Михкельсон, Я. Йызрюйтв, М. Мутта, М. Унта, Я. Кросса, Л. Мери, В. Бэкмана, Э. Ветемаа, А. Валтона, В. Адамса, А. Хинта, Э. Бэкман, Т. Калласа, М. Саат, Р. Салури, М. Траата, Ю. Туулика и других эстонских писателей. По его мнению, многообразную картину прозы 80-х годов сформировали преимущественно те авторы, чье творчество уже сложилось. Однако и они постоянно ищут новые пути, что служит залогом своеобразия их произведений самобытности творческого почерка.

Существенно расширила свои границы историческая проза, формирующая историческое и культурное сознание читателей. В последнее время она касалась тех вопросов, которые не протяжении десятилетий выпадали из поля зрения литературы. Усилилось публицистическое звучание художественных произведений.

П. Лиас отметил, что эстонская литература последних лет исследовала жизнь человека в конкретном историческом контексте — через прошлое и современность. Писатель в ответе за сохранение истинных ценностей, за будущее своего народа.

А. Лангеметс обратился к произведениям эстонских поэтов, подчеркнув, что между старшим поколением и творческой молодежью нет противоречий и литературной полемики, здесь царит редкое единство взглядов. Современная лирика переживает возрождение нравственного подхода к жизни, который осознается как некое объединяющее начало в мире, стоящем перед угрозой ядерной и экологической катастрофы. Вместе с тем поэзия во многом утеряла былую остроту и социальную злободневность. Несмотря на успех отдельных талантливых сборников и эксперименты, продолжающиеся в творчестве некоторых авторов, на поэтическом Парнасе Эстонии затишье. Многие поэты, обладающие особенно чувствительным социальным нервом, отошли от активного вмешательства в общественную жизнь. Перспективу развития А. Лангеметс видит в следовании гуманистическим идеалам, вере в человека.

О задачах детской литературы рассказала А. Пылдмяэ. Проза и поэзия, обращенные к юному читателю, выполняют свое предназначение лишь тогда, когда дарят ребенку состояние счастья, единства с красотой мира. Литературе для детей необходимы свежесть взгляда, глубина чувства и мысли.

За последнее время возрос выпуск литературы, рассчитанной на детей и подростков. Выходит в свет детская энциклопедия. Окрепле и добилась признания научно-популярная литература для детей и юношества.

Х. Паап посвятил свой содоклад литературной критике, которая является механизмом саморегуляции литературы, каналом двусторонней связи между творчеством и реальностью, контролем профессиональности. С сожалением было сказано о том, что признанные писатели неохотно занимаются критикой, хотя это в традициях эстонской литературы. Их выступления могли бы расширить аудиторию критики, придать весомость литературно-критическому слову.

Х. Пээп отметил успехи теоретического литературоведения, но с беспокойством указал на увлечение критики наукообразием, когда в обращение вводится целый ряд заимствований без точной идентификации терминов, что затрудняет понимание, порою вызывает улыбку, а порою и раздражение.

По мнению М. Мутта, выступившего с содокладом об эстонской драматургии, эта область творчества соответствует общей картине литературы в целом. Быть может, подобное отсутствие специфических проблем вызвано тем, что среди членов Союза писателей нет ни одного, для кого создание пьес стало бы основной деятельностью. Но в последнее время в драматургии появилось много новых имен. По преимуществу это молодые авторы, которые, похоже, не собираются быть здесь случайными гостями.

Содоклад Э. Соосаара был посвящен вопросам художественного перевода. Проанализировав состояние перевода за последние годы, оратор пришел к выводу, что эстонский читатель пока еще не имеет возможности в нужном объеме знакомиться с новинками мировой литературы. Отстают и переводчики, и издатели. Лучше обстоит дело с переводом произведений русских писателей и классики.

В развернувшихся после докладов прениях участвовали 42 оратора. Внимание выступавших сосредоточилось на состоянии и проблемах современной эстонской литературы. Отмечалось, что реализация программных целей партии, направленных на повышение духовного и культурного потенциала общества, обязывает республиканскую писательскую организацию повышать свой авторитет, активнее перестраивать всю деятельность в духе времени, формировать в писательской среде климат доверия и откровенного разговора о самых наболевших и актуальных вопросах творческого развития, искоренять бюрократический подход к нуждам писателей.

В атмосфере нынешнего обновления и оздоровления нравственной обстановки во всех сферах общественной жизни особенно важно, подчеркивали выступавшие, чтобы слово писателя пользовалось уважением народа, чтобы парадность и самодовольство не заслоняли нерешенных проблем действительности. Стремление к правде — вот основной двигатель и направление художественного поиска сегодня. Ведь литература — это средство самопознания и познания общества.

Обсуждая задачи и роль литературной критики, ораторы единодушно признали, что она находится пока не не должном уровне в освещении текущего литературного процесса. Ей не хватает социальной зоркости, развернутого художественного анализа. Неестественным было признано положение, когда на страницах республиканской периодической печати слишком редко появляются оперативные компетентные рецензии и проблемные статьи о новинках литературы. Мало выступают эстонские критики и на всесоюзной арене. Редко в Эстонии издаются сборники критических статей, исследований, а также монографии о творчестве того или иного автора.

Немало упреков на съезде прозвучало в адрес Госкомиздата республики, высказывалось пожелание, чтобы редакторы бережнее работали с рукописями, не нивелировали личность автора, а издательство «Ээсти раамат» чаще публиковало талантливых молодых. Вообще, как показали прения, проблеме литературной смены стоит в республике весьма остро. Помочь начинающим литераторам должен новый молодежный журнал «Викеркаар» («Радуга»), он будет издаваться параллельно и на русском языке. Обсуждалась проблема ежемесячной периодичности журнала «Таллин». На съезде вновь шла речь о школьных альманахах, потому что только инициатива молодежи, ее энтузиазм могут пробудить творческую мысль.

Поднять уровень нашей жизни — это значит думать по-новому, искать возможность взглянуть на мир в полном объеме, в контексте истории и культуры народа. В выступлениях определилась такая позиция: культурное равновесие общества не должно быть нарушено. Необходимо повышать уровень гуманитарной культуры: от школы, где качество преподавания родного языка и литературы оставляет желать много лучшего, до Тартуского университета, в котором объем гуманитарных дисциплин должен быть увеличен.

Большинство выступивших в прениях подчеркивали необходимость рассмотрения в литературе социально значимых тем, утверждения красоты и величия гуманистических ценностей нашего социалистического образа жизни.

На съезде выступил секретарь правления СП СССР Ю. Н. Верченко. Напомнив о месте писателя в народной жизни, об ответственности перед временем, он, в частности, сказал:

— Атмосфера съезда отличается деловитостью и трезвостью оценок. Думаю, всем нам ясно, что литературе необходим сейчас не просто шаг вперед, а качественно новый уровень анализа действительности, подсказанный важнейшим уроком XXVII съезда — неподкупной верностью правде.

На съезде выступили секретарь ЦК КП Эстонии Р. Ристлаан, первый заместитель Председателя Совета Министров республики И. Тоомы.

Состоялся первый пленум правления Союза писателей ЭССР. Председателем правления избран В. Бэкман, заместителями председателя — Я. Кросс, А. Сиит, Я. Йызрюйт. Секретарями правления — Т. Каллас, Л. Мери, П.-Э. Руммо, Юло Туулик.

А. ШАЛГАНОВ, Р. КАЗРА,
специальные корреспонденты «ЛГ»

ТАЛЛИН

Ценности культуры и культура ценностей

В Политическом докладе XXVII съезду КПСС говорится: «...важно построить всю культурно-воспитательную работу так, чтобы она все полнее удовлетворяла духовные запросы людей, шла навстречу их интересам».

«ВОСПИТАТЬ ВОСПИТАТЕЛЯ»

Арсений ГУЛЫГА

Каковы наиболее острые проблемы сегодняшней культурной жизни, что беспокоит, тревожит нас в ней в первую очередь?

ПРОБЛЕМА, затронутая Н. Скатовым, принадлежит к тем, от решение которых зависят и ускорение темпов нашего развития, и выполнение главной задачи современности — сохранения мира на планете. Ускорение — это творчество, мир — тоже творчество, а творческой личность становится, усвоив всю полноту культуры, а не только ее внешнюю, экстенсивную сторону. По части количественных показателей мы далеко ушли: ежегодно выпускается у нас огромное множество специалистов, но, к сожалению, зачастую по принципу — «числом поболее, ценою подешевле». В печати была опубликована внушительная цифра: наша страна располагает одной четвертой всех научных кадров планеты. Количество же открытий, приходящихся на нашу долю, увы, значительно меньше. Пора поэтому подумать о качестве нашей культуры, о ее ценности и ее ценностях, к чему призывает статья Н. Скатова, и по аргументации, и по выводам безупречная.

Противоречия культурного развития подмечены были давно. Еще Кант противопоставил «культуре умения», имеющей прикладное значение, наделяющей человека техническими знаниями и навыками, «культуру воспитания», развивающую в человеке полноту его творческих потенций. Первую он назвал также цивилизацией, вторую — собственно культурой.

Несоответствие между культурой и цивилизацией: отставание первой от второй — болезнь буржуазного общества, где погоня за наживой и культ потребления стимулируют безудержный рост атрибутов внешней, прикладной культуры. Из чисто прагматических соображений поддерживается и высокий уровень внутренней культуры, ибо без нее нет творчества, которое необходимо и для прогресса цивилизации. Так возникают «ножницы»: культурная элита и цивилизованное быдло.

Социалистическое общество призвано эти «ножницы» устранить, предоставить широким массам возможность овладеть подлинными высотами культуры. Но возможность — это еще не действительность. Возможность нужно превратить в действительность, автоматически подобный процесс не происходит, здесь нужны человеческие усилия, активность деятелей культуры, воспитывающих народ. И тут сплошь да рядом выясняется, что «воспитатель сам должен быть воспитан» (Маркс). Зачастую тот, кто должен прививать представление о ценностях, сам такого представления лишен.

ЕДИНСТВЕННОЕ научное учреждение в нашей стране, где давно и систематически исследуется теория ценностей, — Институт философии АН Грузинской ССР. Осенью прошлого года в Тбилиси состоялась вторая Всесоюзная конференция по проблеме ценностей в марксистско-ленинской философии. Мне довелось в ней участвовать. Конференция открылась докладом Н. Чавчавадзе, озаглавленным «Двадцать лет спустя». Докладчик имел в виду то обстоятельство, что в 1965 году именно в Тбилиси во всесоюзном масштабе был поставлен вопрос о целесообразности разработки марксистской аксиологии. За истекшие два десятилетия ценностная проблематика завоевала права гражданства. Теперь уже ясно, что недостаточно апеллировать только к знанию, человеку нужны и ценностные ориентиры, представления о должном и переживание должного.

Среди докладов, прочитанных в Тбилиси, был один, посвященный ценностной ориентации студенческой молодежи. Докладчик оперировал данными социологического исследования, проведенного в одном из вузов нашей страны. О чем же мечтают юноши и девушки, что они ценят больше всего? На первое место участники опроса поставили... здоровье.

Надо сказать, что аудитория была несколько обескуражена таким поворотом дела. Сосед прошептал мне на ухо:

Мой друг, здоровью посвятим
Души прекрасные порывы!

Вскоре мы поняли, что ребята тут ни при чем. Анкета отразила не их духовный мир, а кругозор вопрошающих социологов, которые смогли предложить «здоровью» только следующие альтернативы — «слева», «власть», «комфорт» и т. п. Термин «родина» просто отсутствовал в их наборе ценностных ориентиров. Воспитатель действительно должен быть воспитан.

ОБ ЭТОМ я думал, читая недавно статью известного писателя, в которой упомянуто имя Николая Кузанского. Обнаружив том его сочинений у знакомого молодого человека, писатель не то чтобы начал открещиваться: «Чур, меня, чур», — но все же некоторые атеистические заклинания произнес: «богослов», «мистик».

Молодой человек, судя по репликам, приводимым в статье, Кузанского не читал. А читал ли книгу сам писатель? В предисловии к первому советскому изданию (предисловие короткое, всего полторы страницы, но формулировки даны в нем четкие) говорится: «У Кузанского сильны натуралистические тенденции, по существу направленные против взглядов схоластов-богословов... В трудах Николая Кузанского советский читатель, вооруженный методом марксизма-ленинизма, найдет для себя много ценного». Во вступительной статье ко второму советскому изданию подробно объясняется, а чем состоит то ценное, что в книге можно найти. А вообще-то, почитал бы писатель повнимательнее и самого Николая Кузанского, узнал бы много полезного, узнал бы, например, то, что мыслитель призывал к исследованию природы, готовил почву для современного естествознания и современной диалектики, был непосредственным предшественником Николая Коперника и Джордано Бруно. Тогда бы писатель без труда положил своего молодого оппонента не обе теоретические лопатки. «Культура воспитания», о которой говорил Кант, обязательно предполагает настоящее образование, хотя, безусловно, и не сводится только к нему.

Пора подумать о том, чтобы в высшей школе выкроить время для курса истории мировой культуры, прежде всего художественной, с вкраплениями элементов теории. Такой курс благотворно сказался бы на всех видах деятельности молодого специалиста, которому неизбежно придется быть и воспитателем — в коллективе и в семье. Конечно, образование — не панацея, но без него нельзя. Мы помним ленинские слова: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

В ПЕРВЫЕ годы после революции модны были у нас концепции «пролетарской культуры», якобы вырастающей на пустом месте, которое возникает после основательного разрушения старой культуры. Каких только глупостей тогда не выкрикивали: «Философию — за борт!» и т. д. Все эти лозунги были сработаны «под братишек» рукой псевдоинтеллигентов, напяливших тельняшку поверх манишки. И тогда раздался уверенный голос Ленина с призывом «...взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм».

На смену скомпрометировавшему себя пролеткульту в тридцатые годы пришли другие псевдоинтеллигенты с нелепым требованием построить нашу культуру по образцу Древней Греции. Издали тогда трактат Винкельмана об античном искусстве и взорвали памятник русского искусства и русской воинской славы, сооруженный на народные пожертвования в честь победы над Наполеоном — храм, стоявший на том месте, где ныне плавательный бассейн «Москва». И много других замечательных памятников отечественной культуры исчезло с лица земли тогдашними культуртрегерскими заботами.

Маркс назвал древних греков «нормальными детьми». Характеристика точна и предостерегает против чрезмерного увлечения античностью: зачем взрослому человеку впадать в детство, даже самое нормальное. Кроме античности, были и другие важные культурно-исторические эпохи. Только вся мировая культура, взятая в целом, может служить фундаментом культуры социалистического общества.

Конечно, это не означает, что все культурные эпохи прошлого находятся от нас на одном расстоянии. Нет, палеолит — далеко, средневековье — не близко, а классика — рядом, может быть, среди нас. (Недаром Гоголь называл Пушкина: «русский человек в его развитии, в каком он... явится чрез двести лет».) И все же мы ценим любую эпоху и берем из нее все самое существенное.

БЕРЕМ ЛИ? Боюсь, что и классику мы «взяли» недостаточно. Миллионные тиражи Пушкина, о которых пишет Н. Скатов, конечно, радуют, но достаточно ли глубоко мы освоили пушкинский текст? Ведь классический писатель — это не только он сам, но и предшествующая традиция и окружение, вся атмосфера его бытия. Ленин говорил, что нельзя понять «Капитал» Маркса, не проштудировав всей «Науки логики» Гегеля. Решусь по аналогии утверждать: нельзя понять «Бориса Годунова», не прочитав «Истории государства Российского» Карамзина. Во всяком случае, трагическое безмолвие народа начинает звучать набатным колоколом только после знакомства с соответствующими карамзинскими страницами, поэт предполагал у своего читателя безукоризненное их знание. И «Думы» Рылеева не полны без «Истории государства Российского». На этом произведении выросли русские классики прошлого века, вообще это точка отсчета и новой нашей литературы, и современного языка, а не просто очередное историческое исследование. В последнее время все чаще приходится слышать о заслугах Карамзина перед родной культурой. Я имею в виду, в частности, книги Н. Эйдельмана и Е. Осетрова. Но где прочитать «Историю государства Российского»? В советское время она не издавалась. Недавно она вышла на чешском языке в Праге, подана заявка на немецкое издание в Лейпциге. Что ж, будем читать «Историю государства Российского» по-чешски и по-немецки.

Карамзин, как и Пушкин, как Достоевский и Толстой и другие классики, учит нас одному: культура — это не слова, пусть даже самые высокие, это дела, деятельность, которая, как бы мала ни была, должна носить характер творчества — поиска истины, добра, красоты. Культура — это реализованные ценности, должное, ставшее сущим; это гуманность, отношение к человеку как к цели, а не как к средству. Центральная позиция в культуре — родина, родной народ. Впитать родную культуру как частицу всемирной — только так можно стать личностью, то есть индивидом, осознавшим и реализовавшим не только свои потребности, но и свои способности, а главное, свою ответственность — за себя и за то, что вокруг.

Прививать культуру надо повсеместно и повседневно, не страшась повторять прописи. Одно время в поездах московского метро время от времени раздавалось напоминание о том, что надо уступать места женщинам и старикам. И стали уступать. А теперь то ли пленка износилась, то ли это кому-то не понравилось, но призывы к вежливости умолкли, и молодые люди встают реже. Начнем с мелочей, с культуры быта и поведения, а там, гладишь, дорастем до того, чтобы «взять всю культуру», к чему настойчиво призывал Ленин.

«РАЗМЫВАНИЕ КРИТЕРИЕВ»

Вадим КОЖИНОВ

Этим вопросам была посвящена напечатанная в «ЛГ» (№ 4, 1986) статья доктора филологических наук Н. Скатова. Одновременно с этой статьей мы поместили и комментарии к ней доктора философских наук В. Межуева и доктора исторических наук И. Бестужева-Лады.

В ответ на эти публикации в редакцию пришло много откликов. Тема, как подтвердила читательская почта, заинтересовала читателей.

Сегодня мы продолжаем разговор.

ВСЕЦЕЛО разделяя пафос и основные положения статьи Николая Скатова, не могу не сказать все же, что в ней недостаточно четко и конкретно определено соотношение «интенсивного» и «экстенсивного» в мире культуры; это, между прочим, дало повод В. Межуеву усмотреть в скатовской статье чуть ли не апологию существования «плохой культуры»...

Вполне очевидно, что громадная, безусловно преобладающая часть культуры слагается из явлений, которые не воплощают в себе высших духовных устремлений. Это явления чисто «просветительского», информационного и, с другой стороны, «занимательного» или попросту развлекательного характера; нередко две указанные функции соединяются, порождая книги, картины, зрелища информационно-развлекательного назначения. Эти-то явления и следует, по-видимому, понять как экстенсивное в культуре — хотя бы уже потому, что они нацелены на всемерное распространение вширь и мгновенную усвояемость.

Экстенсивная культура, на одном полюсе которой — разного рода учебные и производственные пособия, на другом — заведомо увеселительные тексты, изображения и действа, в центре — явления, основанные на сочетании, как говорили в старину, приятного с полезным, с детских лет входит в жизнь каждого человека и играет в ней свою необходимую и весомую роль. Считать эту часть культуры — и в том числе относящиеся к ней произведения литературы и искусства — чем-то принципиально «плохим» нет никаких оснований; без нее немыслимы ни труд, ни отдых. И количество явлений этой культуры резко превышает количество явлений «интенсивной» культуры, что вполне естественно.

Николай Скатов выразил острую тревогу по поводу того, что у нас слишком много профессиональных стихотворцев (в одной только Москве — четыреста). Мне этот факт сам по себе не представляется тревожащим. Да, за год выходят в свет пятьсот—шестьсот книг русских советских поэтов (включая переиздания) — то есть две книги в день! Но ведь примерно столько же стихотворных сборников издавалось за год и во времена Александра Блока (чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с библиографическим указателем Ан. Тарасенкова «Русские поэты XX века»), однако подобное обилие не помешало плодотворному развитию тогдашней поэзии. И высокая поэзия осуществила свое назначение, несмотря даже и на тот факт, что тиражи книг таких современников Блока, как Бальмонт, Басов-Верхоянцев, Аполлон Коринфский, Игорь Северянин, Скиталец, П. Якубович, в пять, десять, а подчас и в сто (!) раз превышали тиражи блоковских книг...

Но почему высокая культура осваивается медленнее? Вовсе не потому, что она в прямом смысле слова труднее для понимания. Как раз экстенсивная культура чаще всего предполагает определенную — и даже очевидную — «усложненность», о чем еще сто десять лет назад не без сарказма писал Достоевский:

«...Что ясно и понятно, то, конечно, презирается толпой, другое дело с завитком и неясность: а мы этого не понимаем, значит, тут глубина. (...Повесть «Пиковая дама»... и «Кавказские повести» Марлинского явились почти в одно время, и что же — ведь слишком немногие тогда поняли высоту великого художественного произведения Пушкина, большинство... предпочло Марлинского.)

Суть дела в том, что интенсивная культура подразумевает творческую активность, в конечном счете подлинное сотворчество читателя и зрителя, а экстенсивная вполне усваивается при пассивном, как бы автоматическом восприятии текста, мелодии, картины, зрелища, даже при всей их внешней усложненности. Так воспринимаются романы В. Пикуля или Ю. Семенова с их запутанными нагромождениями событий и деталей (в этих нагромождениях и не надо разбираться — достаточно просто ощутить их), красочные коллажи И. Глазунова и гротескные телемюзиклы М. Захарова... Читатель без труда продолжит этот перечень.

Можно и должно критиковать конкретный смысл и стиль тех или иных из перечисленных и близких им явлений; но нет никаких оснований сомневаться в законности самой этой области искусства — по-своему интересной и важной.

НАСТОЯЩУЮ тревогу вызывает другое — разрушение или хотя бы размывание иерархии ценностей, которая, как совершенно справедливо заметил Николай Скатов, является необходимым условием подлинного развития культуры. Он же указал и яркие образчики подрыва этой необходимой иерархии. К глубокому сожалению, они не единичны. То прочитаешь в газете, что-де искусство двух популярных нынешних конферансье несет в себе «моцартовские начала», то характерная актриса фарсового дарования сама себя объявит с телеэкрана наследницей Пушкина, и т. д. и т. п.

Николай Скатов совершенно прав, говоря о том, что «народ на мякине не проведешь» и он «будет искать и найдет высокое и ценностное культуры там, где оно действительно есть». Об этом с очевидностью свидетельствуют немедленно исчезающие с прилавков миллионные тиражи классических книг, в том числе (что наиболее показательно) самых «высоких» поэтических книг. Всего лишь каких-нибудь два десятилетия назад широкое внимание могли привлечь почти исключительно стихи эпатажного характера, а книги Баратынского или Тютчева, Блока или Заболоцкого годами не расходились. Теперь же книги этих поэтов вновь и вновь выходят тиражами в несколько сот тысяч экземпляров и все же не могут хоть на день-два задержаться в магазинах.

Существует, впрочем, мнение, что далеко не все покупатели читают эти книги. Но даже если дело вправду обстояло бы таким образом, все равно исключительно важно уже само по себе осознание высшей ценности подлинной поэзии — осознание, ставшее ныне широчайшим достоянием, что не может не иметь дальнейших плодотворных последствий. Такое широкое и страстное преклонение перед поэзией в истинном смысле этого слова еще не имело места в истории...

Деятели экстенсивной культуры ясно видят, что происходит, и вот на нас начинает извергаться неиссякающий поток всякого рода обработок и «прочтений» — театральных, кинематографических, телевизионных, музыкальных, танцевальных и т. п. — классических произведений. Это в самом деле одна из серьезных и острых проблем нашего времени.

Вообще-то проблема отнюдь не нова. Еще в 1864 году создатель жанра оперетты Ж. Оффенбах сочинил и поставил свою буффонную «Прекрасную Елену», основанную — ни много, ни мало — на сюжете гомеровской «Илиады»!

Казалось бы, уже один этот факт способен опровергнуть противников бесчисленных сегодняшних перелицовок классики — ведь из-за столь давней оффенбаховской «авантюры» ничего страшного не произошло, и Гомер остался Гомером. Дело в том, однако, что оффенбаховский мюзикл никто и не помышлял рассматривать в прямой связи с гомеровским эпосом. В отличие или, вернее, в противоположность этому нынешние перелицовки классики (подчас не так уж далеко отстоящие по своему «творческому методу» от оффенбаховской «Елены») трактуются и самими их авторами, и критикой в качестве законных современных «прочтений», «интерпретаций» и т. п., которые-де «приближают» к нам классические творения или даже «развивают» и «углубляют» их смысл. В последнее время верность классическому подлиннику — это своего рода исключение (как телевизионный фильм Е. Ташкова «Подросток»).

«Если вам не нравится наше творчество, — любят восклицать «интерпретаторы», — читайте самих классиков!». В конечном счете классические творения, разумеется, остаются нетленными; а глазах сколько-нибудь серьезного читателя, обратившегося к «подлиннику», все интерпретационные ухищрения разлетаются, как пустая шелуха. И меня, признаюсь, по-настоящему удручают лишь «современные прочтения» тех произведений, которые обращены не только к взрослым, но и к детям, — как сказки Андерсена или даже «Три мушкетера» Дюма. Нет, недаром было сказано об ужасных карах, ожидающих тех, кто соблазнит одного из малых сих... Выворачивающий все наизнанку фильм о Красной Шапочке способен в самом деле отравить сознание ребенка.

Что же касается проблемы перелицовок классики вообще, более всего тревожит не искажение смысла того или иного отдельного творения (которое, право же, может постоять за себя), но еще один факт разрушения иерархии ценностей, включающийся в некий общий процесс, — увы, довольно-таки широкий.

ЕСЛИ нелицеприятно и трезво выяснить, зачем, собственно, «осовременивается» классика, мы придем к весьма безотрадному выводу. Осовременивание Пушкина или Гоголя, Достоевского или Лескова, Толстого или Островского — это, по сути дела, бессмысленная, абсурдная задача, ибо одно из основных, коренных качеств классики, которое наиболее отчетливо выделяет ее из всей массы произведений искусства, как раз ее способность оставаться живой и современной в позднейшие эпохи. Более того, многие классические творения в наше время открываются перед нами в неведомом ранее богатстве и глубине, и это раскрытие, без сомнения, будет продолжаться в грядущем.

И любые перелицовки классики или «добавки» к ней в действительности продиктованы задачей «увлечь» публику, а если выразиться резче — развлечь ее. При этом далеко не всегда классическое творение делают, так сказать, более веселым, нередко, напротив, нагнетается мрачность, душераздирающие страсти (так, например, и стихотворения Пушкина читают ныне подчас в прямо-таки истерическом духе), но цель ясна — вызвать «острые ощущения», то есть именно развлечь. И главная беда заключается здесь в том, что классика таким образом неизбежно переводится в иной — информационно-развлекательный — ценностный ряд.

Словом, даже те творения, которые должны быть незыблемым венцом иерархии ценностей, используются для ее разрушения...

В последние месяцы наше телевидение сочло нужным дать тем или иным своим программам новое обозначение: «развлекательная передача». Этот, казалось бы, элементарный «прием» представляется весьма важным; для многих зрителей, особенно юных, он играет существенную роль.

Конечно, проблема иерархии ценностей во всем ее объеме никак не может быть решена при помощи столь простых средств. Но главное здесь в самом осознании насущной потребности ее решения.

В своих недавних ответах на вопросы газеты «Юманите» М. С. Горбачев, говоря о том, что «необходимо» для нашей культуры, «для ее дальнейшего быстрого развития, для ее всестороннего расцвета», на одно из первых мест совершенно справедливо поставил «прекрасные традиции глубокого уважения, интереса, тяги к духовным ценностям».

Нельзя не вспомнить, что даже в самый разгар гражданской войны в 1918 году В. И. Ленин счел необходимым подтвердить эти традиции, подписав постановление о воздвижении монументов не только революционерам, но и Толстому и Достоевскому, Лермонтову и Тютчеву, Гоголю и Кольцову, Андрею Рублеву и Александру Иванову. И большинство этих памятников вскоре было воздвигнуто, зримо утверждая собой основы иерархии ценностей.

Речь идет, конечно, вовсе не только о памятниках, но о всестороннем развитии тех традиций глубокого уважения к высшим духовным ценностям, без которых немыслимо подлинное бытие культуры. Эти традиции должны так или иначе воплощаться в повседневной работе любого деятеля культуры, в текущих материалах средств массовой информации, в школьном преподавании и в занятиях бесчисленных очагов художественной самодеятельности народа.

Они сражались за Родину

● Михаил ДУДИН на встрече с однополчанами — гвардейцами. Фото А. ПАУЛАУСКАСА

● Иван СТАДНЮК. Фото В. БОГДАНОВА

● Алим КЕШОКОВ. Фото А. ВЛАДЫКИНА

Николай КРЫЩУК

МОЛОДЫЕ ПИШУТ О ВОЙНЕ...

НАМ, РОДИВШИМСЯ в годы послевоенной разрухи, воспитанным на рассказах отцов и на фотографиях, с которых на нас доверчиво глядят лица погибших сестер и братьев, никогда не перепутать эту войну ни с какой другой. Еще не порвалась кровная, кровавая нить, связывающая с ней мое поколение. Эту войну еще можно пощупать, как рубец на спине у отца.

Я помню безногих инвалидов у магазинов, с веселящим ужас весельем проносящихся мимо на своих шарикоподшипниковых досках. Как ходили по пригородным поездам мужчины с гармошкой, пели про «медаль за город Будапешт» и, не глядя на протянутые к ним сигареты, независимо сворачивали из газеты и махорки «козью ножку». Еще не пришла пора вспоминать, еще министр обороны не приказал ветеранам просверлить дырочки в гражданских пиджаках и надеть военные ордена, еще не зажгли первый огонь на могиле Неизвестного солдата. Все это будет потом. А мое поколение как раз оттуда — из сразу послевоенного времени. И дело не только в этих сбереженных приметах его, а в том, о чем хорошо сказано в стихах Нины Кошелевой:

Мы, может быть, и были рождены
Из ненависти к тем, кто убивает.
Война — такое зло, что не бывает
Совсем не пострадавших от войны.

Это главное. И еще то, что испытанное в те годы народом являет нам пример абсолютной духовной высоты, которая необходима равно человеку и искусству и которая так дефицитна в мирное время. Не потому ли вплоть до начала последней войны поэты обращались к войне гражданской? По той же причине и сегодня тема войны заставляет браться за перо людей, войны не видавших. Тайна сия велика есть, а импульсом для новой попытки проникнуть в нее может послужить что угодно. Хотя бы, как у Михаила Позднеева, посещение кладбища:

Кто лежит? Сибарит или стоик,
колченогий учитель-историк
иль полярник, почивший в снегах?

В стихотворении все эти психологические и бытовые домыслы внезапно снимаются главной догадкой: здесь лежат пусть и не прямые жертвы войны, но те, кто воевал. Это открытие переводит философски-ироническую мелодию того, что все уравнены смертью, в тональность высокой патетики:

Так лежат они — сомкнутым строем,
одним миром, единым покроем,
ни за кем ни долгов, ни вины,
крепче камня, надежнее стали —
как единожды в жизни стояли,
лишь однажды. Во время войны.

Многие фронтовики (даже писатели) только теперь находят в себе силы прервать сорокалетнее молчание. Есть в этом и целомудрие, и истинная скромность, и наконец отпускающая боль. Примечательно, что при этом к молодым они не так строги, как к себе. Другая память, другой и спрос. Конечно, по-своему они правы.

Молодые пишут о войне.
Пишут нашей памяти вдогонку.

В этих стихах поэта-фронтовика Германа Гоппе нет и намека на гордый упрек. Напротив, сочувствие: «Как им трудно». Даже то, что «повзрослевшие сыны» в оптимистическом порыве сближают иногда «сорок пятый с сорок первым», вызывает у поэта лишь понимающую улыбку. Но всякому ясно, что это вовсе не означает свободы от ответственности перед темой. И тут, надо признать, положение у молодых сложное. Слишком еще близка память, чтобы подойти к этой теме как к исторической. А по-иному как же, когда еще не обо всем рассказали свидетели. Уязвимость положения и эта вполне объяснимая виноватость хорошо выражены в стихотворной миниатюре Андрея Чернова:

Из дворов, как будто из одежды,
Выросли. Ушли в конце концов.
Здесь уже не хвастают, как прежде,
Мальчики медалями отцов.
И уже родился тот, кто сладит
Классе в пятом, может быть, в шестом
С темой сочинения
«Мой прадед
Был фронтовиком».

Речь здесь не о трусости — об ответственности. Произнести ложное слово перед очевидцами так же страшно, как перед вечностью.

Память — дело интимное. Часто молчаливое. Мне видится особый художнический и человеческий такт, когда она присутствует в стихах именно так, молчаливо. Как в стихотворении Дмитрия Толстобы:

Окоп брусникою обметан,
завален хвойной ерундой.
Под ней видна подошва бота
И каска ржавая с водой.
В песок сквозь дырочку у верха
сползает темный ручеек.
Сажусь. Молчу. Пока не смерклось,
бруснику сыплю в кузовок.

Но, разумеется, о войне можно и нужно писать по-разному. Нельзя только писать плохо. Мне кажется, многие молодые пишут сегодня о войне с какой-то газетной обязательностью. Война, как это ни дико, вошла в число дежурных тем, в смысле прохождения в печать совершенно безопасных.

Читаю издательскую аннотацию. Сам был редактором, поэтому знаю — трудный жанр. Почти вымирающий. И все же «Свой первый сборник стихов «Месяц май» Николай Ударов посвящает Победе советского народа над фашизмом...»

Мне уже не по себе. Все же сорок лет прошло, целая жизнь, можно сказать, прожита. Ушли поколения, народились новые. Дети наши. Позади не только детство — юность. Страшно сказать. Позади не только шестидесятые, благословенные и руганые, но и семидесятые, и восьмидесятые почти. Время если и не эпическое, то уж и не без своего, пусть часто судорожного дыхания. И изжога от него, и сладкий привкус. А главное, наше время, наша жизнь. И неужели о ней ни слова в первом-то сборнике поэта?

Ни слова.

Попытку справиться с предубеждением, вызванным аннотацией, пресекает впечатление от первой же страницы:

Кажется порою —
раннею весной
май придет героем
в шинели фронтовой...

Что за нелепица? Почему май должен прийти «раннею весной»? А главное, почему он должен прийти в «шинели»? Ведь для того, чтобы снова вместе со всеми пережить ликование того славного дня, необходимо, чтобы и трагедия войны повторилась. Не может ведь автор этого желать. О чем здесь вообще речь, если это, конечно, стихи? И зачем этот «повторный» май автору? Пожалуйста:

...и своею лаской
будет средь беды
вместо милой сказки
и живой воды.

Чувство стыда не покидает, когда читаешь сборник. Да кому же понадобился этот неловкий «патриотический» обман! И почему мы должны «тематически» принимать молчаливое и строгое выражение лица, вместо того чтобы дать волю совсем другим чувствам? Ведь тут что ни строфа — квадратное колесо:

И День Победы в памяти недаром
созвучен лишь с последнею войной.
Иначе первым из людей Гагарин
не увидал бы Землю голубой.

Автор, вероятно, хотел сказать, что без победы в Великой Отечественной войне были бы немыслимы наши мирные достижения. А вышло другое. Если бы, мол, День Победы ассоциировался у нас не только с последней войной, то мы не смогли бы первыми послать человека в космос. Почему? А если бы Гагарин даже и полетел, то он ни за что не увидел бы Землю голубой. А какой же?

Или вот такие вяло назывные строки, которые автор посвящает памяти старой ленинградки.

Жить в Ленинграде.
Пережить блокаду.
Всю жизнь прожить.
Работать — не тужить.

Для того чтобы так написать, надо ничего не иметь за душой, кроме авторучки. Ну и, конечно, острого желания напечататься.

Поэтическая неточность рано или поздно ведет к смысловой ошибке. Вот как заканчивается стихотворение о блокаднице:

Ее судьба, ее вершина жизни —
в единоборстве с Пулковской,
фашистской,
смертельной высотою высоте!

Не только воевавшие — любой ленинградец знает, что Пулковские высоты были тем рубежом, который немцы так и не смогли преодолеть. В 1967 году там был установлен мемориальный комплекс «Пулковский рубеж». Не хочется упражняться в остроумии по поводу этой ошибки. И квалифицировать ее не хочется. Удивительно только, что при всем этом Николай Ударов оставляет за собой право, «презрев формальной логики канон и в бескорыстии заверив правоведов, считать, что я (он. — Н. К.) как гражданин рожден в тот самый день, который День Победы». У меня лично нет оснований верить в его бескорыстие. Да и право, о котором автор говорит, надо все же оставить за читателями.

Конечно, случай этот уникален своей откровенной конъюнктурностью и беспомощностью. Но сплав сам по себе симптоматичный. Когда установочный пафос идет впереди знания и впереди чувства, получаются вещи невнятные и именно в смысле пафоса сомнительные, хотя намерения автора вполне искренни. Но ведь и искренность — еще не гарантия поэтической убедительности. Вот с какими призывами обращается Любовь Воропаева к отцу:

Говори, отец, говори...
Говори, отец, до зари...
Не щади меня, не щади...
Вновь в атаку, отец, иди...
Говори, отец, не молчи,
Вновь от ужаса закричи...

Кто же из нас не просил хоть однажды рассказать отца о войне! Но автор не замечает, что выраженное таким образом требование выглядит жестоким. По-человечески понятнее был бы не этот несколько кокетливый и истерический призыв: «Не щади меня, не щади...», а естественное желание пощадить отца.

Читаю поэму «Лейтенанты» Александра Ковалева. В чечеточном ритме с помощью мелькающих кадров он пересказывает нам судьбу молодых лейтенантов. Бодрость интонации прямо-таки обескураживает:

Не грустите, лейтенанты,
Юра, Витя, Валечка,
не спешите, мальчики.
Вы откроетесь еще.
Ваше время —
ПОЛК, В РУЖЬЕ!..

Не уверен, так ли звучала боевая команда для летчиков. И что значит: «Вы откроетесь еще»? Это о том, что через считанные месяцы всем им предстоит погибнуть в бою?

Действительно, принято говорить, что человек во время подвига открывается. Но слово это из другого контекста, эмоционально значительно более напряженного. Возвышенности его сопутствует и трагический оттенок. И чтобы об этом убедительно рассказать, надо заново осмыслить, заново потрястись случившимся. Именно этого в поэме и нет. А потому получается вообще война, вообще подвиг, вообще бой — без человека, без трагедии, без высокой страсти. Этак мы в детстве играли в войну во дворе. Сценарий для игр был взят еще из довоенных фильмов.

Но сейчас все же время другое. И другие мы. И литература наша проделала огромную работу в осмыслении последней войны. Поэтому неловко смотреть, когда тема войны для кого-то становится конъюнктурной. Когда нечего сказать — пишут о войне. И вялые, необязательные (или, напротив, преувеличенно-бодрые, но столь же необязательные) строки нельзя оправдать никакими высокими словами о связи времен!

ЛЕНИНГРАД

ЛГ рецензирует

Александр Кривицкий. «Мужские беседы». Повесть-хроника. Издательство «Современник». М. 1986.

ТВОРЦЫ И СЫНОВЬЯ ПОБЕДЫ

ЭТА ДРУЖБА прошла огонь и воду войны и закалилась ею. Народное присловье об огне и воде тем уместней, что речь идет о дружбе не двух или нескольких людей, а — народов, и по праву больших масштабов ее точнее назвать интернациональной и международной, но из нее нельзя исключить сердечности, потому что сердечна и настоящая международная дружба, и потому, что ничто не мешало этой дружеской сердечности одновременно выражаться в отношениях двух людей, двух солдат.

Об этом написал свою последнюю книгу Александр Кривицкий. Она называется «Мужские беседы».

Беседы эти действительно мужские, потому что где бы они ни завязывались — в окопах, землянках, блиндажах, а изредка и под обычной крышей, перед боем или после, и сколько бы женщин ни выводила на поля своих сражений война, далекая, но все еще кажущаяся недавней, до того незабываемая, — она, как недаром повторяют в народе, мужское дело. Уж очень страшное и жестокое. Но напал враг, и мужчины, чаще всего безмолвно, поднимаются на защиту родного края.

Однако люди везде остаются людьми, особенно настоящие, слово необходимо им, особенно дружеское, и чем труднее час, тем оно необходимей, — вот об этом и речь в книге Александра Кривицкого «Мужские беседы».

Ее главный герой — подполковник чешской армии, скажи которому, как изменится, прямо говоря, возвысится его судьба, наверняка усмехнулся бы такому пророчеству: странная шутка! Он думал совсем о другом — о Праге, отдаваемой под каблук фашистского бронированного сапога, о полях, приговоренных к засеву не хлебом, а смертью. Он этого не хотел, и однажды, незадолго до исторической катастрофы, ему приснился сон: президент Чехословакии с большим чемоданом в руке ночью уезжал куда-то.

— Вы нас покидаете, господин президент?..

— Я удаляюсь в эмиграцию и буду руководить моей страной оттуда...

— Но мы можем и хотим защищать родину... Только прикажите, господин президент, мы вас молим, прикажите!

Об этом сне седеющий подполковник рассказал писателю в Бузулуке, в скудно обставленной комнате штаба чешского батальона, сформированного на нашей территории для боевых действий против захватчиков. Дороги президента Бенеша и подполковника разошлись наяву: первый благополучно переправился в Англию, чтобы оттуда «руководить» родиной, которую предал, второй — с риском для своей жизни через Польшу дошел до Советского Союза, чтобы взять в руки оружие и драться с фашистами.

Давно замечено, как тернист путь истины, и беседы писателя и сдержанно-скромного чешского подполковника, которых все крепче связывала между собою дружба, еще раз подтвердили это. Лондонское правительство Чехословакии потребовало направить чешские подразделения на запад, во Францию, но подполковник вспоминает, как чешские патриоты, наученные горьким опытом, коротко ответили:

— Дудки!

Они решили воспользоваться реально ощутимой помощью дружественной страны и создали поначалу пусть всего-навсего один батальон — в Бузулуке. В том же Бузулуке стояли две из своих дивизий польской армии генерала Андерса. Короче, с понятными сложностями, но все же стягивались силы для боя. Могли ли не коснуться этого собеседники? Подполковник коротко и будто бы неожиданно поинтересовался, будет ли писатель встречаться с Андерсом, и тот отозвался, что не будет, уже имел честь в Москве.

Через одну-другую сцену, колоритные, как и все у Александра Кривицкого, будто само собой написалось о его первой встрече с генералом Андерсом. Ранним утром застигнутый врасплох, польский генерал пренебрег извинениями корреспондента «Красной звезды» на пороге гостиничного номера и сыграл отчаянного демократа.

— Пока русский провозится с кобурой и вытащит пистолет, поляк вырвет из ножен клинок и... дж-и-ик! — Андерс картинно показал в воздухе, как легко и быстро он управится с саблей и с противником...

— Но, господин генерал... несмотря на такое ваше преимущество, мы давно воюем, а вы еще держите саблю в ножнах.

Интервью становилось все конфликтней...

«Мужские беседы» — о многом и многих. Нет нужды называть всех, пусть читатель познакомится с ними сам, можно заверить: ему будет интересно, как всегда, когда он читает Александра Кривицкого. Мы хорошо знаем этого писателя таким, он и не может написать неинтересно. Печально и больно, но правильнее сказать: не мог, потому что недавно мы простились с Александром Кривицким навсегда.

И время напомнить, что в те дни, о которых писатель рассказывает в «Мужских беседах», он еще не рисковал называть и не называл себя писателем, а был военным журналистом, начальником литературного отдела «Красной звезды», но по характеру своему стремился из редакции на передовую, летал в партизанский лес, на многие участки фронта от разъезда Дубосеково до Эльбы, и уже тогда его корреспонденции покоряли всех стилистическим блеском, артистизмом изящной и беспощадной иронии, веселой уверенностью — одним словом, талантом.

Отмечая особенности его прозы, так и хочется подчеркнуть, что при всей своей привычной ироничности сила его слова опиралась на — как точнее сказать, наверно, не выберешь другого — нежную любовь к человеку. Ведь ирония задевала, унижала и уничтожала врагов человека, ведомого по жизни главным чувством. Главным же в человеке для А. Кривицкого — это видишь на всех его страницах — было чувство долга...

Конечно, были польские войска, которые самоотверженно сражались, но, как известно, генерал Андерс увел свои дивизии в противоположную фронту сторону, совсем увел из нашей страны. Что же касается чешского подполковника, то свой первый бой за освобождение родины он провел у села Соколово.

Он мечтал о бригаде — крепкой воинской части — и делился этой мечтой с другом-журналистом при фронтовых встречах и у него дома, в Москве, когда они, можно сказать, коротали зимние ночи под одним одеялом. А чешских патриотов собиралось на нашей земле все больше, и перед вступлением в Карпаты они создали корпус. Эмигрантское правительство в Лондоне снова дало о себе знать и поставило во главе чехословацкого корпуса бездарного командующего, такого, что маршал Конев скоро вынужден был его снять за неспособность руководить боевыми действиями, а корпус получил бывший подполковник, ставший молодым генералом с поседевшей головой, командно 1-й Чехословацкой бригады, ковавшей свой боевой опыт в сражениях под Киевом и Белой Церковью.

Не так-то просто было ему — корпус воевал на деле, а не на словах. Родина приближалась, но была еще за чертой границы. Волынские чехи на Карпатах, пережившие оккупацию, пополняли роты, и делали это охотно. Самых умелых и храбрых людей, пусть без военного образования, но с готовностью отдать себя за освобождение своей древней славянской земли, командующий ставил командирами отделений и рот. Слышались и возражения, но он спрашивал:

— Скажи... у Чапаева было среднее образование, он учился в гимназии?

И вот — Карпаты. Семь кряжистых хребтов, непроходимый Дукельский перевал. В горах — немецкие танки, контратака за контратакой, а командующий 1-м Украинским фронтом маршал Конев приказал при любых обстоятельствах перейти Карпаты. Как шли бои на Карпатских хребтах, это А. Кривицкий показывает лишь эпизодами, но еще один приказ командующего фронтом в адрес командующего корпусом стоит привести: «Господин генерал, я запрещаю вам выполнять роль автоматчика». А когда писатель как-то позже рассказал генералу, что Александр Твардовский написал поэму «За далью — даль», он ответил:

— Если бы я мог, то... написал бы поэму «За высотою — высота».

Он перешел Карпаты и привел корпус в Прагу. Волей истории Прага стала городом, в котором прозвучал последний в Европе выстрел этой войны. Из Берлина, где над рейхстагом уже развевался красный флаг, советские части ускоренным маршем пришли в Прагу, чтобы помочь своим друзьям освободить ее от врага.

Герой книги «Мужские беседы», командовавший сначала батальоном, бригадой, а потом корпусом, и автор этой книги, чешский и советский патриоты отдали борьбе с врагами человечества все свои силы до капли. Про них можно смело и уверенно сказать — они творцы и сыновья Победы.

Людвик Свобода, любимый сын своего народа, семь лет — с 1968 года — был президентом ЧССР.

А фронтовыми ночами не раз признавался, что любит землю и до войны был агрономом.

Как жаль, что эта книга, так остро и так задушевно написанная, где множество ироничных слов оборачивается глубоким лиризмом, вынуждена называться последней из новых книг А. Кривицкого.

Его творческая работа, не знакомая с покоем, была неутомимна. Творческие замыслы обгоняли еще не написанные страницы. При имени Александр Кривицкий мы ждали, что следом прочитаем незнакомый заголовок. Они, новые, да еще привлекательные заголовки, не возникают случайно. Это памятные зарубки собственной жизни, это ее следы и голоса.

Не будет новых книг Александра Кривицкого? Но это невозможно! Мы и теперь не можем согласиться с этим. И давайте ждать, что, может быть, жена — его первый друг, критик и литературовед Л. Михайлова, другие товарищи военных и мирных лет, к интересу и радости читателей, найдут неопубликованные рукописи, вдруг сильно поднявшиеся в цене, и еще соберут новые книги.

Давайте ждать.

Дм. ХОЛЕНДРО

Штрихи к портрету Николая СТАРШИНОВА

ХОЧУ СКАЗАТЬ СВОЕ

Из чистого родника поэзии черпает свои стихи Николай Старшинов. Его лирическое дарование своеобразно без нарочитости. Проникающая его стихи доброта чужда сентиментальности. С четких отправных позиций начинался путь поэта. И хорошо, что он остался верным этому светлому и ясному началу.

Сергей НАРОВЧАТОВ

Фото В. КРОХИНА

«КОГДА я умер... Нет, начну сначала» — такими словами открывается новая поэма Николая Старшинова «...И я открыл глаза...», напечатанная в мартовской книжке «Нашего современника».

Начну сначала и я.

«Солдаты мы». В этой строке Николая Старшинова выразились и его характер, и биография — во всяком случае, главное, определяющее в ней. Пережитое в годы Великой Отечественной войны составляет самую «сердцевину» его человеческой личности.

...нам судьбу России доверяли,
И кажется, что мы не подвели.

В тридцатые годы, еще школьником, Николай Старшинов мечтал оказаться в рядах защитников Испанской республики. Это себя самого и своих сверстников представлял он в тогдашних мечтах полноправными бойцами.

Он поет светловскую «Гренаду»,
И винтовка в маленькой руке.
Он — на осажденных баррикадах
В Университетском городке.

Некоторым из сегодняшних читателей уже, пожалуй, надо пояснять, что это за Университетский городок, а для нашего поколения — это живое воспоминание, боль и надежда, радость от первых ударов по фашизму и скорбь от поражений. Война была еще где-то за тридевять земель от нашей страны, но подростки, игравшие «в Испанию», предчувствовали, что игрой дело не ограничится.

Один из любимых поэтов поколения, Николай Тихонов писал в сороковом году:

«...Мы свой урок еще на партах учим, но снится нам экзамен по ночам!» И вскоре этот экзамен наступил наяву, оказавшись гораздо более жестким и суровым, чем то представлялось романтическому юношескому воображению.

Старшинов встал в солдатский строй уже на второй год войны и полной мерой хлебнул окопного и походного лиха — от тяжести «двухпудового станка пулемета на... неокрепших плечах» до гибели друзей и ровесников, только что бывших рядом с тобой:

Ну вот и первая могила.
Звезда и маленький портрет...
Ему, как мне, в ту пору было
Примерно восемнадцать лет.

Родился под московским небом.
Со мной ходил в десятый класс.
В горах не жил. У моря не был.
Деревню видел в первый раз.

А что еще внести в анкету?
Ни разу не сказал — «люблю»...

Отсвет этой всегдашней памяти о павших товарищах лежит на множестве стихов поэта («Ах, солдаты, мои одногодки, это сколько же вас полегло!»).

Погибшие завещали живым верность Родине, солдатскому долгу, упрямую веру в победу. И, увязая в грязи раскисших смоленских дорог под свинцовыми дождями, бойцы делали свое дело «с дальним прицелом». Некоторые старшиновские стихи той поры, рисующие привычные картины солдатского быта, в этом смысле весьма примечательны:

Мы гимнастерки потные стираем
В ручьях, которым и названия нет.

Ботиночки разношенные ваксим,
Обмотки мотаем до колен.
И снова тащим трехпудовый «максим»,
И так, наверно, до берлинских стен.

Все тут поначалу деловито, обстоятельно, прозаически (ох, уж эти обмотки нудные, так и норовящие у неопытного бойца сползти и вообще развязаться, обрекая тебя на подтрунивание соседей, а то и на сердитый окрик старшины!) Но последняя строчка, хотя тоже, конечно, говорит о тяжести воинского труда (ох, сколько еще верст шагать...), в то же время полна уверенности в победе.

По-разному влияет война на разных людей. Одни грубеют и ожесточаются. Другие же, напротив, не только проникаются высоким духом фронтового братства, но вообще становятся человечнее, более чуткими к людям и ко всему окружающему миру.

Один из погибших студентов Литературного института имени Горького, куда после тяжелого ранения пришел учиться Старшинов, писал:

Если я останусь в живых
И сохраню все, что намечал,
То я от капель дождевых
Спать не буду по ночам.

«Простим» автору еще не успевшую отлиться в полновесные слова вторую строку — ведь зато какая трепетная любовь к природе, миру, жизни во всех ее мельчайших проявлениях запечатлелась в этих стихах!

Я вспоминаю их потому, что Николай Старшинов принадлежит к поэтам, которые как бы унаследовали эту любовь, «подхватили» ее, как в бою знамя из рук убитого товарища, и отныне стали всматриваться в жизнь особенно пристальным взглядом — вроде бы не только своим собственным, но и как бы глазами тех, кто «в горах не жил», «у моря не был», ни разу не сказал — «люблю»...:

Что со мной?.. Ручаюсь головою,
Что-то вдруг со мной произошло.
Заново люблю я все живое,
Все, в чем свет живет и тепло.

Это напраслина, когда в трудную минуту поэт казнится тем, что [illegible] какой-то милый сердцу уголок родной земли:

...Увидел и махнул рукой,
На то, что роща поредела,
Что стонет чибис над рекой.

На пестрый луг в рассветных росах,
На отсвет гаснущей звезды,
На мальчиков беловолосых,
Стоящих около воды...

Какая томительная нежность сказывается в этой остроте зрения, в изобилии примет родной земли, наконец, в трогательных ребячьих фигурках, которые кажутся — во всяком случае мне! — неким ненавязчивым символом вечности жизни, преемственности поколений: ведь так же когда-то бродили над речкой и сам автор, и те, кого уже давно нет на свете!

Об обострении чувств поэта говорят и его стихи о матери, полные все большего понимания ее нелегкой судьбы, характера, постоянных трудов и забот. Трогательная, но немного смешная в своих глубоко «штатских» тревогах о сыне-солдате («Как же так, ботинки без калош?..») «старушка низкорослая» преображается в великую подвижницу с «такой золотой» душой.

И не только в этом случае жизненный опыт научил поэта различать простое величие простых людей, как выразился Гоголь по поводу героев пушкинской прозы.

Муза Старшинова, которую он сам как-то обозвал «развушкой», однако, не чурается будничности, не боится ее. Для нее привычно запросто войти в коммунальный быт и там, казалось бы, в заведомо непоэтической обстановке размышлять над теми «проклятыми вопросами» бытия, которые вроде бы по традиции требуют совсем иного, «возвышенного» антуража.

Что в жизни мне осталось? —
Ну пять, ну десять лет.
Конечно, мир не рухнет
Со мной в небытие.
Но я на этой кухне
Хочу сказать свое.

И так неожиданно там, откуда лишь недавно «ушли к себе соседки», и в то же время так естественно для старшиновского характера звучит, как призывный голос военной трубы, как зовет давней солдатской юности, навсегда вошедший в плоть и кровь поэта, суровое напутствие себе:

...надо, надо, надо
Упасть лицом вперед.

Как падают в наступлении, в атаке, штурмуя новую высоту.

И новая поэма Старшинова, с которой я начал размышления о его творчестве, — о том, как он остался лицом к лицу с грозным предсмертным часом и что пережил в эти мгновения.

Все, как говорится, обошлось: вовремя подоспели врачи, «...И я открыл глаза...» — такой неврифмованной строкой, будто облегченным вздохом, завершается повествование.

Однако эти же слова, вынесенные в заглавие, звучат по-иному — отнюдь не умиротворенно, а тревожно, ибо суть этой поэмы совсем не в избавлении от грозившей опасности, а в том, что, очутившись «на краю», герой с внезапной ясностью увидел нечто, дотоле подернутое пеленой будничных мыслей, дел и забот.

Свидания, о которых идет речь, — это последние мысленные встречи с любимыми, дорогими сердцу — с матерью, кажется, все еще бодрствующей над детской колыбелью героя, с дочерью, еще не знающей, что «ей расти придется сиротой», с женщиной с «прекрасными и скорбными глазами», с друзьями, наконец, — воспоминание о роковом бое, когда «повыкосило» товарищей и раненый герой «полночи от смерти» уползал, волоча за собой «бесконечный кровавый след», изнемогая от боли и одиночества.

И это воспоминание не по «логике бреда» переплетается с нынешним предсмертным томлением человеческого существа. Жестокая память высвечена и удесятерена новой тревогой, словно заревом занимающегося пожара.

Если все предыдущие «свидания» могли происходить у человека в самые разные века, то последнее, пожалуй, удел именно нашего современника.

Мне, словно космонавту с корабля,
Увиделась, как сон, как откровенье,
Вся в голубом мерцании Земля!..

И вдруг Земля
мгновенно стала рядом,
И я увидел, тронутый до слез,
И ласточек, мелькающих над садом,
И куст кипрея, влезший на откос.

Еще совсем недавно трагизм личной судьбы умерялся тем, что «мир не рухнет... в небытие». Теперь же сжимается сердце не только от мыслей о сиротстве дочери и горе любимой, но и от того, что все на Земле, все населяющие ее существа «живут, не зная, что могут их в одно мгновенье сжечь...», что ныне сама наша планета рискует, как раненый насмерть, остаться в руинах после ядерного побоища:

Все развеяно в прах,
Все навеки мертво.
Никого-никого!
Ничего-ничего!..

Вот на что «открыл глаза» герой у своего собственного последнего предела...

Издавна уходящий человек оплакивал свое собственное расставание с «вечною красою» окружающего. Теперь же в отношении героя поэмы Николая Старшинова к миру больше всего тревожной заботы о мире же, ибо отныне мы все должны, как некогда берегла героя мать, хранить нашу Землю «от смертельных болезней... от неверных друзей и от верных врагов...»

«Хочу сказать свое»... Можно найти в новой поэме Николая Старшинова и длинноты, и менее выразительные строки, но нечто свое ему в ней, бесспорно, сказать удалось.

«Пусть былое ворвется в беседы...» — как сказал однажды поэт. Двадцать с лишним лет назад ему однажды пришлось подменить в деревне подпаска, и он по сему случаю «пофилософствовал»:

Земля плывет в осенних красках,
Как полотенце в петухах...
Я в сорок лет еще в подпасках, —
Когда-то буду в пастухах?

Экий, подумаешь, «предел мечтаний»! Кстати, уж если толковать эти строки слишком буквально, то надо упомянуть, что уже к той, сорокалетней, поре Старшинов давно был своего рода «пастухом» — заботливым пестуном непоседливого табунка молодых авторов, которых он всегда опекал, работая в журнале «Юность», а ныне возглавляя известный альманах «Поэзия».

Но, разумеется, не о том шла речь в этих столь характерных для Николая Старшинова строчках. Характерных по безбоязненной готовности взглянуть на себя и на все пережитое даже строже, чем вроде бы требуется реальными обстоятельствами, и тут же с какой-то виноватой, смущенной улыбкой поспешить свести все к шутке.

Будь я художником и возьмись писать портрет Николая Старшинова, я попытался бы изобразить его на фоне осенних красок, в стайке мальчиков «беловолосых, стоящих около воды...», но глядящим на мир новым, сосредоточенным, «взрослым» взглядом, полным любви и тревоги за него.

А. ТУРКОВ

К X съезду писателей Грузии

Ираклий АБАШИДЗЕ

■

Вот это море, эта суша
на свете созданы не мною,
за них не отвечаю я;
мои — беда, что гнет и душит,
и сердце, правдою больное, —
оно — ответственность моя.

Ты это море, эту сушу
не сотворил на белом свете,
не отвечаешь ты за них;
ты за свою в ответе душу,
за мысли честные в ответе,
за высоту и правду их.

Вот это море, эту сушу —
не он их создал;
но сегодня
он, как хозяин, тут и там
бьет в барабан, трясет оружьем
и он готовит преисподню
горам, долинам, городам.

Пока пустынней жизнь не стала
от смертоносного металла,
не превратилось в яд вино —
сердцами мы за все на свете
и мыслью праведной в ответе,
да, мы: и я, и ты в ответе!
И нам другого не дано.

Перевели Римма КАЗАКОВА

Баграт ШИНКУБА

Всадник

Я позабыл свои следы в пустыне,
где расплывались очертанья зноя.
Я отстранил сомнения пустые,
и утро просияло надо мною.

И я ступил на берег вожделенный.
А ветром развороченное судно,
простертое на отмели смиренной,
еще о море бредило подспудно.

Но всадник приближается по склону.
И гневное лицо его открыто.
Его коня я узнаю па звону
мне прямо в сердце бьющего копыта.

«Ты позабыл, что твой родитель — горы,
что лучше их не сыщешь ты на свете...»
Но я не заслужил его укоры.
Мои страданья знает только ветер.

Я столько пережил в пучине моря,
я столько бездн увидел, обмирая,
что светом осиянное предгорье
мне отворилось, как преддверье рая.

Так я стоял на берегу, не споря,
к горам высоким обращенный взглядом.
А за моей спиной дышало море,
И две стихии уживались рядом.

Перевела с абхазского
Наталия СОКОЛОВСКАЯ

Мухран МАЧАВАРИАНИ

■

Иду по дороге, широко шагая,
Деревья вдоль улицы,
В небе — луна.
И дышится вольно,
И светлость такая
В душе,
Что нет слов —
Только радость одна.

А майская ночь, паруса раздувая,
Шагать заставляет быстрей и быстрей.
И не по земле уже будто ступаю —
А будто все выше и выше над ней...

Перевела Светлана КОКОРЕВА

Григол АБАШИДЗЕ

■

Вот мой путь —
он оказался краток,
Ухабист путь —
словно одно мгновенье.
В этих руках моих —
золота малый остаток,
А сколько в них было
золотящегося свеченья!

И все-таки я зажигаюсь
в любви и тревоге.
Видно, есть во мне
пламень божественной речи.
Сидят, как сидели
на дальнем Олимпе боги.
Дела наши взвешивая человечьи.

Пусть они взвешивают!
буду доволен тем я.
Если меня
за мои слова и деянья
Хотя бы один из них вспомнит —
пускай и на время —
И будет меня не хватать ему
в час возлиянья.

Буду доволен, если
путь мой, что краток
Они осветить захотят
пускай на мгновенье.
В этих руках моих
золота малый остаток,
А сколько в них было
золотящегося свеченья!

Перевел Лев ОЗЕРОВ

Фридон ХАЛВАШИ

Батумский дождь

Я знаю,
многие батумский дождь ругают —
Купальщики, туристы... Ну и что ж,
Они ругают, но они не знают,
Что значит наш батумский бурный дождь.

А мне обидно за него до боли,
А для меня дороже звука нет,
Когда по листьям глянцевым магнолий
Он бьет, как в музыкальный инструмент.

О черепицы кровель он дробится,
То глуше, то звончее в крыши бьет.
Как омывает плечи, руки, лица,
Как в водосточных трубах он поет!

Как омывает гроздья «изабеллы»,
На черных виноградниках блестя,
Как он из низкой тучи черно-белой
Летит ко мне, моих небес дитя.

Не только грохотать, он и шептать умеет,
Ласкать умеет, гладить, целовать,
Так прикасаться, как никто не смеет,
И платья плотно к телу прижимать.

Он прям и откровенен, дождь батумский,
Уж лить, так лить, ну просто — водопад.
Хлещи, мой дождь, и ни о чем не думай
Кто рад тебе, а кто не очень рад.

Смывай всю грязь, всю пыль,
весь жалкий [illegible]
Ну, а когда на губы попадешь,
Кто говорит, что пресен и безвкусен
Мой сладкий дождь,
батумский теплый дождь?

Окно открою и в тепле постели
Все слушаю я музыку в окне.
Других не надо песен колыбельных,
Под шум дождя всех крепче спится мне.

Хлещи, мой дождь, и ни о чем не думай,
Дари, пои, прохладой награждай,
Батуми без тебя — уж не Батуми,
Батумец — не батумец без дождя.

Я знаю, многие батумский дождь ругают,
Купальщики, туристы... Ну и что ж,
Они ругают, но они не знают,
Что значит наш батумский бурный дождь.

Перевел Владимир СОЛОУХИН

Нафи ДЖУСОЙТЫ

■

В июльские дни,
утомлен возрастающей болью,
Иду я к вершинам,
подальше от горных дорог,
Хоть знаю: нигде, никогда,
ни один, ни в застолье,
Ни ночью, ни днем
эту боль превозмочь я не мог.

В июльские дни по дорогам,
обнявшись за плечи,
И слезы и песни идут,
и сдержать их нельзя.
Глаза молодые смеются, печали перечa,
В ответ им с тоской
стариковские смотрят глаза.

Лет двадцать уже
без отрыва глядят на дорогу
В безмолвной тоске ожиданья
глаза стариков.
Дорога, и та извелась,
но вернулось немного
Из тех,
в сорок первом войной уведенных сынов.

В июльские дни я,
измучен тоской постоянной,
К молчанью вершин
от дорог многолюдных бегу.
У горцев не принято
людям показывать раны.
И плакать при всех не хочу. Не могу.

Перевела с осетинского
Анна ГЕРАСИМОВА

Михаил КВЛИВИДЗЕ

Отец солдата

Бумагу ношу пожелтевшую я:
Она словно лист увядает осенний...
О, есть ли что горше того извещенья,
Где черным по белому — гибель твоя?!

Там сказано скупо, где надо искать
Приют твой последний в грохочущем мире...
Петитом внизу: «форма номер четыре»...
Взгляну на бумагу — и спрячу опять.

Стал стар я и немощен, сын, — сквозь беду
Плетусь я с трудом на приснившийся голос.
Не так далеко та Луганская область,
А я до нее все никак не дойду.

Желанье заветное в сердце храню:
Очнуться бы вдруг на далеком просторе
И, в камень немой превратившись от горя,
Встать памятником в этом скорбном краю.

Перевела Елена НИКОЛАЕВСКАЯ

Л. ЛАВРОВА

НЕТ ИНОЙ ЦЕЛИ

По страницам прозы журнала «Литературная Грузия»

В НАШ век так называемой «сложной литературы» (мифологического романа, романа-параболы и т. д.) мы, как-то боясь показаться наивными, зачастую стесняемся простых понятий и просто сказанных истин, забывая, что они-то как раз и есть те вечные и нетленные ценности, ради которых стоит жить человеку. Можно возразить, что простота достаточно скомпрометировала себя в литературе, обернувшись во многих безликих книгах примитивными декларациями житейских взглядов автора, упрощенностью трактовок психологии личности, пересказом исторической и социальной канвы там, где требовался философский анализ времени и общественных перемен. Но никто не убедит меня в том, что такая «отражательно-реалистическая» проза, пусть и написанная на самую актуальную и волнующую тему, не стоит на одном уровне с теми сочинениями, где возводятся хитроумные конструкции из эрудиции, сюжетных интриг, фольклора или второсортной журналистики. И то, и то — равно не художество. Гёте писал некогда: «А много ли толку от всех исхищрений талантливого человека, если не выступает его привлекательная, а не то и крупная личность — единственное, что навеки переходит в культуру народа»

Грузинская проза на всем протяжении своего существования не раз давала читателю образцы «крупных» фигур автора, неотторжимого в конечном счете от своего героя. Последние примеры, для меня лично, Чабуа Амирэджиби и его Дата Туташхиа — главное действующее лицо одноименного романа, Нодар Думбадзе и Бачана Рамишвили в «Захоне вечности».

Когда задан в сознании такой высокий тон, невольно ждешь многого от каждой новой встречи с грузинской прозой. И она часто ожидания эти оправдывает.

Передо мной 12 номеров «Литературной Грузии» за 1985 год. 3 — успевшие прийти в Москву — за текущий. О чем хочется говорить прежде всего? Несомненно, центральным событием всех 15 номеров стала публикация романа Тенгиза Буачидзе «Дорога в Детство» (№№ 4—6, 1985). При чтении этого произведения сразу вспомнилась афористическая фраза В. Астафьева из его недавнего интервью в «ЛГ» по поводу выхода в свет «Печального детектива»: «Не лишний багаж — благородное сердце».

Романом «благородных сердец» можно по праву назвать то, о чем повествует грузинский прозаик. Перед нами разворачивается панорама жизни Грузии в нелегкие предвоенные и военные годы. Внимание автора сконцентрировано на истории двух семейств, на долю которых выпали самые тяжкие и трагические испытания того времени. Судьба Дато и Марины (юных представителей семей Мизандари и Миндели) прослеживается автором с детства до их гибели Марины — от непосильной работы в тыловом госпитале и болезни в 1944 году, Дато — под Берлином в 45-м.

Чистота помыслов, нравственная высота, богатство души — не такие частые определения критики, когда речь идет о современных героях. Марина и Дато в полной мере наделены этими качествами. Не сломленные обстоятельствами, не ожесточившиеся на жизнь, они находят свое место и призвание, обретают любовь, возвышая окружающих внутренним светом своих незаурядных характеров.

Роман смонтирован из дневника Марины, куда органично входят и ее стихи, и история злодейского убийства великого Ильи Чавчавадзе, писем героев, различных эпизодов их жизни, множества лирических авторских отступлений и зарисовок быта Тбилиси и грузинской деревни. Появляются в повествовании и реальные лица, и вымышленные персонажи. Организующим началом этого сложного романного сплава служит сам автор, его реплики и монологи, напрямую обращенные к нам, сегодняшним читателям. Вслед за создателем широко известного фильма Т. Буачидзе мог бы сказать: я вспоминаю. Взгляд автора на события почти полувековой давности устанавливает особое сродство прошлого и нынешнего времени, позволяя настоящему извлечь серьезные уроки. Воспоминания являются здесь подлинно творческим процессом. Напрасно писатель в предисловии высказывает опасение, что его роман может быть воспринят как автобиографический. Самораскрытие художника — это отнюдь не только биография и автобиография. Т. Буачидзе удалось преодолеть памятью необратимое движение времени, привычную логику рассказчика о неких человеческих судьбах. Его персонажи — это и часть его собственного жизненного опыта, и просто живые люди со своими радостями и страданиями, ошибками и заблуждениями.

Приближаясь к концу, роман Буачидзе принимает форму почти нравственного трактата посредством развертывания напряженных размышлений о смысле жизни, о смерти и бессмертии. «Быть может, поиск путей достижения всеобщего счастья, его неутомимое созидание и есть не только цель нашего бытия, но и единственное его оправдание?» — так спрашивает писатель и окончательно становится центром созданного им мира, который подсказывает и ему, и читателю ответы на вопросы об истине, добре, справедливости, о действенной силе и торжестве гуманизма: «И как сплачиваются силы зла для одоления добра, пусть так же тесен будет союз между вами — упорными, бесстрашными, честными и правдивыми. Потому что вам и днем светит звезда... которая не снилась иным и ночью...

Стоит жить на свете с сознанием того, что, пока ты есть, добро неодолимо».

Да, добро неодолимо, но силы, противостоящие ему, еще существуют. Роман И. Чадунэли «Рождественский бал», несоизмеримый по художественным достоинствам с произведением Т. Буачидзе, находится по замыслу в русле тех же нравственных исканий. Автор показывает жизнь наизнанку, наоборот — «бриллиантовое дно» Тбилиси, махинаторов всех рангов и масштабов, преступников, дельцов и их высоких покровителей. Такое собрание моральных уродов подобно музею восковых фигур (но, увы, стены этого музея раздвинулись и в нашу жизнь). «Герои» романа Чадунэли действительно раскрашенные мертвецы зомби. Эти лжеученые, «золотая молодежь», «красавицы», готовые на все ради денег, брат продает сестру, жена — мужа. Они объединены круговой порукой полученной не по достоинствам власти, связаны преступным паразитическим образом жизни. Всякая деятельность для них сводится к пустой видимости значительности, к дурной бесконечности потребления, их сознание совершенно лишено ощущения социального, народного, истории. Роман Чадунэли — о «не жизни», и потому его персонажам нет ни оправдания, ни снисхождения, для них не существует будущего. Актуальность этого произведения особенно очевидна сейчас, когда с самой высокой партийной трибуны прозвучал призыв к непримиримой борьбе с негативными явлениями, тормозящими движение нашего общества.

Местами «Рождественский бал» читается, как судебный очерк с реальными действующими лицами. Волна публицистичности, свойственной литературе повсеместно, захватила и роман Чадунэли. Возможно, это необходимый переходный этап к художественному постижению современности, ее актуальных задач, а возможно, замещение собственно публицистики, иногда слишком уж анемичной и многословной из-за недостатка гражданской смелости.

«...И РАССТИЛАЕТСЯ моя память, как распаханная, возделанная земля». Снова память, снова дорога в детство, но уже не с заглавной буквы, как у Буачидзе, для которого Детство — это еще история и время.

Отиа Иоселиани, чьи строки я процитировала, раскрывает в своих рассказах (№№ 1, 3, 1985) детство как мир тех духовных ценностей, куда приходят, словно к истоку реки, чтобы увидеть ее начало, познать смысл и направление ее течения. Талант О. Иоселиани превращает в рассказ все: цыпленка Нацару, пекарню в Губисцкали, ожидание старой Агати своего сына с войны, маленькую подковку на ноге ослика. Нечего придумывать, как будто говорит писатель, вот она, жизнь, изучи любой ее атом — он заключает в себе вселенную. Иоселиани скрупулезно выписывает детали деревенского быта, но никогда нельзя упрекнуть его в бытовизме, он свободен в жизненном материале, как птица в воздухе: зорок взгляд, далеко видно «во все концы». Рассказы его напрямую связаны с публикацией П. Флоренского «Природа» (№№ 9—10, 1985), которая предварена предисловием философа А. Гулыги, приводящего следующие знаменательные и для нашего разговора строки Ф. Достоевского. «Нет ничего выше и сильнее и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание и особенно вынесенное из детства... Если много набрать таких воспоминаний в жизнь, то спасен будет человек на всю жизнь... Может быть, именно это воспоминание одно его от великого зла удержит».

А теперь послушаем О. Иоселиани: «Если самая основа, самое начало у тебя не состоялось, никак ты не сможешь толком построить жизнь... после всю жизнь жить этим детством». В этих размышлениях Иоселиани не одинок в сегодняшней литературе. Подобные мысли находим у того же В. Астафьева и Мустая Карима, в рассказах В. Распутина и литовца Ю. Апутиса, в творчестве латыша И. Зиедониса, узбека А. Якубова...

Вслед за героем новеллы «Город солнца» Иоселиани мог бы сказать об окружающем его мире: «Я сделал его настолько моим непрерывными раздумьями о нем...» Настолько его, добавим, насколько это возможно в художественном слове. Рассказ «Ослик» у кого-то другого мог бы получиться лишь забавным случаем из нелегкой жизни детворы военных лет, но Иоселиани неожиданной концовкой придает происходящим в нем событиям притчевое звучание, призывает читателя внимательнее вглядеться в собственного ребенка, в его друзей: а что же происходит с ними сегодня, чему радуются, что ценят они?

«Корни, корни нужны тебе», — как заклинание повторяет прозаик, иначе человек может оказаться в выморочном мирке романа «Рождественский бал» или в ситуациях жестких и беспощадных рассказов О. Чхеидзе (№ 1, 1986). Еще острее и больнее поставлена проблема «человеческого в человеке» в новелле «Песочные часы» Г. Панджикидзе (№ 7, 1985), где даже на пороге смерти, буквально в последний жизненный миг, старик ученый задумывается только о том, по какому рангу его похоронят, и с удовольствием, даже просветлением воображает некрологи с престижными (только так!) подписями и сам ритуал собственных похорон.

Рассказы О. Иоселиани, О. Чхеидзе, Г. Панджикидзе, кроме высокого нравственного пафоса, объединяет тонкое мастерство, умение создать значительную по выводам притчу из самого заурядного происшествия. В этом — одна из характерных черт современной грузинской прозы вообще. Однако, как всякое сильное художественное завоевание, у множества эпигонов притча заговорила мертвым языком дидактики, мнимой многозначительности.

ВСЕСОЮЗНЫЙ читатель уже привык к тому, что гротесковая, ироническая, с элементами сатиры проза приходит к нему в переводе с языков народов Прибалтики, Украины. Э. Ветемаа, А. Якубан, Т. Каллас, В. Земляк, Е. Гуцало хорошо известны за пределами своих республик. Тем более интересно было прочитать созданные в этом стилевом направлении произведения грузинских прозаиков: рассказ «Еду в Мадрид» Н. Гелашвили (№ 9, 1985) и роман Л. Челидзе «Там, на отдаленной планете...» (№№ 2, 3, 1986).

Невозможно пересказать эксцентрическую и трагикомическую историю удалившегося в «блатную» палату к своему другу-врачу современного отшельника, которую мастерски и с тонким юмором написала Н. Гелашвили. Еще более невероятный и пародийный сюжет (на появление инопланетян) выстраивает Л. Челидзе, хотя в основе его «плутовского», по традиции, романа лежит вполне реальная жизнь и яркий характер. Все, что происходит в романе Л. Челидзе, временами очень смешно, временами — печально, но смысл и его произведения, и рассказа Н. Гелашвили в борьбе и противостоянии доброго и злого начал в человеке, затаенном стремлении души к недостижимому идеалу.

К сожалению, большая часть «малой» прозы, опубликованной в журнале за обозреваемый период, например, рассказы Д. Кириа, В. Мирошниченко, В. Броева, С. Бабаева, не очень оригинальна как по мысли, так и по исполнению. Подобные произведения вряд ли прибавляют что-то новое к сложной и интересной палитре нынешней грузинской прозы, которая творчеством самых талантливых ее представителей утверждает простую, но трудную истину: у человека не может быть иной цели, кроме как быть настоящим человеком.

Новые стихи поэтов Киргизии

Аалы ТОКОМБАЕВ

Родная речь

Когда слова щекочут мой язык,
Их вкус и запах ощущаю явно:
Я вновь — дитя, и вновь к груди приник,
И надо мной, шепча, склонилась мама...
Родная речь! Прохладна и чиста,
И горяча в моих струишься жилах,
Ты смысл вещей,
Их форма,
Нагота
Явлений всех,
Стремлений всех вершина...
Мы видим мир всегда в обличье слов,
Что с молоком вкусили материнским.
Родная речь всесильна, как любовь,
Далекий мир открыть и сделать близким.
На все лады звучишь во мне всегда,
Даешь —
за что? —
ты больше, чем желаю,
Соцветье тайн, бегущая вода,
Вода веков, волшебная, живая!
Ты — до богов, до всех священных книг
И до творений разума людского
Рождался, креп, взрослел
родной язык,
К познанью звал,
Снимая с душ оковы...
Я, подмастерье твой,
я — ученик,
Хотел бы стать твоей лишь только частью,
Чтоб в смертный час моим признаньем —
«счастлив!» —
Лег «джакшымын»[1] *привычно на язык.*

[1] Досл. — мне хорошо, счастлив (в ответ на сочувствие).

Перевела Светлана ТОКОМБАЕВА

Суюнбай ЭРАЛИЕВ

■

Когда из окопов
мы пулям навстречу рвались,
В бессмертье свое и страны
Так мы верили свято,
Что после атак — засыпали устало,
И снилась нам высь,
И видели мы бесконечную мирную жизнь,
Щекой ощущая
Холодную сталь автомата.

А после войны
Мы познали бессонницы шквал,
Года проходили
в ночном бесконечном мученье,
И каждый из нас —
Лишь глаза закрывал —
Воевал,
Он снова в атаку, в атаку, в атаку
Вставал,
И сердце рвалось и звенело
В ответ наступленью.

А те, что когда-то
подняться уже не смогли,
Что юные головы в красном снегу уронили,
Чей голос звенит и звенит,
Не затихнув вдали,
Доносится к нам
с запредельного края земли, —
Все с нами они,
Ибо их ни на миг не забыли.

Прошло столько лет,
Столько майских ликующих дней —
И столько победных салютов
Мне сердце взрывают...
Проснитесь, друзья,
Поднимитесь с замерзших полей!..

И вижу их лица
Бессонною ночью своей,
Смотрю им в глаза,
Только взор мне
Слеза застилает...

Перевел Вячеслав ШАПОВАЛОВ

Омор СУЛТАНОВ

Океан

Так вот ты какой, одинокий и гордый;
любые стихи тебя только унизят.
Стою на краю, поглупев от восторга,
и думаю, как расскажу я киргизам

о тучах, которые мрачно нависли,
а волнами надвое взор мой развален,
как будто планеты глобальные мысли
идут предо мною. Их ход гениален!

Веками он движет и материками.
Умолкни, штангист, ты смешон до предела.
Умри, ювелир! — под моими ногами
не галька, а жемчуг трещит то и дело.

Кусочек земли подо мною всем телом
сжимается в страхе, дрожит от наката.
Стою ошарашенно и онемело,
смешнее микроба, под линзой заката.

Перевел Александр ЕРЕМЕНКО

Асан ДЖАКШЫЛЫКОВ

Ночное небо

Светил небесных вечен хоровод.
Вселенная — в любое время года,
Как сад весенний, звездами цветет
И красотою радует природу.

В слиянии высочайших скоростей
Находят путь далекие светила.
Летит Земля — скопление страстей,
Исторгнутых космическою силой.

Умрет звезда. Но долгие века
Все будет литься свет ее прекрасный.
Она горела, значит, не напрасно,
На темном небе — светлая строка!

Есть, говорят, у каждого из нас
Своя звезда: ее огонь и страсти.
Приходим в мир — ее рожденья час,
Уходим — и она на небе гаснет.

И, постигая тайну, человек
Несовершенный мир преображает.
И хоть далек светил небесных бег,
Нас сила мысли к звездам приближает.

Перевел С. ЛАЕВСКИЙ

Суеркул ТУРГУНБАЕВ

■

Цветок приснился —
радостное чудо,
таких цветов не знал
ни одного!
Таинственностью веет
от него —
зовет к себе,
и тут же почему-то,
куда-то провожает.
Но куда?

...Цветок приснился —
радостное чудо,
таинственный,
как дальняя звезда.

Перевел Сергей МАКАРОВ

Архив ЛГ

...Основой стиля, его душой является язык. Это — король на шахматной доске стиля. Нет короля — не может быть никакой игры. Нет языка — нет писателя.

Конст. ФЕДИН

Константин ФЕДИН:

ОТЫСКАТЬ ВЕРНОЕ СЛОВО

Предлагаемыя вниманию читателей заметки К. А. Федина о языке взяты из записной тетради «О, Слово!», в которой на протяжении многих лет фиксировались (как со знаком плюс, так и со знаком минус) разного рода примеры жизни слова в живом разговорном языке, в художественной литературе, в публицистике...

Как сами эти примеры, так и отношение к ним столь взыскательного мастера, каким был Федин, думается, во многом показательны. Ведь хорошо известные каждому серьезному литератору поиски того единственного слова, что создает «музыку стиля», — это одна из непременных задач и одно из обязательных условий самого существования художественной литературы.

По-видимому, какие-то из приводимых писателем примеров могут быть восприняты читателями этой публикации иначе, нежели они оцениваются в тетради «О, Слово!». Но и в этом случае индивидуальный вкус Федина, его эстетика слова не только выступают как примета художнической манеры, но и дают повод для серьезнейших размышлений о процессах, происходящих в современном литературном языке.

22. VIII. 1945. Может быть, самое богатое в языке — его обороты, гибкость связей, те тысячи оттенков, которые достигаются расстановкою слов. Это важнее определений. Но и определения обогащают музыку речи. И еще — как сейчас мне кажется: неслыханно обилие наших наречий и вообще неизменяемых форм.

Вот сюда и надо направить все внимание:

1) обороты,

2) определения,

3) неизменяемые формы.

— Наука о языке все больше совершенствуется, а говорят все хуже. Хорошо как вступительный тезис для статьи, доклада, речи о языке, о живом слове.

Вот одно из чудес наших языковых форм:

ломить и ломать есть не только два вида глагола (совершенный и несовершенный), но два понятия, улавливаемых не столько знанием, сколько чутьем формы.

Сломлена воля, сломлено сопротивление (сопротивление мы ломили и сломили); дерево сломил удар молнии; но — я сломал стул, трость, сломал куклу, игрушку, — они сломаны, я их ломал.

Враг ломит (напролом).

Взломали оборону немцев (и сломили их сопротивление).

Это, как известно, не усваивается ухом чужеземца, и это прелесть не смысловая только, но и звуковая.

3. III. 1951. Репин пишет о цыганском хоре на сцене Зоологического сада (1872):

«...кроме порывистого бессилия да дикого взвизгивания, ничего не дали нам цыгане».

«порывистое бессилие» — это не уступает блеску Златоуста с его «окаменевным нечувствием»!

Вообще Репин великолепен в своем чувстве языка и в находках слова. Изобразительность его местами равносильна Льву Толстому, как, например, в описании верховой езды в обществе Л. Толстого, в Ясной, где неповторенно описан сам Лев на коне.

Варвиха, 18. VI. 1951. Я потрясен, найдя слово волнительный у Льва Толстого (статья «Верьте себе», ноябрь, 1906, Ясная Поляна; т. XXI — бирюковского (Сытина) издания 1913) — «...И главный, самый волнительный вопрос, так ли живу я и все окружающие меня люди?»

Я активно не люблю это слово, всегда считал его искусственным, надуманным барыньками, актерским словом.

Откуда оно пришло в толстовский язык? Какие умники его привезли в Ясную, в каких декадентских изданиях оно туда заехало?

Неужели я ошибаюсь, что оно очень недавнее, может быть, самое раннее, — 80-х, 90-х годов, то есть времен Минских, Волынских, Гиппиусов и пр.?

Впервые я услышал его от Василия Ивановича Качалова, идучи на свидание со Станиславским. Я признался Качалову, что чувствую себя очень стесненно (может быть, потому что знал, о чем будет говорить со мной Станиславский, — он собирался предложить мне написать пьесу для МХАТ), и стал искать слово, чтобы лучше выразить это чувство стеснения, тогда Качалов и подсказал мне это словцо — «волнительно», и мне оно врезалось, как что-то противопоказанное языку и неприятное. С того дня (это было на Итальянской, по дороге в Европейскую гостиницу, в году, наверно, 1925—6) я слышал это слово только от актеров и актрис.

И вдруг... Лев Толстой!

19. VI. 1951. Меня как-то упрекали читатели в письмах, что я употребил выражение «зад» в начале романа «Первые радости» (кажется, в начале первой главы, говоря об извозчике: ...поднял толстый зад... или в этом роде).

Конечно, упреки эти — институтская чувствительность. Но это, кроме того, и незнание русской прозы, невосприимчивость к давно принятым ею рамкам допустимого.

Вот Лев Толстой в «Хаджи Мурате»:

«...кучер Чернышева... кивнул... кучеру князя Долгорукова, который... стоял у дворцового подъезда, подложив под толстый ваточный зад вожжи...» (глава XV).

Дело с глаголом довлеть запутывается все больше. Его употребляют в смысле преобладать, иметь преимущество, и даже давить, подавлять.

«...социализм... ликвидировал извечный страх перед одинокой и неприютной старостью, который всегда довлел над человеком в капиталистическом обществе». (Б. Полевой, «Каменные сердца», «Правда», 26. VI. 51 г.)

Бедствие ширится, — литература ввела этот архаический глагол в книжную речь, придав ему несвойственное значение, и теперь, пожалуй, ничего не сделаешь. Сдаваться или противиться? По-моему — противиться.

Надо подобрать все уродства типа: снегоборьба! У Ушакова (IV—318) — насколько хорошо снегование, снегозадержание (там же), настолько худо снегоборьба.

Звероферма, сухофрукты, велогонщик, фотокарточка

в музыкальной критике — грампластинка

в военном быту — вещмешок (перешло в... поэзию)

Электролампа («при свете висячей электролампы продолжался задушевный разговор». — Сергей Васильев — поэт! — «Литературная газета» 9. VIII. 1952). Какая уж там «задушевность» при электролампе...

телезрители, телестудия, нефтелавка, авторучка

весновспашка! агроправила! (Овечкин) (о, поэтическая пахота!) Тогда должна быть и «осеневспашка». Но чем это лучше, чем приятнее, наконец, удобнее осенней вспашки?

Изошутка (рисунок-шутка). Но как это перевести? Изобразительная шутка? Так сказать нельзя вообще!

(«Огонек», № 45, стр. 31, 1952 г. и другие номера последовательно.)

«Металлисты» см. роман А. Былинова. Как технический термин такие формы могут быть полезны и потому допустимы. «Цех сборосварки» или «цех сборoклепки», видимо, целесообразны на заводе. Но, придя в роман, они не становятся литературным языком... Все это подражание языку техники (он не плох, если на месте): от железобетона к пиломатериалам, к автомашинам, от шлакоблоков к стройматериалам, к сборoклепке...

Появилось новое слово: зарыбление, что означает запуск рыбы в водный бассейн для разведения.

«Сейчас проводится зарыбление новых водных бассейнов... Большие работы ведутся по зарыблению Цимлянского моря...» («Вечерняя Москва», 5. IX. 1952 г., 4 стр. заметка «Цимлянское море»).

Слова еще не приводят ни Ушаков, ни Ожегов.

Приведут!..

6. X. 1952. В числе редких по чутью слова знатоков русской речи — Сергей Иванович Танеев. Его письма Чайковскому в большинстве очень хороши, образцовы по стройной простоте фразы.

Танеева надо поставить в ряд с писателями-непрофессионалами (Репин, А. Н. Крылов).

Кроме прочего, язык их хорош и поучителен тем, что они почти совершенно (кроме, может быть — немножко — Репина) лишены стилизации, так или иначе свойственной почти каждому писателю-*профессионалу (смотри, например, письмо 218 Танеева или его письма из-за границы).*

Приятное чтение.

«Русская правда», «Временник» Ивана Тимофеева, «Хождение...» Аф. Никитина-Тверитина, «Житие» Аввакума, своды летописей, «Уложение» Алексея Михаиловича, «Наказ» Екатерины. Всей этой литературе надо составить список (начиная, конечно, со «Слова о полку»...) в хронологическом порядке. Это, разумеется, лучший способ изучения исторического развития языка и — вместе с тем — действительно приятное чтение, потому что нигде, как в истории развития языка, не увидишь и не почувствуешь анатомии слова, понимать которую писателю надо так же свободно, как художнику — анатомию человека.

Об отживании словоупотреблений

«...мужики пойдут работать насыпь...» (Гончаров, «Обломов»)

работать — что (работает сапоги, дороги, корзины etc.); у нас давно последовательно заменяется глаголом общего значения «делать» или глаголом по смысловому содержанию работы, шить, строить, плести etc. А «делать» — расплывчато по сравнению с «работать», лучше сказать: пошли работать окопы, нежели делать окопы (в прямой речи это звучит убедительнее даже по сравнению с точным определением — рыть)...

Лев Толстой писал, что ему «радостно скучно» в его одиночестве в Ясной Поляне

(!) Современный наш редактор или критик ни за что не допустил бы такого «влогизма». Но это — язык художника.

К усвоению бытовой речью насильственно внедряемых бюрократией, писарями техниками и пр. специальных выражений, оборотов, слов

на обертке(!) «Дорогобужского сыра» значится: «Жира в сухом веществе не менее 45%...» Это написал ученый лаборант молочной фермы и «утвердил» директор треста.

Интересно и с практической стороны: так как я ем сыр всегда как мокрое вещество, то сколько же в нем жира? Или сколько я должен съесть «сухого вещества», чтобы наесться?

О пристрастии к анахронизму поведать.

Можно, например, «сбивчиво поведать»! (Успенская — «Наше лето»)

(тогда как поведывание предполагает некое подробное изложение, пространное рассказывание).

К вопросу о терминологическом языке ведомств, учреждений (язык яслей, детских домов, садов etc.)

грудной ребенок, оказывается, может быть назван

грудником...

по аналогии: ползунок, сосунок etc. — смотри Сем. Нарицьяни в «Правде» от 10 апреля 1954, стр. 2 — «Весенние пробеги»

смотри «трековик»...

он же — приплюсовать вместо прибавить... (там же).

Почему нужно в газетах непременно пропагандировать вульгарщину, лихачество в языке, чтобы затем критиковать «дурной тон» и мнимопорочное «областничество» в литературе? Сколько лицемерия в повседневных выступлениях газетных критиков, которые взывают о «чистоте языка» и пишут на волапюке!

Значит: «плюсовать», «плюсование»!

Если б сказали про меня, что я «создатель романа» — это было бы смешно и гадко.

Но вот издают книжечку: «Чук и Гек» с подзаголовком — «Очерк о фильме и его создателях», — и никто даже не улыбнется.

После «взаимосвязи» (идущей, конечно, от «взаимовлияния» (взаимодействия), — что логично обосновано, ибо влияние возможно и не взаимным) появляется неологизм: «взаимосообщающиеся сосуды»! Это новость для физики и новость для логики...

(К. Зелинский, «Лит. газета» № 146, 9. XII. 1954 — статья «О моральном авторитете критики».)

Усвоено школьниками и — что страшнее — педагогами — пришел со школы

но школьник идет в школу, а не на школу и, стало быть, возвращается из школы; каково направление (куда), таково и... возвращение (откуда); для обозначения первого употребляются предлоги: в и на, для второго: из и с (со);

полез в воду — вылез из воды;

пошел на войну — пришел с войны;

пошел в театр — пришел из театра;

впрыгнул на забор — спрыгнул с забора и т. д.

пойду на концерт — приду с концерта (южное, неправильное — в концерт! И логично, что нельзя... из концерта).

Здесь последовательность строго без исключений:

на панихиду — с панихиды;

на молебен — с молебна;

на визит* — с визита;

в церковь — из церкви;

на сходку — со сходки;

на спевку — со спевки;

в амбар, в сени, в яму, в мешок, в подвал, в мозг, — из амбара, сеней, ямы, и т. д., из мозга...

Соответственно употреблению предлога к требуется предлог от (на те же вопросы о направлении: куда и откуда)

к учителю — от учителя;

к столу — от стола;

ко всенощной — ого всенощной;

к обедне — от обедни;

к начальству — от начальства — та же строгость и последовательность.

Почему же в школах педагоги не поправляют учеников, когда они сплошь, в городе и деревне, говорят: пришли со школы, — и не только не поправляют, но сами принимают глупое и противное языку русскому согласование и попугайничают: «— не успела я вернуться со школы, как вдруг...»?

Что же, в самом деле, учительницы с учителями сидят верхом на школьных крышах, что ли, и преподают на школах?

Так часто мы бываем педантами во всяких глупостях и так безразличны и безжалостны к родному слову.

8. V. 1956. Горький пишет в творительном падеже: людями, детями.

Это вытекает из постоянного его стремления к благозвучию — во-первых и к «народности» речевых форм, во-вторых.

У нас на Волге всегда говорилось не «с людьми» и не с «детьми», а — «что будешь делать с такими людями... детями»...

Это — полнозвучие вполне русское. Окончания «дьми» и «тьми» были слуху Горького противны.

Реформа! Ура! Заменены не так давно все вывески на лавках, торгующих старьем: раньше писалось: «Скупка вещей ОТ населения», теперь везде: «Скупка вещей у населения».

Явился, значит, какой-то грамотей в Главке поношенного тряпья, — или есть еще совесть на свете!

А ведь надо бы просто: скупка вещей: не у скота, поди, скупают. И это перестарались канцелярии — «разъясняют», потому что привыкли думать о народе, как о дураке.

5. II. 1958. Какой-то прожженный литератор сердится на меня, что я употребил в речи не частое нынче слово «писательство» — не в смысле занятия, а в собирательном значении писательской профессии, среды.

Но Пушкин в таком же собирательном смысле употреблял слово «соседство», т. е. соседи, какие только есть — всё соседство. «Всё соседство съехалось»

По мне так очень хорошо!

Контаминация:

Раньше частоупотребительное выражение: «Это — камушек в мой огород» в обиходе сокращали, говоря — «это в мой огород». В ораторской, беседческой речи равнозначно этому выражению было другое: «Это по моему адресу». Оба они слились — из двух получилось одно: «в мой огород» + «по моему адресу» = «в мой адрес».

Живая речь собраний и митингов, «летучек» и «пятиминуток», совещаний и «слетов» быстро усвоила новшество. Все начали говорить: «это в мой адрес», «реплика в его адрес», «в адрес NN» и т. д.

Впоследствии этот оборот, сохраняя переносное значение (намека, обиняка и — чаще — обидного, критического, укоряющего), распространился настолько, что почти вытеснил из употребления также и форму прямого значения, из которого вышел (похерил, так сказать, свое первородство). Теперь вместо выражения: «послал письмо по адресу N» говорят и пишут: «письмо в адрес N», «в адрес общества поступили приветствия» и пр., и т. д. (не «в огород», в «в мой адрес» — это, конечно, первоначально из мещанской деликатности).

1958 г. В газете («Правда») выхватил мой глаз слово пловчих. Прочел его с ударением на «о» — по аналогии с «ловчим», оказалось: речь идет о заплыве на спине восьми женщин и, значит, читать надо пловчих — (родительный множественный от пловчиха!)

Но почему от слова пловец производится женский род: пловчиха?

Спрашивается — а как надо? А никак. Женщина будет тоже пловцом, как она врач, агроном, ученый, товарищ, борец, а не врачиха, не агрономка (агрономшей становится только выйдя замуж за агронома), не ученая, не товарка, не борчиха. И значит в заплыве приняли участие восемь женщин-пловцов...

Мыслимо ли: от бойца — бойчиха? И как будет от игрец («и на дуде игрец»)? От хитрец? От ловец (человеков)? В живой речи просто: «Эта Мария Ивановна — большой хитрец!»...

Вспомнить, как мне в Ленинграде, на Васильевском Острове ответила с гордостью женщина, когда я спросил: «Вы дворничиха?»

— Дворник, я не дворничиха, — пробасила она...

1959, июня 2-го. «В мое время» — хорошо было бы так назвать воспоминания. Но оговорить, что старое, столь известное, характерное для ворчунов, сварливое выражение я избираю не затем, чтобы бурчать на время «новое» и выговаривать молодым за их непохожесть на стариков, а чтобы охватить все прожитое мною время с его приметами, которые запомнил с детства и вижу теперь, в старости.

В мое время и говорилось по-иному, я и говорил прежде иначе, чем говорю теперь. Так что мои внуки нынче и не поймут меня — заговори я, как говорили со мной мать и отец.

Вот было в обиходе таков:

«он умер в горячке», или — «умер от разрыва сердца», «с ним удар»... все это ушло не только из языка медиков, но из языка вообще. Надо объяснять даже детям. А внуки будут знать разве что «белую горячку» и на первых порах усвоят научные «инфаркт», «инсульт»...

«Огонек» отличился. В отделе «Забавный мелочи» — фраза: «Слоник из зоопарка... хоботом берет пластмассовую бутылку и без посторонней помощи опоражнивает ее содержимое в рот».

Стало быть: 1) можно опорожнить содержимое (в не бутылку);

2) можно опорожнить в рот (т. е. куда, в не что).

Эка, ведь!..

(«Огонек», № 51, 1964, дек.)

О литературоведении. Не люблю слов: «поиск», «почерк», «прослеживать», «раздумья».

А нужно вообще и всегда это окаянное «в адрес»? Да и «по адресу»? Ведь без адреса ни телеграмму, ни ничего другого не пошлешь — не «дедушка на деревню» пишется или телеграфируется. Нужно прямое дополнение, отвечающее на вопрос: кому?

Пишут непременно «почерком».

Что ни шаг, то встречаешь «раздумье» (один раз на одной полосе «Литературки» мне попалось 11 «раздумий» авторов и героев) — сказать бы таков словцо в Гражданскую войну!

Критики помешались на слове «ёмкий»... И даже великий старатель на ниве обновления языка славянизмами Алексей Югов.

Языя

Дошло до простого или идеального бессмыслия — с этим прилипшим к литераторским устам славянизмом.

Вот фраза из статьи М. Фридмана — «Вдохновенный художник» (о Мих. Садовяну):

«Впереди множество дел и свершений».

«Лит. и жизнь» 2. XI. 1960

Как может быть впереди то, что уже совершилось? Литератор болтает слова, утратившие свое значение...

Еще новация, ура!

(Газета «Правда» 20. II. 64 г. в статье о большевике С. И. Гусеве — «Борец ленинской гвардии») (по поводу его 90-летия):

«...для него началась жизнь нелегала-большевика».

Итак: нелегал!

(не то чтобы... легал (лягал) и не то чтоб не лягал (не лягал)... а он — нелегал, то есть подпольщик, нелегально работавший революционер).

Не жизнь языка, а смерть языку!

Симпатии и антипатии к слову

О моей ненависти к слову «поведать», которым злоупотребляет вся нынешняя беллетристика

«Телеграфная лента поведала натуралисту, что белолобая горихвостка и мухоловка успевают слетать...»

А. Половский, «Временные связи», стр. 13 (1953)

«Поведать» уместно лишь в сказовых формах подражаний летописям, в устах (повествователей) сказителей и лишь тогда, когда (сказитель) поведывать передает слушателю более или менее длительную историю, рассказ, занимающее долгое время событие или некогда скрытую тайну.

Нельзя это слово употреблять как простой синоним глаголу сказать: — Я пил чай, — поведал он. А так пишут наши стилисты...

К фразеологии.

Вместо: «Артисты вылетели на гастроли» «Правда» (ТАСС) пишут: «в связи с предстоящими (!)... гастролями балетной труппы Гос. академического Большого театра СССР (в Нью-Йорк) вылетели...»

«В связи» — нынче неизбежность газетной фразы. А чего стоит «предстоящие»!.. Точно можно вылететь на какие-то «состоявшиеся» или в этом духе...

К штампам

Что такое «фразеология» в (практических) новациях

Как приветствуют? Приветствуют всячески... Каков бывает вклад? бесценным... Каковы удары? сокрушительные... Какова борьба? непримиримая... Как борьба проводится? настойчиво... Каков расцвет? яркий... Как бичуют? беспощадно... Какой труд? повседневный... Как пресекают? решительно... Какова помощь? неоценимая... Каковы борцы? истинные... Какие спектакли в театрах? полюбившиеся... Какая сила? животворная... Какая связь? неразрывная... Какая верность? неизменная... А какова эпоха? героическая... Какими бывают узы? — Они бывают только нерушимыми.

Язык интонаций или стиль — это не только язык слов, язык словаря, но непременно язык авторских убеждений.

Нельзя обладать стилем, не имея ясных убеждений, то есть своего взгляда на природу, человека, общество. Отстаивания убеждений средствами художника и создает музыку определенного стиля. Потому что только они помогают отыскать верное слово.

Публикация Н. К. ФЕДИНОЙ и А. Н. СТАРКОВА

Полемические письма

КАК МЫ ГОВОРИМ, КАК МЫ ПИШЕМ

Не так давно моя дочь-школьница, вернувшись с репетиции любительского спектакля, с гордостью объявила: «Я задействована сразу в трех ролях!»... Побывал на сборе в школе, где учится сын. Его одноклассница рассказывала об успехах пионерской дружины. И оказалось, что наши дети давно уже не собирают макулатуру или металлолом. Они «принимают активное участие в сборе». Я узнал также, что в школе «функционирует» несколько кружков и спортивных секций, в которых не занимаются, а «охвачены занятиями более 70 процентов всех учащихся!». И все это произносится под одобрительные кивки и восхищенные взгляды педагогов и вожатых!

Вернувшись домой, я рассказал об услышанном жене. «Ну что ты волнуешься, — ответила она, — сейчас все так говорят. Ты послушай внимательно радио, почитай газеты. Теперь это норма».

Внимательно послушал, почитал и понял: жена права. Что же мы делаем с русским языком, с языком наших детей! Сплошь и рядом дикторы радио и телевидения, корреспонденты газет убеждают нас: да, это норма, так и нужно говорить. «В соревнованиях за почетный трофей (?!) приняли участие...». Заглянул в толковый «Словарь русского языка» С. И. Ожегова и прочитал: «Трофей — имущество, боеприпасы и т. п., захваченные при победе над врагом». Так что трофей должен оставаться трофеем, кубок — кубком, а медаль — медалью. Пишу эти строки, а диктор «Маяка» в это время сообщает, что «состоялось открытие бюста известному борцу за гражданские права М. Л. Кингу».

Рядом сидит мой сын. Память у него «функционирует» прекрасно. Он «принимает активное участие» в слушании радиопрограмм, в чтении газет и журналов. На каком языке станет он говорить, когда вырастет?

В. КЛИМКОВ,
монтажник

ТЮМЕНЬ

Я живу в доме, в котором находится Музей-квартира А. Блока. Выйдя как-то на улицу, я была поражена объявлением, вывешенным администрацией музея: «В связи с ремонтом парадной вход в музей осуществляется через черный ход со двора».

Было бы еще не так обидно, если бы подобное объявление висело на двери магазина, ателье (хотя и это тоже плохо!), но тут — Музей-квартира А. Блока, выдающегося поэта, тончайшего знатока русского языка.

Ведь можно было написать: «В связи с ремонтом парадной вход в музей со двора, с черного хода», — просто и ясно! Но это, оказывается, не «престижно» и не «солидно». А мне очень больно за наш язык, когда читаю подобные объявления.

Н. М. ПУДОВКИНА,
художник

ЛЕНИНГРАД

Давным-давно купил я карманный орфографический словарь Д. Н. Ушакова для начальной и средней школы. Несмотря на малый формат, в нем более пяти тысяч слов и важнейшие правила правописания. Теперь он — библиографическая редкость: как-никак год издания — 1934-й. Но до сих пор он служит мне верой и правдой.

В послевоенные годы были изданы разные словари русского языка, но ничего похожего на удобный в обращении «малый» словарь видеть не приходилось. И я подумал: а почему бы сегодня не издать большим тиражом подобный словарь?

Н. А. КОСИКОВ,
заслуженный работник культуры РСФСР

ЗЛАТОУСТ

Художник и книга

Немало книг в издательствах Москвы и Горького блестяще оформил член Союза художников СССР Сергей Шабанов. Только в нынешнем году выходит в свет шесть из них, иллюстрированных этим талантливым графиком.

Знакомим читателей с двумя работами Сергея Шабанова — обложками поэтического сборника «Русло» и сборника рассказов А. Еремина «Седьмой дар», подготовленных к печати Волго-Вятским книжным издательством.

Владимир ПАНТЕЛЕЕВ

Монолог о времени и о себе

Акрам Айлисли

ЗЕРНА ОДНОГО КОЛОСА

БИОГРАФИЯ моего деда по матери для его времени была, наверное, самой что ни на есть обыкновенной. В...солнца было его, Кебле Салмана, ровесником: оно появилось в тот самый день, когда он, открыв глаза, увидел, что живет на свете; все годы они работали бок о бок, вместе вставали, вместе ложились спать... И однажды в том месте, которое называют Кербала, объявился бог Кебла Салмана. Закончив одну работу, Кебле Салман принимался за другую, а бог занимался все одним и тем же; Кебле Салман радовался его делам и дивился им, и так прошли годы..» — эти, несколько отрывочно взятые мною из собственного рассказа слова и о нем, наверное, — о моем деде.

Ничем необыкновенным не отличается и биография моего деда по отцу: он был каменщиком, строил дома, и некоторые из построенных им домов до сих пор прочно стоят у нас в Айлисе.

Моих дедов я не видел — ни того, ни другого. А вот отца немножко помню, хотя был я совсем маленький, когда ушел он воевать...

«В зимнее время отец каждый раз возвращался домой злой, и, заслышав громыхание колхозных бидонов, в которых он возил на продажу масло и творог, бабушка тотчас же умолкала... Спал отец в маленькой комнате один. Мы с бабушкой спали в большой комнате, и в ночь на пятницу, когда мы ложились спать, к нам приходил с того света дедушка — проведать, поглядеть, как мы тут: есть ли у нас керосин, хватает ли хлебушка... И еще узнать, не сбились ли мы с пути истинного... А поскольку мой отец сбился с пути истинного...» — но эту фразу, пожалуй, лучше не дописать, она все равно не даст даже частичного представления о том, что вкладывала бабушка в эти слова. Тем не менее она была уверена, что «бог обязательно простит отца, потому что отец мой не ворованное ест, в поте лица свой хлеб добывает...»

Он и на войну ушел очень злой.

Помню, как удалялся он от нашего внезапно осиротевшего двора и по узким деревенским улочкам разносились его угрожающие крики: «Я им покажу, я ни за что не сдохну, — да чтоб я, Наджаф, чертов брат, пуле-заразе дал попасть в мои кишки?!»

И все же отец не вернулся: не прошло и трех месяцев, как мы получили «похоронку». Но, странное дело, он не остался в моей памяти как воин, а остался как крестьянин. И не только в моей памяти — для всей деревни он остался тем, кем и был всегда. «Он и из камня умел хлеб сотворить» — это тоже о нем, об отце, но на этот раз не из моих сочинений, это — общее мнение о нем всех односельчан, и тех, кто любил его, и тех, кто, возможно, нет.

ЕСТЬ ЛИ что-нибудь необычное в моей биографии? Думаю, и да, и нет... Если что и есть, так прежде всего то, что я первый в роду вместо серпа и лопаты взял в руку перо. Но если учесть специфику моего времени, и в этом нет ничего особенного: не я один, а целая армия людей ушла в послевоенные годы из деревни. Из них немало числится теперь и в многотысячном списке членов Союза писателей. Но не в этом дело. А в том, что именно с этого поколения пишущих пошла по литературе новая сильная волна, названная потом «деревенской прозой», и в сознании общества по-иному, по-новому зазвучало само слово «деревня». Слово это стало волновать как далекая и забытая, но родная и ласковая песня. Оно стало будоражить души, как бы все время напоминая о какой-то великой измене, нами совершенной... Возможно, когда-нибудь история литературы и отметит все это как подвиг поколения. Но тогда, естественно, никто не думал ни о каком подвиге, ни тем более об истории литературы. Было все гораздо проще: меняли плуг на перо и начинали «пахать» словом. Судьба предназначила продолжать жизнь дедов и отцов не на облитой их потом и кровью земле, а в литературе. Частная биография писателей, начинавших в 60-е годы, отразила биографию времени, всего народа: кроме невзгод и тягот, выпавших на их долю, кроме опыта крестьянского, они несли в себе нравственную чистоту, верили в справедливость и к жизни относились по-граждански требовательно.

То, что совершилось с нами, совершилось естественно. Мы изменили форму нашего труда, но отношение к нему нисколько не изменили. Тут не была нарушена преемственность, не произошло никакого духовного отчуждения от поколения отцов. Да, мы ушли из деревни, но труд наш сохранил прежнюю производительность и не утратил своей общественной функции.

К сожалению, другие мотивы руководят нынешней деревенской молодежью, уезжающей в город. И в деревне нет им замены, и в городе часто не находят они себе достойного применения, отчего и общество много теряет, и сами они прежде всего. Об этом хорошо написал в «Литгазете» Е. Носов в очерке «На дальней станции сойду...».

ЗА СВОИ сорок восемь лет как будто три жизни прожил я не свете: одну провел в деревне: другую работал — писал, переводил, редактировал; третью... просто скучал.

Безделье для меня—самое унизительное, самое отвратительное на свете, всю сознательную жизнь я люто его ненавидел, всегда боялся и боюсь. Но в данном случае скука, о которой говорю, — не безделье. Уже много лет перед каждой новой работой она, как старая знакомая, привычно является ко мне, оседает на сердце и сидит — пока не произойдут в нем какие-то нужные перемены, пока не установится в душе необходимая температура, близкая к нулевой. Ведь сколько бы ты ни написал раньше, каждая новая вещь все равно начинается с нуля. Здесь прежний опыт не помощник, порой даже помеха.

Почему писателю, чтобы продолжать свое всегдашнее дело, надо каждый раз как бы заново рождаться?.. Может быть, есть что-то общее между семенами растений и Словом, сотворяющим Нравственность... Чтобы ожить, прорасти, семя непременно должно пройти стадию естественной изоляции, некоторое время побыть в незримом спокойствии и обязательно при своей температуре, единственно способной превратить мертвое в живое, серое в зеленое... Возможно, этого же свойства и наша потребность в уединении.

Это не убеждение, скорее, пища для размышления, тем более что знаю: меня в таких рассуждениях нетрудно переспорить. Но есть и кое-что для меня совершенно бесспорное: из тех, кто стремится всегда быть на виду, даже самые одаренные сначала изменяют себе, а потом (постепенно) и нравственности в целом... Превращаются в черствые, сверхтвердые семена, которые ростков зеленых и живых уже никогда потом не распускают...

«...ЦЕМЕНТ, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и оттого производит иллюзию отражения жизни, есть не единство лиц и положений, а единство самобытного нравственного отношения автора к предмету», — писал Лев Толстой.

Немало интересного, с «самобытным нравственным отношением автора к предмету», появилось за последнее время у нас в Азербайджане: роман Юсифа Самедоглы «День казни», повести Мовлуда Сулейманлы, стихи Рамиза Ровшана... Но вместе с тем нынешнее положение дел в нашей литературе, думается, не без основания, вызывает у меня тревогу: всегда ли пригодно с точки зрения социальной и нравственной (о художественности молчу) то, что мы пишем на великом множестве страниц и почти без препятствий печатаем?

А много ли препятствий встречают открытый литературный карьеризм, угодничество, «сезонничество»? И не потому ли, что почти совсем не встречают, столь сильно растет склонность к ним?

Стремление быть любой ценой на виду, погоня за дешевой популярностью — все чаще и чаще приходится наблюдать это в профессиональной писательской среде, и, к сожалению, не только молодой. Литература при этом обезличивается, а груды словесной шелухи — псевдопатриотической, любовно-философской, (ничего общего не имеющей с традициями восточной поэзии) — отнюдь не безопасны, ибо создают в привыкшем нам верить читателе ложное представление о патриотизме, о любви, чести, то есть о самой жизни.

Сумеет ли молодежь выработать необходимый духовный иммунитет, имея перед глазами «бедствующие» успехи опытных литературных дельцов?

Может быть, я и преувеличиваю. Но не зря же человек стал пользоваться увеличительной аппаратурой, имея дело с микробами, вызывающими ту или иную болезнь. Дурной пример заразителен, в этом нет сомнения, и надо вовремя рассмотреть и изучить микроб, дабы предотвратить эпидемию...

Почему среди тех, кто недавно пришел в литературу или приходит сейчас, столько на в меру активных там, где «протоптанней и легче», а там, где труднее — их много меньше? Не хотят рисковать? Не хотят и не умеют бороться?

ПАМЯТЬ верно сохраняет в себе все подлинно драматические моменты, которые-то и составляют нашу нравственную биографию.

Помнится, как однажды один-одинешенек оказался я на бакинской улице Хагани, где находилась тогда редакция нашего единственного «толстого» журнала «Азербайджан»... Время осеннее — конец ноября или начало декабря, но день спокойный, безветренный, необычный для этой поры в Апшероне. Все жаркое лето я беспрерывно работал: писал увлеченно свою первую повесть — «Сказки тети Медины» (в то время казавшуюся мне неплохой). Шел я из редакции и нес эту повесть, только что признанную абсолютно негодной. Если добавить, что жил я тогда в чужом общежитии и в кармане у меня был всего полтинник, то кому сейчас мое тогдашнее настроение не покажется безнадежным или, как минимум, скверным. Но я в тот момент ничего подобного не ощущал. Конечно, было и обидно, и грустно, но безнадежности — нет, этого не было и в помине... Как же иначе: ведь есть на свете справедливость, и она непременно восторжествует...

Может, мне повезло, что учился я в Москве в Литературном институте и там нашел себе переводчика, — не могу этого отрицать. Но не это же все-таки решающий фактор всей моей писательской судьбы.

Так вот, шел я по улице Хагани со своей отвергнутой повестью и не подозревал, что вскоре ее напечатают в журнале «Дружба народов», затем в том же журнале «Азербайджан» (!) на родном языке, а потом — в переводе на многие другие языки... Я-то об этом ведь ровно ничего тогда не знал!

Откуда же была во мне и, казалось, во всем осязаемом душою нескончаемом пространстве эта беспредельная вера в справедливость?..

И что такое вообще справедливость, что такое вера? Откуда начинается, где кончается?

...Знаю одно, в одном лишь убежден твердо и окончательно: пока есть вера в справедливость, есть и нравственность.

ВСЕ НРАВСТВЕННЫЕ люди — разные зернышки одного большого колоса, из какой бы земли они ни вырастали и на какой бы почве ни распускали свои новые зеленые ростки.

Мне думается, есть что-то общее в работе писателя и пахаря-земледельца, особенно если учесть тот неоспоримый факт, что и там, и тут была и остается великая нужда в людях, исполняющих свои обязанности по-настоящему нравственно и по-хозяйски умело.

В сознании истинного крестьянина ценность материальных благ измеряется трудом, затраченным на их приобретение. На вещь, доставшуюся даром или по дешевке, он всегда смотрит с неизменным инстинктивным подозрением. Точно так же, как опасается крестьянин в своем хозяйстве дармовых семян, истинный писатель всегда остерегается, сторонится случайного слова, тысячекратно не выстраданного душой.

Так постараемся же, как писал в свое время старый, мудрый Паскаль, достойно мыслить — вот основа нравственности.

Я ВЕРЮ в Шукшина так же, как верю в совестливость русского крестьянства. С точно такой же верой я отношусь и к Белле Ахмадулиной, которая, казалось бы, так далека и от Шукшина, и от русского крестьянства. Но если задуматься, так ли уж на самом деле далека?

Искусство, литература — это один из способов познания мира, кому это не известно. Познавать, по-моему, значит понимать, представлять себе яснее окружающее нас и себя самого. Миссия писателя — вносить эту ясность в мир.

И если взять литераторов моего поколения, одинаковую долю ясности черпаю в для себя из книг В. Белова и А. Битова, В. Распутина и Ю. Трифонова... Мне яснее делается в моей повседневной жизни с Ю. Казаковым, Г. Матевосяном, В. Быковым, Б. Окуджавой, А. Вознесенским, И. Авижюсом, Л. Аннинским, Г. Тютюнником, А. Кудравцом, Р. Ровшаном, В. Личутиным, Ф. Искандером, А. Сулакаури... Но при всей бесспорности этого интеллектуального «освещения» в безлюдные и безмолвные часы и дни той привычной моей предрабочей «скуки» я проверяю свое нравственное самочувствие все же через свой Айлис и оттуда по-прежнему черпаю основную долю необходимой мне в работе ясности...

Но другое дело, что многое из происходящего теперь в Айлисе мне совершенно неясно.

В годы моего детства у нас в деревне самым уважаемым человеком еще считался тот, кто умел работать больше и лучше других. В равном почете могли быть учитель и врач, мельник и плотник. Сюда входили, возможно, и представители местной власти: председатель колхоза и сельсовета, директор сельской школы, но ни в коем случае не те, у кого больше денег, и не те, у кого больше связей в «деловых» кругах...

В то время на свадьбы шли у нас с подарками только женщины: они несли хорошие вязаные носки или новый платок на голову, но можно было одарить новобрачных и пачкой чая, красным яблоком, лимоном, гранатом, шамамой — маленькой декоративной дыней... И не потому, что люди были очень бедные, а потому, что люди были очень гордые. А теперь и у нас на всех свадьбах хозяева без стыда и совести собирают деньги. Кто больше даст, тому больше уважения. «Такса» же увеличивается с каждым годом, кое-кому уже под силу класть целую сотню на покрытый красной скатертью стол, специально устанавливаемый теперь на всех свадьбах у входа.

В годы моего детства можно было наблюдать еще и ту характерную черту крестьянской психологии, которая испокон веков отличала истинного хозяина, мастера своего дела: он всегда сам брался за главное и наиболее трудное, не бросая тем самым решение жизненно важных вопросов на произвол судьбы. Умные люди не очень-то полагались на тех, кто придет им на смену, не любили откладывать сегодняшнее дело на завтра — так им было спокойнее и надежнее. Даже смерть неизбежную воспринимали они как нечто незаконное, сверхнесправедливое, если не было довершено начатое ими. Жаль, что эти золотые качества отцов и дедов исчезают на наших глазах.

Иные уже забыли, как они смотрятся внутренне, вся забота только о внешнем. Айлисцы, односельчане мои, не живут спаянно и сообща, как раньше, а каждый сам по себе, для собственного благополучия. Порой уже готовы «делать» деньги из черенового ореха, из гнилой картошки, из тухлого яйца и прокисшего молока, лишь бы сколотить побольше, не отстать от других: купить импортную мебель, автомобиль. Что касается самых «завидных», то такую «мелочь», как цветной телевизор, и упоминать даже как-то «несолидно»...

Страсть таких людей к наживе порою оборачивается настоящим бедствием для окружающих: нередки в последние годы, например, случаи отравления с виду обыкновенным арбузом — черт знает, что с ним делают, только бы содрать за него побольше. Как остановить этот процесс, в который втягивается масса людей, не дать ему развиваться дальше? Что надо нам всем делать? Что для этого может и должен делать писатель?!

Пишу все это, а сам думаю: не сильно ли снова сгущаю краски? Особенно с этой «массой людей»!.. Может быть, это вовсе не масса? А если даже и так? Масса людей — это ведь еще не народ!!!

Народ определяется не общим количеством людей той или иной национальности. Из знающих цену трудолюбию и порядочности, из неподдающихся сладостным соблазнам времени, из сохранивших в себе веру в справедливость и вкус к борьбе — честных и чистых людей сотканы бессмертный народный организм, сколько бы ни насчитывалось в нем таковых на том или ином отрезке истории.

У нас, в нашей огромной стране, их великое множество. К тому же, говорилось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, «когда возникает общественная потребность осмыслить время, в особенности время переломное, оно всегда выдвигает людей, для которых это становится внутренней потребностью». В сегодняшнем поворотном периоде именно ими и будут проводиться в жизнь грандиозные планы партии. Оттого так и тверда наша общая уверенность в окончательном торжестве справедливости в нашей стране.

ДЛЯ ТОГО чтобы приносить в мир свою долю здравого и полезного, нам не дано самим выбирать время. «Время тоже родина, и здесь не может быть выбора». Эта мысль Ю. Карякина, высказанная им в журнале «Век XX и мир», также очень пришлась мне по душе.

Словом, и только им, связаны мы, литераторы, с нашей «родиной-временем». В слова превращаем мы наши мысли и чувства в реальную энергию, и от этой производимой нами энергии люди в конечном итоге получают ясность.

От количества созданной и накопленной нами сегодня ясности полностью зависит и то насколько ясным и безоблачным будет для наших детей и внуков завтрашний день Родины...

БАКУ

РАЗВИВАЯ ПИСАТЕЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ

Задачи литераторов СССР и ГДР, вытекающие из решений съездов братских партий обеих стран, дальнейшее развитие их взаимных творческих контактов, координация совместных усилий на международной арене — эти вопросы были обсуждены в ходе состоявшейся 29 апреля беседы первого секретаря правления Союза писателей СССР Георгия Маркова с председателем Союза писателей ГДР Германом Кантом и первым секретарем СП ГДР Герхардом Хеннигером. Состоялся также взаимный обмен информацией о главных направлениях деятельности союзов писателей двух стран на ближайший период.

В беседе, которая прошла в обстановке сердечности и товарищеской откровенности, приняли участие секретари правления СП СССР Ю. Верченко и А. Кешоков, первый заместитель секретаря правления К. Селихов, председатель Иностранной комиссии СП СССР А. Косоруков.

На встрече присутствовала советник посольства ГДР в СССР Криста Тешнер.

В тот же день в посольстве ГДР в СССР в торжественной обстановке состоялось вручение Г. Маркову ордена «Звезда дружбы народов» в золоте. Высокую награду вручил временный поверенный в делах ГДР в СССР З. Кернер.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Секретариат правления Союза писателей СССР направил поздравления Николаю Николаевичу Романенко, Цецилии Бенциановне Бану, Владимиру Ивановичу Нефеду, Якубджану Хамракуловичу Шукурову, Юрию Наумовичу Кушаку, Геннадию Павловичу Михасенко.

Н. Н. РОМАНЕНКО — 80 лет

«Вы прошли большой жизненный и трудовой путь, в середине тридцатых годов выступили с первыми литературными произведениями. В годы Великой Отечественной войны были политработником, военным журналистом.

В последующие годы Вы работали научным сотрудником, ученым секретарем Молдавского филиала Академии наук СССР. С 1969 года являетесь консультантом секретариата правления Союза писателей СССР.

В центре Ваших творческих интересов — история молдавской литературы. Вами осуществлена большая работа по публикации, изучению и переводу наследия выдающегося писателя прошлого века Богдана Петричейку Хашдеу. Вы перевели на молдавский язык ряд произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

Ваши исследования и переводы отмечены высокой точностью.

Вы принимаете активное участие в литературно-общественной работе, удостоены высоких наград Родины — орденов Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалей».

Ц. Б. БАНУ — 75 лет

«Большое влияние на Вашу творческую судьбу имели встречи и беседы с Алексеем Максимовичем Горьким; по его совету Вы занялись переводом на русский язык образцов классической таджикско-персидской поэзии непосредственно с языка оригинала и дали всесоюзному читателю первый полный в мировой практике перевод замечательной поэмы Фирдоуси «Шахнаме», над которой работали многие десятилетия.

Особое место в Вашей жизни и творчестве занимает революционный поэт Ирана Абулькасим Лахути. Один из первых его переводчиков, соратник и друг жизни этого выдающегося мастера. Вы многое сделали для того, чтобы его творчество стало достоянием широких кругов читателей. Вами собрано и издано на языке оригинала и в переводах на русский язык замечательное наследие Лахути. Вы были его консультантом и помощником - соперводчиком, когда он для таджикской сцены переводил «Маленькие трагедии» А. С. Пушкина, «Горе от ума» А. Грибоедова, трагедии Шекспира и другие великие творения русской и западной драматургии.

Ваша талантливая переводческая работа, которая длится вот уже более полувека, примечательна такими чертами, как близость к подлиннику, глубокое проникновение в национальное своеобразие поэзии Востока.

Своим подвижническим трудом Вы заслужили уважение широкой литературной общественности, снискали славу видного мастера стихотворного перевода».

В. И. НЕФЕДУ — 70 лет

«Сердечно поздравляем Вас, доктора искусствоведения, профессора, члена-корреспондента АН БССР, с семидесятилетием со дня рождения.

Вот уже более 40 лет Вы деятельно участвуете в становлении и развитии социалистической культуры республики. За десятилетия литературного творчества Вами написаны многочисленные статьи, книги по проблемам драматургии, очерки о произведениях литературы и театра. Ваши книги «Путь белорусского советского драматического театра», «Народный артист БССР В. И. Владомирский», «Народный артист СССР П. С. Молчанов», «Белорусский театр. Очерк истории» аналитично и живо повествуют о театральной жизни республики, об актуальных проблемах, решаемых в творчестве мастеров советской драматургии и театра.

За книги «Театр в военные годы», «Современный белорусский театр» «Становление белорусского советского театра» Вы удостоены звания лауреата Государственной премии БССР.

Заслуженный деятель искусств БССР. Вы отдаете много душевных сил и энергии воспитанию творческой молодежи».

Я. ШУКУРОВУ — 70 лет

«В Вашем лице мы приветствуем одного из известных узбекских писателей, внесшего немалый вклад в развитие родной литературы. Тепло были встречены читателями книги Ваших очерков и художественной прозы: «Славный путь», «Первый полет», «Две дороги», «Любовь матери», «Дети солнца», «В цветущем краю», «Дороже жизни», а также ряд пьес и киносценариев. Значительное место в Вашем творчестве занимает трилогия «Месть», первая часть которой — «Кровь на камне» — переведена на русский язык и языки других братских народов СССР.

На протяжении всей своей творческой деятельности Вы ведете большую общественную работу. За заслуги в развитии советской многонациональной литературы Вы удостоены высокого звания «Заслуженный работник культуры Узбекской ССР».

Ю. Н. КУШАКУ — 50 лет

«Более двадцати лет талантливо работаете Вы в литературе для юных читателей. Ваши поэтические книги «Есть на свете чудеса», «Муравьиный фонарщик», «Первый снег», «Игра в солдатики», «Почтовая история», «Приглашение на уху», «Дом друзей», «Плывет корабли в гости» и другие давно полюбились нашим мальчишкам и девчонкам. Они учат ребят честности, порядочности, доброте, смелости, отваге...

Много творческих сил отдаете Вы благородному делу перевода. Впервые на русском языке были опубликованы стихи Мусы Джалиля для детей в Вашем переводе. Благодаря Вам стали достоянием многомиллионного советского читателя книги, адресованные юным, Гафура Гуляма, Пулата Мумина, Мусы Галиева, Мустая Карима, Антонины Кымытваль, Раисы Сарби, Захида Халила и многих, многих других писателей наших союзных и автономных республик».

Г. П. МИХАСЕНКО — 50 лет

«Вот уже около тридцати лет Вы посвящаете свой талант юному поколению. Работая инженером на строительстве Братской ГЭС, Вы обогатились жизненным опытом, яркими впечатлениями, что помогло Вам создать полюбившуюся ребятам повесть «Кандаурские мальчишки». Произведения Ваши проникнуты идеалами добра, чести, трудолюбия. Вы утверждаете неразрывность мира младших и мира старших. В круг чтения детей и подростков прочно вошли Ваши книги «В союзе с Аристотелем», «Пятая четверть, или Гость Падунского Геранла», «Милый Эп», «Тирлямы в подземном королевстве», «Я дружу с Бабой-Ягой», «Неугомонные бездельники». Читателям младшего возраста адресована Ваша книга «Фантазер».

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

К. С. ЕСЕНИН

На шестьдесят седьмом году жизни после продолжительной болезни скончался сын великого русского советского поэта С. А. Есенина — Константин Сергеевич Есенин, член КПСС с 1945 года, участник Великой Отечественной войны, персональный пенсионер союзного значения, инженер-строитель, талантливый спортивный журналист.

Он был честным, мужественным человеком, верным сыном Родины, совестливым и скромным.

Он прошел славный, достойный, нелегкий жизненный путь.

Константин Сергеевич Есенин родился в Москве 3 февраля 1920 года.

Когда началась Отечественная война и фашистские орды подошли к Москве, студент-комсомолец Константин Есенин добровольно ушел на фронт защищать родной город. Он воевал под Москвой, а затем на Волховском и других фронтах. Был четырежды ранен, последний раз особенно тяжело. После ранений возвращался на фронт. Войну закончил в день Победы старшим лейтенантом, комсоргом батальона.

Три ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны I степени, медали «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда» и другие — заслуженные боевые награды К. С. Есенина.

В 1970 году по состоянию здоровья вынужден был оставить работу строителя. Став персональным пенсионером, К. С. Есенин не ушел «в запас», а с присущей ему энергией и настойчивостью как профессиональный журналист занялся своим вторым любимым делом — спортивной статистикой, прежде всего футбольной. В печати, особенно спортивной, появляются его статьи, репортажи, интервью, заметки с важнейших союзных и международных футбольных соревнований, включая первенство Европы и мира.

В эти же годы он ведет большую спортивно-общественную работу в Федерации футбола Спорткомитета СССР, редколлегии журнала «Футбол-хоккей» и других спортивных организациях и печатных органах.

Многое было сделано К. С. Есениным для увековечения памяти и пропаганды творчества Сергея Есенина.

В памяти всех, кто его знал, Константин Сергеевич останется навсегда человеком светлой души и сердца, добрым, отзывчивым в дружбе, достойно пронесшим через всю жизнь имя своего отца — великого поэта России Сергея Есенина.

Г. М. МАРКОВ, С. В. МИХАЛКОВ, В. И. АСТАХОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Ю. Н. ВЕРЧЕНКО, В. А. ВДОВИН, А. И. ЕСЕНИНА, Т. С. ЕСЕНИНА, С. П. ЕСЕНИНА, Т. П. ФЛОР, Е. А. ИСАЕВ, М. С. КАРИМОВ, С. П. КОШЕЧКИН, Д. Н. КУГУЛЬТИНОВ, Ф. Ф. КУЗНЕЦОВ, Ю. С. МЕЛЕНТЬЕВ, Н. В. НАСЕДКИНА, Ю. Л. ПРОКУШЕВ, К. Н. СЕЛИХОВ, С. В. СМИРНОВ, В. В. СОРОКИН, А. В. СОФРОНОВ, В. А. УСТИНОВ, В. Д. ЦЫВИН, А. Н. ЧЕПУРОВ, Н. В. ШУНДИК.

ЛГ информирует

■

В Ташкенте состоялся объединенный пленум правлений творческих союзов и Театрального общества Узбекистана.

Пленум открыл народный писатель республики, Герой Социалистического Труда К. Яшен. С докладом «О задачах творческих союзов республики по дальнейшему развитию литературы и искусства, повышению их роли в коммунистическом воспитании трудящихся в свете решений XXVII съезда КПСС» выступил первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана И. Б. Усманходжаев.

Среди выступивших на пленуме — председатель президиума правления СП Узбекистана У. Умарбеков, народный писатель республики А. Якубов.

°₀°

Президиум правления СП Узбекистана обсудил задачи писательской организации, вытекающие из принятого Бюро ЦК Компартии Узбекской ССР постановления «О мерах дальнейшего совершенствования работы с творческой молодежью в республике в свете решений XXVII съезда КПСС».

Был принят комплексный план мероприятий по коренной перестройке руководства всей работы с молодыми деятелями культуры, улучшения их идейно-политического и профессионального воспитания, условий быта и творчества.

На заседании выступили: У. Умарбеков, А. Якубов, Мирмухсин, С. Ахмад, У. Хашимов, А. Матчанов, Г. Владимиров, А. Османов.

Наш корр.

■

В СП Азербайджана состоялось совещание, посвященное сегодняшнему состоянию азербайджанской литературы и ее задачам в свете решений XXVII съезда КПСС. Вступительным словом совещание в Баку открыл председатель правления СП Азербайджана М. Ибрагимов. С докладами выступили: Б. Набиев (по прозе), И. Исмаилзаде (по поэзии), С. Рустамхаилы (по критике), А. Мустафа-заде (по художественному переводу), Я. Караев (по драматургии), Т. Махмуд (по детской литературе), С. Амиров (по литературе Южного Азербайджана).

И докладчики, и выступившие в прениях участники совещания говорили об ответственности писателей перед временем и обществом, об активной гражданской позиции мастеров слова.

Наш корр.

■

В Ашхабаде впервые состоялось общее собрание писателей-коммунистов республики. Его открыл секретарь партбюро СП А. Назаров. С докладом «О состоянии современной туркменской литературы и ее задачах в свете решений XXVII съезда КПСС и XXIII съезда Компартии Туркменистана» выступила секретарь ЦК Компартии республики М. М. Моллаева.

В прениях участвовали С. Атаев, А. Аширов, К. Кулиев, Х. Карабаев, К. Курбаннепесов, К. Курбансахатов, В. Рыбин, С. Уразов, А. Хаидов, Ш. Халмухаммедов, Н. Ходжагельдыев, председатель Госкомиздата республики Е. Ходжаев и другие.

Выступавшие говорили о необходимости повышения идейно-художественного уровня литературы, о недостатках в развитии современного литературного процесса, в книгоиздательском и переводческом деле и о путях их преодоления.

Наш корр.

писатель на премьере

Завтра, которое всегда в нас

В ЭТОМ спектакле режиссер не «умер в актерах». Я его узнаю в каждом резком, отчетливом повороте сценического действия, в насыщенной до предела, как бы предгрозовой атмосфере, во властной смене ритмов, в каждой мизансцене. Может быть потому, что в давно, очень давно знаю его — без малого сорок лет, и очень многое в моей профессиональной жизни связано с ним, и, пожалуй, самое молодое и радостное.

Это было вскоре после его возвращения с войны, года через два, от силы три. Я поступал на первый курс того самого факультета ГИТИСа, на котором он был деканом. Сейчас это даже трудно себе представить — такого молодого декана. Молодого, высокого, стройного, красивого — девочки-абитуриентки, пришедшие на предэкзаменационное собеседование, не могли оторвать от него испуганных и восхищенных глаз. Да и мы, мальчики, тоже.

На этом собеседовании он собирался говорить с нами об искусстве о своем — и нашей будущей — профессии, о театре. Но говорил он, сам, может быть, того не замечая, о другом — о войне, еще такой недавней, еще не остывшей в памяти. О войне и о тех, кто не вернулся, остался навеки молодым, — о своих товарищах, однолетках, одноклассниках, однокурсниках. О своем поколении: «какая музыка была, какая музыка играла...»

И вот теперь он поставил об этом спектакль. Нет, «поставил» тут менее всего подходит, тут нужно другое слово: заново прожил, снова окунулся в прошлое, словно бы припал к «живой воде».

Я бы сказал, это мужской спектакль: скорбный — без слез, трагический — без заламывания рук, светлый — без прекраснодушия. И для режиссера — личный.

О времени и о себе!.. Скорее, о времени, которое каждый из нас носит в себе, как безошибочную точку отсчета всего, что было с ними, с тем поколением, а значит, и с нами, их наследниками, тогда, когда они из мальчиков становились юношами, из юношей — мужчинами, и того, что было с ними потом, назавтра, в войну и после войны, как и того, что с ними и с нами происходит сейчас. Со всеми. Всегда.

А назавтра у них была война.

Войны, собственно, в романе Бориса Васильева «Завтра была война», как и в спектакле под тем же названием, нет — лишь ее канун, ожидание. Неминуемостью и неотвратимостью ее и меряется все: души, умы, совесть, стойкость — и в повести, и, стократно усиленное, распахнутостью театра.

И этим — поверкой этой высшей, не знающей снисхождения и полуправды, — живут в спектакле актеры. Все! — вот что самое замечательное. Хотя, казалось бы, почти все они войны по молодости лет и не нюхали, родились много позже, они даже не дети, а уже внуки тех, кто ушел на нее и вернулся ли, не вернулся, а — победил.

Им повезло, этим молодым актерам, что первые их шаги на подмостках, самые истоки их творческой жизни как бы опалены отсветом того высокого и чистого пламени, что начели они ее с высокой и чистой ноты.

Им можно позавидовать — и тому, что они остались работать под началом своего же учителя, и тому, как сосредоточенно и честно — этому и учил их мастер долгих четыре года — живут в спектакле, поставленном Андреем Гончаровым в Театре имени Маяковского (ему помогали в этом режиссер С. Яшин, тоже его ученик, и художник Е. Качалеева).

Это сейчас, на расстоянии полувека, иным кажется, что жизнь страны накануне грозного испытания войной была безоблачна и безмятежна. Отнюдь — мужание поколения, выстоявшего потом в смертельном противостоянии с фашизмом, проходило в сложной, не без жерств борьбе добра со злом, совестливости с трусливым равнодушием, истины со сладкими иллюзиями, и не закались души тогдашних молодых, им труднее было бы выстоять и победить.

Спектакль об этом. Он ничего не утаивает, ни о чем не умалчивает, ничего не приукрашивает. Вероятно потому, что и драматург, и режиссер знают, что самое грозное ждало их героев еще впереди. Завтра. И чтобы это — как и всяков другое — завтра не застало молодые души врасплох, их надо закалять и испытывать правдой. Ничем иным, кроме правды.

Пусть справедливость и законность восторжествовали в отношении обвиненного бог весть в чем честнейшего человека Леонида Сергеевича Люберецкого (его щедро, но несуетно играет А. Лазарев), но не вернуть уже юную и безвинную жизнь его дочери Вики (Г. Беляева), покончившей с собою, и эта нелепая смерть — не просто жест отчаяния и слабости, но и протест, вызов слепой подозрительности. Пусть та же злая и безымянная сила убрала из школы вступившегося за правду директора (эта роль — дебют, и дебют более чем успешный. Андрея Болтнева на столичной сцене), но именно он останется навсегда для своих питомцев мерилом чести и благородства, он, а не истеричная и фанатически - подозрительная учительница Валентина Андроновна, которую, на мои взгляд, не по юному своему актерскому возрасту остро и едко играет О. Прокофьева. Пусть и не понимают до конца друг друга прямая и не ведающая компромиссов Искра (Е. Мольченко сыграла не просто интересный характер, но и как бы самую сущность души молодого человека тех предвоенных лет с его неистребимой, страстной верой в то, что от него и ни от кого другого зависит прекрасное будущее) и столь же сурово неистребимая ее мать, все еще живущая по железным законам своего звездного часа — гражданской войны (образ ее, далеко выходящий за пределы скупо написанной роли, крупно воссоздала на сцене Т. Васильева), но в трудное мгновение их жизни, они едины и не знают сомнений в выборе между честью и бесчестьем. Как один в своем порыве защитить справедливость весь класс, в котором учатся Вика и Искра; и тут надо помянуть добрым словом всех молодых артистов, недавних гончаровских учеников, столь живо и искренне живущих в атмосфере, казалось бы, далеких и неведомых для них «сороковых, роковых», — Т. Аугшкап (ее мне хотелось бы выделить особо), Ю. Соколов, Г. Косарев, Л. Соловьева, И. Исаев, А. Лобоцкий, Ф. Гаврилов.

У Толстого есть одно печальное наблюдение: как легко и скоро объединяются люди плохие и безнравственные, и почему так разъединены и каждый по себе добрые, честные, совестливые... Так вот, спектакль о том, как объединились и не дрогнули перед лицом зла честные и совестливые.

А завтра была — война.

Юлиу ЭДЛИС

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОМЕНТ

Дирижирует Герой Социалистического Труда, народный артист СССР Евгений СВЕТЛАНОВ.

Фото В. БОГДАНОВА

деловая переписка

Перед закрытой дверью

Уважаемый товарищ редактор!

Пишу вам, казалось бы, по мелкому поводу, но, как мне кажется, мелочи тоже портят людям настроение.

Меня интересует, почему в Москве в кинотеатры теперь пускают зрителей только за 20 минут до начала сеанса? Ведь раньше входные двери открывали сразу после того, как начинался предыдущий сеанс.

В Ленинграде в фойе кинотеатров работают не буфеты с двумя засохшими бутербродами, а уютные кафе, перед сеансом там спокойно могут посидеть зрители, особенно молодежь, ведь не секрет, что им нередко некуда деваться.

В Москве же люди, ожидающие начала сеанса, в любую погоду толкутся перед закрытыми дверями. Из фойе кинотеатров исчезли имевшиеся раньше газеты и журналы, приличные буфеты, прекратилась демонстрация короткометражек. Мне кажется, что все это вызвано элементарной истинкой билетерам, которые перед каждым сеансом устраивают себе часовой перерыв.

В Москве, где, как ни в каком другом городе, много приезжих, кинотеатры должны быть лицом города, очагами культуры. И на надо вернуть их прежнюю роль миниклуба, где люди могут посидеть, побеседовать в фойе, почитать газету или журнал, наконец, выпить чашку кофе (не из ведра), съесть хорошее пирожное — глядишь, и план товарооборота мог быть выполнен без водки, и подворотня молодежи не понадобилась бы.

С уважением

Н. ГОЛЬДБЕРГ,
судебно-медицинский эксперт

Управление кинофикации рассмотрело критические замечания в адрес кинотеатров г. Москвы, поднятые в письме т. Гольдберга.

В этом письме допускаются некоторые неточности: так, в соответствии с действующим «Порядком работы кинотеатров г. Москвы» вход в однозальный кинотеатр разрешается за 1 час, в в двухзальный с общим фойе — за 30 минут до начала очередного сеанса.

Вместе с тем следует признать, что оформление фойе и интерьеров в ряда кинотеатров города, оснащение их мебелью, оборудованием еще не отвечают требованиям современной эстетики и запросам зрителей.

Главное управление общественного питания не осуществляет надлежащего контроля за работой и ассортиментом подчиненных ему кафе и буфетов в кинотеатрах.

В настоящее время решается вопрос об организации выступлений профессиональных и самодеятельных музыкальных коллективов перед началом сеансов в кинотеатрах, где имеются для этого возможности, оснащении некоторых кинотеатров цветными телевизорами и видеомагнитофонами.

Своим решением от 10.01. 1986 г. исполком Моссовета обязал Главное управление общественного питания принять меры по значительному улучшению ассортимента продуктов и кулечных изделий, оснащению кафе и буфетов кинотеатров новым оборудованием.

В. БЕЛЯВСКИЙ,
заместитель начальника Управления кинофикации Мосгорисполкома

театр-студии: проблемы

ЧЕМ ОПЛАТИТЬ БЕСКОРЫСТИЕ?

КОГДА в Праге, собираясь на спектакль в театр «Рубин», я стала гладить нарядное платье, наш чешский друг, смущенно улыбаясь, сказал: «Знаешь, это не обязательно. Там совсем маленький театр, и все очень демократично. Ну, ты сама увидишь...» Да, это был очень маленький театр в подвале старого дома на знаменитой Малостранской площади: крошечное фойе с любовно развешанными по стенам картинами, где в разных жанрах были представлены театральные фантазии художников, с маленькой стойкой бара, где подавали кофе, и зрительный зал, в котором мы с дочерью насчитали 64 места, а в центре была оставлена площадка без подмостков размером не более боксерского ринга. В программке, с выдумкой оформленной, было написано: «Ревизор», Гоголь Николай Васильевич».

Выходя из театра, мы точно знали, что должны прийти сюда еще раз. А увидев в афише у входа, что в ближайшие дни «Ромео и Джульетта», в своем желании утвердились.

Но как быть с билетами? Ведь в театры-студии они за редким исключением не продаются.

Но гостеприимная Прага и на сей раз удивила предупредительностью: афиши театра «Рубин» попадались на каждом шагу, а театральной кассе на Вацлавской площади мы купили билеты на «Ромео и Джульетту»!..

И тогда я вспомнила, что рассказывал в Москве руководитель молодежного театра - студии «У Никитских ворот» М. Розовский. Очень часто раздаются у него дома телефонные звонки: «Я пробуду всего неделю! Как попасть к вам в студию? Что идет в ближайшие дни!» На эти вопросы порой не находят ответа и москвичи.

Между тем за три года своего существования та же студия «У Никитских ворот» выпустила семь спектаклей и теперь имеет наконец в ЦДК медработников свой уютный, заботливо отремонтированный зал на 100 мест. Но все равно не попасть. Единственная скромная афиша висит лишь в арке у Дома медработников, а билеты в «свой» зал — только пригласительные. Это как же старательно надо привстать на цыпочки, например, девятиклассникам в Черемушках или пятиклассникам в Сокольниках, чтобы быть замеченными и приглашенными... в молодежный театр.

И отправилась я со всеми наболевшими вопросами в театр-студию «У Никитских ворот» к Марку Григорьевичу РОЗОВСКОМУ. Вот какой получился у нас разговор.

М. Р. Мы, как народный театр, имеем право продавать билеты через кассу своего ДК. Это право оговорено ВЦСПС. Но тут возникает сразу несколько проблем, и первая — а зачем нам продавать билеты? Ведь ни рубля, ни копейки от проката спектакля студия не получает. Деньги идут в фонд профсоюза, который обеспечивает средствами наш Дом культуры.

КОРР. Но и вы ведь из этих средств получаете что-то на «кисти-краски»?

М. Р. Получаем, но по другой статье. Даже наш профсоюз не заинтересован в продаже билетов, так как прямой зависимости между доходом от нас и расходом на нас у него нет. И ДК не заинтересован: для него это одни хлопоты. А профсоюз богат, и любую нашу смету, составленную на год вперед, он удовлетворяет. Но — безналичными средствами. То есть все, что нужно студии для постановки спектаклей, мы можем приобретать лишь по перечислению. А новая магнитофонная пленка для фонограммы, скажем, продается только за наличный расчет. Значит, играем со старой, которая рвется. Почему я должен показывать человеку, который заплатил деньги за билет, «неполноценный» спектакль?

КОРР. Ну, зритель все-таки полноценность ваших спектаклей, смею думать, видит в другом. И есть еще одна сторона вопроса. Вы ведь заинтересованы в обновлении аудитории. Те, кто постоянно ходит к вам, так называемые друзья студии, все уже по 10 раз пересмотрели. А «за бортом» — толпы желающих к вам попасть, но не знающих, как это сделать.

М. Р. Скажу без обиняков: если бы мы были на хозрасчете, то есть могли покупать костюмы и гвозди из тех сумм, которые заработали, тогда мы бы очень были заинтересованы в продаже билетов. И тогда нам не пришлось бы отказывать, например, Зеленограду, который пригласил выступить в своем роскошном дворце, что для нас и престижно, и по-человечески приятно, но сегодня — просто хлопотно и материально невыгодно. А выступление «на стороне», по-моему, должны быть взаимовыгодны. То есть игра наша должна стоить свеч...

КОРР. Хотя бы свеч.

М. Р. Совершенно верно. А нам говорят: коммерческий подход несовместим с задачами воспитания. И еще, что нельзя зарабатывать деньги непрофессиональным художественным творчеством.

КОРР. И вы с этим согласны?

М. Р. На согласен. Одно дело, когда мы играем спектакли в Фонд Мира, в Фонд Мемориала Победы. А для текущего репертуара часто мелкие траты, без которых студия не может обойтись, нам—что греха таить—приходится делать из своего кармана, создавать какую-то кассу взаимовыручки, что ли. Есть ответственный, есть тетрадь, куда мы эти траты записываем. Но с другой стороны, это же дикость — имея огромные деньги по перечислению, имея возможность продавать билеты, не пользоваться реально этими возможностями! Нет, хозрасчет не просто бы выручил нас, но помог бы нам доказать свою творческую состоятельность, так сказать, и в экономическом выражении.

КОРР. Я знаю, как ваши студийцы, понимая, что театр для них не увлечение, а призвание, переходят не заведомо малоквалифицированную и потому низкооплачиваемую работу, чтобы иметь больше свободного времени и возможности отдавать студии буквально всю душу. Но человек же на виноват в том, что поздно обнаружил в себе это призвание или когда-то случайно «на попал» в театральный вуз, если сейчас он может предъявить истинный талант и мастерство!

М. Р. Вот здесь, мне кажется, есть реальный выход. Если бы Институт культуры, или ГИТИС, или другой театральный вуз дал (в порядка исключения!) руководителю студии, заслужившей общественное признание, заочный курс и на базе своего коллектива он мог бы этот курс создать — многие проблемы были бы решены. Потому что у студии есть идейно-художественная платформа, но не хватает именно специального образования — знания истории искусств, системы Станиславского, других наук. Безусловно, за 4 года заочного обучения студийцы выросли бы в своем мастерстве. Но этот рост профессионализма они бы демонстрировали не только во время экзаменационной сессии, а в непосредственной работе над спектаклями, которые часто высоко оцениваются критикой. Однако, к сожалению, эти оценки не становятся средством движения студии вперед. Оценки есть, а движения нет.

Вообще проблем у нас хватает. Их можно подразделить, как подразделяются в русском языке обстоятельства: места, времени, образа действия... Вот смотрите, в нашем репертуаре 7 спектаклей. Для того чтобы сыграть каждый хотя бы по два раза в месяц, нам нужно 14 вечеров. А когда репетировать новые спектакли?

КОРР. В остальные 16 вечеров.

М. Р. Если бы мы их имели! Мы ведь в Доме культуры, у которого свой план мероприятий.

КОРР. Но в ДК ведь есть еще и большой зал...

М. Р. ...в котором стоит киноаппаратура и по плену «крутят кино». Вообще кино, по-моему, — главный враг профсоюзного клуба. Когда после войны не хватало кинотеатров — вот тогда кино пришло в клуб. Сегодня в обществе развитого социализма в крупных городах и населенных центрах, я считаю, кинотеатр и клуб должны существовать раздельно. Клуб должен принадлежать клубной работе, тогда из его кружков вырастут настоящие народные коллективы. А сейчас все подряд клубы заражены кинодеятельностью: у них есть план, и нужно подобрать наиболее кассовые фильмы. Не знаю, кому это нужно, — может быть, киносети, которая ставит галочку, что охвачена еще одна площадка. Во всяком случае, я знаю, что наш спектакль в том же зале принес бы в государственную казну в три раза больший доход, чем рядовой фильм. Но сегодня репетировать нам просто некогда и негде.

КОРР. То есть студии, по-вашему, нужно иметь помещение свое, отдельное?

М. Р. Конечно. Если театр начинается с вешалки, то студия начинается с ключа от помещения, где эту вешалку можно поставить. Поэтому мне кажется оптимальной модель студии Белякевича (народного «Театра-студии на Юго-Западе»), которая находится в ведении отдела культуры райисполкома и имеет свое помещение.

Сейчас и в нашем Краснопресненском районе принято прекрасное решение о создании нескольких культурных центров. В этой связи мы обратились к руководителям района с просьбой предоставить нам помещение на третьем этаже здания, где внизу размещается кинотеатр Повторного фильма и кафе «У Никитских ворот». После небольшой реконструкции этот этаж может быть превращен в уютное театральное помещение с залом на 250—300 мест. В том же здании, помнится, было еще заштатное фотоателье. Вот бы где устраивать малые выставки художников и фотографов или организовать видеотеку... Если бы нам доверили стать хозяевами этих помещений, мы могли бы создать там музей народного театра. Таким образом, любимое москвичами место у Никитских ворот превратилось бы в многообразный центр культуры.

Что касается перспектив нашего коллектива, то в этом случае он условно разделится на две взаимодействующие группы — Театр и Студию. Члены Театра переводятся на заработную плату в соответствии с установленным для нас штатным расписанием. Члены Студии остаются на положении любителей и продолжают свою деятельность в рамках нового статуса коллектива. Таким образом, практически будет обеспечена возможность уникального опыта совместного творчества профессиональных и самодеятельных актеров, будут созданы условия для роста мастерства и взаимного духовного обогащения всех участников театра-студии.

Для работы коллектива после реорганизации не требуется никаких дотаций, так как уже сейчас, по оценкам экономистов, существует реальная возможность перевода нашего коллектива на полный хозрасчет с отчислениями в доход государства.

КОРР. А как вы относитесь к идее общей, «коммунальной» площадки для нескольких студий, на которой они могли бы работать?

М. Р. Я определил бы ее как идею театрального клуба. Такая идея зреет. И уже несколько московских студий, в том числе и мы, получили предложение объединиться в некий театр студий под эгидой общества трезвости. Помещение для этого театра еще не найдено, но идея, по-моему, хорошая. Она может вылиться в общественно значимое явление, если мы, студии, явимся убедительным аргументом в пользу культурного досуга. А общество трезвости обретет себя еще в одном конкретном деле.

КОРР. Так какой же вы видите завтра студию?

М. Р. По-прежнему бескорыстной по отношению к зрителю и государству, но имеющей возможность приносить государству реальный доход. Окупающей собственным мастерством профессиональные условия своей работы. Например, у нас есть сосед, с которым мы находимся в постоянном творческом контакте. Это театр-студия «На досках», им руководит Сергей Кургинян. Так вот, они разработали очень интересную модель хозрасчетного театра-студии на самоокупаемости. И уже дали ее экономическое обоснование! Я целиком за выдвинутую ими идею. Мы вместе с ними готовы принять участие в такого рода эксперименте. Сейчас в Краснопресненском районе изучаются возможности и условия его проведения.

КОРР. Марк Григорьевич, мы знаем, что вы как драматург и режиссер немало работаете и на профессиональной сцене. Ваши спектакли идут во МХАТе, в ленинградском БДТ, в Риге. А каково ваше отношение как руководителя народного коллектива к профессиональному театру?

М. Р. Ни в коем случае не противопоставление! Внимание, уважение, почтение — как к старшему товарищу. Правда, иногда я кричу своим студийцам: «У нас все должно быть, как в театре!», а иногда: «Что это еще за театральные интриги!», к примеру. Но ведь и брату не подражают слепо. В едином театральном процессе участвуем мы все. И если театр разделяется, то разделяется на театр живой и театр косный. У нас у всех общий враг — рутина. И общая цель — овладение высшим мастерством.

Я знаю, что многие сцены профессиональных театров — и малые, и филиалы— могли бы нас на время брать под свое крыло, давать нам во внеурочное время играть свои спектакли: ведь не каждый день они заняты. Мы им не помешаем, я уверен, а может быть, и окажемся чем-то полезны. Здесь был бы с их стороны элемент шефства, кураторства. Всегда от союза разных, даже противоположных по концепциям творческих организаций искусство только выигрывало.

Вот было проведено совещание в Министерстве культуры СССР с участием заместителя министра Т. В. Голубцовой, где очень внимательно отнеслись к нашим проблемам, обещали помогать и в организационном, и в творческом отношении. На моем веку — я ведь занимаюсь студийной работой уже 30 лет — это произошло впервые.

А в апреле в ЦК КПСС состоялось совещание, посвященное проблемам перестройки театра. Заключавший обсуждение член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев выразил уверенность в том, что обмен мнениями даст новый импульс в решении задач искусства, намеченных XXVII съездом партии. Думается, сказанное относится и к возникновению новых театральных организмов, о чем тоже шла речь на совещании. Потому что студия — как раз идеальная площадка для старта.

Инга АГЛИЦКАЯ

классика

Смех Гоголя в музыке Чайковского

РУССКАЯ оперная история не слишком богата комическими произведениями. Классика дала нам в наследство бесчисленные водевили, но считанное количество сочинений, относящихся к так называемой «комической опере». Среди последних особое место заняла хоровая народная лирико-комическая опера П. И. Чайковского «Черевички» (в первой редакции композитора «Кузнец Вакула»). Сегодня свое прочтение этого произведения предложил Музыкальный театр имени К. С. Станиславского и Вл. Немировича-Данченко.

Думается, что создатели спектакля (музыкальный руководитель и дирижер В. Кожухарь, режиссер-постановщик И. Шароев), осуществляя свой замысел «Черевичек», опирались на лиричнейшие, глубоко реалистичные музыкальные образы Чайковского, столь своеобразно проявившиеся в необычной для него опере, и на фантасмагоричное, полное неожиданных фантазий и озорства начало, идущее от литературы Гоголя. Оба эти начала и слились в музыке, ярко проявились во всем ходе действия оперы, в каждой партии, музыкальной теме, драматургическом построении.

Бережно воссоздавая на современной сцене атмосферу оперы Чайковского, замысел композитора, авторы постановки стремятся показать действие глубоко народное. На первый план выходят массовые сцены, многочисленные хоры, танцевальные номера, а сюжетная интрига, центром которой является история Оксаны и Вакулы, органично вплетается в общее массовое народное действо. Большие по объему, лирические вокальные партии Оксаны (арт. Л. Черных) и Вакулы (арт. В. Осипов) исполнены мастерски и стали настоящим украшением спектакля. Но все же не любовный дуэт становится здесь центром оперы.

«Черевички» поставлены действительно как опера комическая. Комизм этот заложен уже и в прекрасной музыке Чайковского. Но авторы спектакля постоянно стремятся усилить, акцентировать его. Юмор и в игре актеров, ставших не только исполнителями вокальных партий в «Черевичках», но и создателями пестрой галереи острохарактерных, смешных персонажей. Особо хотелось бы выделить В. Маторина (Чуб), В. Щербинину (Солоха) и А. Бородина (Бес).

В постановке проявились не только богатейшие музыкальные возможности «Черевичек» (прежде всего хоровые), но и пластические. И проявились очень своеобразно, колоритно. Художники спектакля В. Клементьев и Д. Чербаджи создали свою Диканьку с большой фантазией. Это выражено и в общем характере декораций, неотъемлемых от действия, пронизанных яркими подвижными цветовыми сочетаниями, и в красочных костюмах персонажей, и в «полетах» героев по черному южному небу. Опера не только слушается, но с интересом смотрится. И в этом сильная, даже необычная сторона новой постановки.

Более традиционным, статичным действие становится в тот момент, когда Вакула оказывается в петербургском дворце. Конечно, это в какой-то мере закономерно, ибо заложено в самом характере музыки данной сцены. Но ее где-то еще и сковало исполнение. Исполнение пышное, парадное, но холодное, не достигшее вокальных высот спектакля.

Больший интерес и большее достижение представляют в этом смысле дуэт Солохи с басом и ее ариозо в начале первого акта, ариозо Вакулы «О, что мне мать, что мне отец», вся комичнейшая сцена с бесенятами и непрошеными гостями в хате у Солохи и, наконец, финал оперы. В них наиболее сильно проявился лирико-комический характер «Черевичек».

Музыкальный театр имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко сегодня выделяется одаренными артистами, талантливыми голосами, которым может позавидовать любой оперный театр. С этим, несомненно, также связан успех новой постановки. Особо можно выделить вокальный дар В. Щербининой и В. Осипова.

Артисты хорового ансамбля и миманса, студенты ГИТИСа и детская хоровая студия «Звонкие голоса» наряду с исполнителями главных партий создали приподнятое, праздничное настроение спектакля, помогли сделать спектакль настоящим зрелищем — сказочным, наполненным фольклорными интонациями, неожиданностями. Не всегда, повторяю, исполнители в полной мере доносят до слушателей щедрый, безудержный характер музыки Чайковского, безостановочность переходов одной мелодии в другую, сольной партии в хор, азартного танца в лирическую сцену. В спектакле есть и спорные, даже в чем-то слабые места. И по уровню исполнения, и по общему сценическому решению. Хотелось бы большего азарта, широты действия — к этому располагает сам характер музыки. Но в главном спектакль состоялся.

Устоявшиеся оперные каноны нередко вступают в спор с современными сценическими требованиями. Большее приближение к реальности, достоверности, поиск новых средств выразительности — эти задачи решает сегодня оперный театр. Работа Музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко над «Черевичками» П. И. Чайковского, несомненно, принесла новый опыт.

Елена БОЛДЫРЕВА

СЕМЬ ДНЕЙ В МАЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РИСУНОК

Преступные амбиции «наоглобалистов».

Худ. В. ПЕСКОВ

АНТИСОВЕТИЗМ. КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

СЕНСАЦИИ РАДИ

Возможно, что кое-кто из английских студентов, прилетевших в Лондон из Киева и Минска по требованию своего правительства после аварии на Чернобыльской АЭС, и вздохнул с облегчением, оказавшись дома. Однако многие, сообщает газета «Гардиан», возмущены тем, что их отправили домой. Они подозревают, что западные средства массовой информации преувеличили опасность, возникшую в результате аварии. Они обвиняют западную прессу в стремлении извлечь политические выгоды из случившегося в Чернобыле.

Действительно, иначе, чем попыткой погреть руки на чужом несчастье, не назовешь лживую, тенденциозную и ничем не обоснованную информацию, заполонившую страницы здешних газет. Начали с того, что сообщили со ссылками на данные, полученные с американского спутника-шпиона, о том, что погибли многие тысячи людей, о якобы имевшем место взрыве и на втором реакторе, об усиливающейся утечке радиоактивных веществ в атмосферу и смертельной опасности, угрожающей соседям СССР на Западе и Северо-Западе. Потом же, когда все это не подтвердилось, сквозь зубы были вынуждены признать «неточность» этих данных и отыграть назад.

Чернобыльская авария вызвала в здешней печати и в кругах правых политиков по преимуществу не сочувствие к жертвам, в поток спекуляций. Органы массовой информации, раздув до невероятных размеров последствия аварии, попытались бросить тень на советскую программу использования ядерной энергии в мирных целях, вызвать недоверие к СССР в политическом плане как к партнеру на переговорах о ядерном разоружении, отвлечь внимание мировой общественности от агрессивной политики США и сбить накал антиамериканских настроений в Европе и мире. Далеко не последнюю роль играет и стремление нанести экономический ущерб СССР и социалистическим странам, экспортирующим некоторые продукты питания в Западную Европу. Понятно, что тем самым подстегиваются цены на товары, производимые западными корпорациями. По сообщениям газеты, на рынке уже подскочили цены на зерно, домашний скот и сахар.

Что касается радиации, которой стращали жителей Скандинавских стран, то, как заявил директор Шведского национального института радиационной защиты Гуннар Бенгтссон, сообщает «Файнэншл таймс», ее уровень там сейчас нисколько не опасен для здоровья людей.

В официальных сообщениях и в сведениях, переданных западным представителям в Москве и в других странах, содержалась вся необходимая информация о случившемся. Однако западным средствам массовой информации нужны были сенсационные, «жуткие» подробности. Вот они и прибегли к испытанному методу высасывания их из пальца, принеся объективность в жертву традиционному и вульгарному антисоветизму.

Виктор ОРЛИК,
соб. корр. АПН и «ЛГ»

ЛОНДОН

ИХ ВЫБОР — БОРЬБА

Битва у «крепости Уоппинг»

В пяти минутах ходьбы от лондонского Тауэра находится весьма примечательное сооружение. Оно пока не включено в туристские путеводители, зато на карте политической и социальной жизни страны занимает место очень заметное. Это новый полиграфический комбинат газетного магната Руперта Мэрдока, открытию которого предшествовало увольнение 6 тысяч печатников.

...Не по-весеннему холодный ветер гоняет по асфальту обрывки газет, целлофановые пакеты, пустые жестянки из-под кока-колы. По обеим сторонам улицы, насколько хватает глаз, — передвижные металлические заграждения. Они прислонены друг к другу на случай, если людям в темной полицейской форме понадобится выстроить из них сдвоенные параллели и перпендикуляры. Упражнениями в «полевой геометрии» здесь, в Уоппинга, «бобби» занимаются вот уже три месяца. С тех самых пор, как за железной оградой был налажен выпуск принадлежащих Мэрдоку газет «Таймс», «Санди таймс», «Сан» и «Ньюс оф уорлд».

В дополнение к переносным заграждениям люди Мэрдока расстелили вдоль забора мотки колючей проволоки.

Почему же на «свободу печати» надевают сегодня терновый венок?

— Мы считаем необходимым защитить тех, кто работает на предприятии, пока у его стен продолжаются демонстрации и располагаются пикеты, — разъяснил мне директор по корпоративным отношениям издательской корпорации Мэрдока «Ньюс интернэшнл» Артур Бриттенден.

Господин Бриттенден не захотел назвать этих людей штрейкбрехерами. Но у ворот комбината пикетчики — бастующие печатники — называют вещи своими именами. Здесь для штрейкбрехеров презрительное, как плевок или пощечина, прозвище «скэбс».

— Сегодня всем известно, — говорит мне Джон Роуз, один из шести тысяч уволенных рабочих, бессменный участник и организатор пикетов у «крепости Уоппинг» — что Мэрдок только делал вид, что ведет с нами переговоры. Пока он тянул время, на комбинате тайно обучали «скэбов». А затем магнат выбросил нас на улицу под предлогом внедрения новой технологии.

— Новая технология здесь абсолютно ни при чем, — говорит секретарь профсоюза печатников Джон Митчелл. — Мы рассматриваем действия «Ньюс интернэшнл» как атаку на профсоюзное движение в целом. Я вижу в этом прямое продолжение натиска на организованное рабочее движение. Вспомним, как последовательно противостояло правительство Тэтчер забастовке шахтеров.

— Убежден, что пикетирование, бойкот выпускаемых штрейкбрехерами изданий,— продолжает Джон Митчелл, — наносит империи Мэрдока не только моральный, но и финансовый ущерб. Не случайно он решил изменить тактику и показать профсоюзам краешек пряника, предложив «закрыть конфликт» передачей нам своих старых типографий. Но подачка Мэрдока — не более чем отвлекающий маневр...

— Наша борьба, — вновь вступает в разговор Джон Роуз, — приобрела, по сути дела, общенациональный характер. Среди тех, кто пришел сюда, к «крепости Уоппинг», на массовый митинг 3 мая, были не только печатники, но и члены других профсоюзных организаций. Может быть, именно этим объясняется беспрецедентная жестокость полиции в отношении участников демонстрации. Ранения, в том числе и весьма тяжелые, получили более 200 человек.

На прощание Джон Роуз вручает мне листовку, выпущенную пятью профсоюзами, с требованием восстановить на работе уволенных печатников. По ее полям черными струйками сбегает вниз колючая проволока. Как символ того, что право на труд накрепко обвито здесь «терновым венком».

Наш корр.

ЛОНДОН

ЗА КУЛИСАМИ ФАКТА

ЗАГОВОР ПРОТИВ ИНДИИ

В мартовский день Холи — веселого праздника воды и красок — сикхские экстремисты забросали помещение, где заседали главный министр штата Пенджаб и члены его кабинета, бутылками с зажигательной смесью. А затем открыли огонь из винтовок...

В апрельский день Байсакхи — праздника начала урожая — сепаратисты, засевшие с начала года в Золотом храме пенджабского города Амритсар, призвали всех сикхов к вооруженной борьбе против правительства Раджива Ганди. Один из их лидеров заявил, что его «армия» убивает и будет убивать «по мере необходимости». «Необходимыми» террористы только в марте — апреле сочли почти 200 убийств.

Усилия властей по нормализации положения, по урегулированию спорных территориальных и других вопросов наталкивались на глухую стену. Не интересы Пенджаба и уж тем более не интересы всей Индии руководили экстремистами. Они готовили свой «праздник», не имеющий ничего общего с индийскими.

29 апреля из Золотого храма провозгласили создание «Халистана» — «страны чистых», «государства сикхов». В Пенджабе, заявили террористы, будет образовано «параллельное правительство», а границы нового «государства» будут простираться вплоть до Дели. Дели — широкий жест! — оставили все-таки Индии.

Этот шаг, нацеленный на раскол страны, прежде всего означал: Пенджаб, Индию ждут новые жертвы, новые смерти. И тогда силы безопасности решительными действиями очистили от террористов комплекс Золотого храма, превращенный из святыни в арсенал, гнездо насилия. Тем самым повторились события июня 1984 года, когда армейская операция «Голубая звезда» положила конец кровавому «правлению» в Золотом храме «святого» убийцы Бхиндранвале.

Тогда, в восемьдесят четвертом, западная печать ополчилась на правительство Индиры Ганди. И сейчас из строк торчат те же шпильки, только еще более острые. Не выдержала, мол, испытания на прочность «самая многонаселенная демократия». Опять прибегла к насилию... Адресована эта «критика» не просто стране Индии, в Индии — лидеру «третьего мира», Индии — председателю Движения неприсоединения...

Между тем Дели пришлось столкнуться не просто с толпой одурманенных религиозных фанатиков, а с заговором, мозговой центр которого находился отнюдь не в Золотом храме. 37 раскольнических групп действовало в Пенджабе, получая из-за границы деньги и оружие. Конкретные адреса? Их назвали сами сепаратисты, обратившись к США, Англии, ФРГ, Канаде и Пакистану с призывом признать их «правительство». Начать хотя бы с Англии, где преспокойно существует и ведет антииндийскую деятельность «правительство Халистана в изгнании», где власти упорно не могут найти убийц индийского дипломата и уж тем более в силах помешать тому, что два десятка гурдвар — сикхских храмов — превращено террористами в явки... Или США. Самозваный «президент «Халистана» Чаухан на короткой ноге с влиятельными правыми Америки — например, с сенатором Дж. Хелмсом. Был на приеме в Белом доме и хвастается доступом к казне Пентагона и ЦРУ. Бомбейский еженедельник «Блитц» писал, что в 1985 году ЦРУ выделило 3 миллиона долларов на «помощь национальному движению сикхов».

Есть у «халистанцев» покровители и поближе — в Пакистане. Там сепаратистов тренируют в десятке военных лагерей. По данным индийских органов безопасности, только в конце апреля из Пакистана в Пенджаб было переброшено несколько террористических групп. Не случайно, наверное, «Халистан», как его рисуют в Золотом храме, тянется на карте до самого Индийского океана ровнехонько вдоль пакистанской границы.

Индийские и зарубежные идеологи «Халистана» заботились о том, чтобы дать боевикам не только оружие, но и политическую платформу. Из Золотого храма прозвучал призыв ко всем религиозным меньшинствам Индии — мусульманам, христианам, буддистам — создать «единый фронт» против Дели. Похоже, надеются не столько создать «Халистан», сколько удар за ударом, выстрел за выстрелом расшатать единство, политическую структуру всей Индии, дискредитировать ее правительство. И в конечном счете столкнуть страну вправо. Короче говоря, создать вместо Индии «Индию». Эта мысль звучала и в провокационном докладе, опубликованном в США за считанные дни до убийства сикхскими экстремистами Индиры Ганди, и во многих других работах американских индологов. Но есть Индия. И «Индии» не будет, как не будет «Халистана».

Лев ЕЛИН

ФОТОФАКТ

Ирано-иракский конфликт. Бессмысленная война, бессмысленные жертвы...

Фото из журнала «Экспресс» (ФРАНЦИЯ)

АЛЛО, БЕРН!

ВАКХАНАЛИИ НЕ ВЫШЛО

Мы рассказывали читателям («ЛГ», № 16, 1986) о том, какие усилия прилагали Соединенные Штаты для срыва совещания экспертов по контактам между людьми в Берне. Однако оно все-таки начало нормальную работу: замыслу США организовать в зале заседаний антисоветскую вакханалию не суждено было осуществиться.

Один из подрывных центров США выдал себя в Берне, поставив на документах «контрсовещания» свой гриф: «Национальный центр стратегической информации США». Сегодня его шеф — профессор Рой Хадсон печется о программе «звездных войн».

Призванные сюда из ФРГ, Швеции и других стран несколько лиц, будто бы обиженных Советской властью, — лишь орудие в руках западных спецслужб. В подвале гостиницы «Альфа» перед 2—3 репортерами заготовило свой спектакль «общество прав человека» из ФРГ. Почетный председатель его, генеральный прокурор в отставке, вызвался судить и указывать, кому из предателей родины что еще с нас причитается.

Частными случаями семейных связей хотели бы ограничить совещание представители стран Запада. В интервью для «ЛГ» руководитель советской делегации Ю. Б. Кашлев сказал по этому поводу: «При всем значении контактов на основе семейных связей они остаются хотя и важными, но все же частными случаями. Между тем укреплению дружественных отношений и доверия между народами в неизмеримо большей степени способствуют те контакты, в которые вовлечены миллионы людей,— туризм, связи между женскими и молодежными организациями, спортивные соревнования, контакты в сфере культуры, науки и образования, между общественными организациями.

В последнее время мы явились свидетелями вопиющего факта государственного терроризма, когда одна из стран—участниц совещания в Хельсинки нарушила дух и букву Заключительного акта, включая конкретные обязательства по вопросам безопасности и сотрудничества в Средиземноморье. Такие противозаконные действия встречают всеобщее осуждение и не могут не влиять самым отрицательным образом на отношения между государствами».

Анатолий ФРЕНКИН,
соб. корр. «ЛГ»

НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА

Что год 2000-й нам готовит?

В очередном выпуске популярной передачи телевизионной компании Си-би-эс «Какой будет жизнь в 2001 году?» зрители узнали, что уже через полтора десятка лет будут сделаны серьезные шаги в изменении климата (естественно, в лучшую сторону!); появятся наручные... телефоны; врачи смогут производить операции по устранению дефектов и еще не родившихся детей; можно будет покупать одежду, способную изменять свои свойства в зависимости от температуры.

ФЕЛЬЕТОН

Владимир Симонов удостоен почетной журналистской награды — премии имени Воровского, присуждаемой Союзом журналистов СССР.

Читателям «ЛГ» хорошо знакомо имя Владимира Симонова. Многие годы он сотрудничает в «Литературной газете». Его острые корреспонденции, пропагандирующие советскую внешнюю политику, разоблачающие «врагов мира и разрядки», регулярно публикуются на наших страницах.

Мы сердечно поздравляем лауреата и предлагаем читателям его новый фельетон.

О, СЧАСТЛИВЧИК ФРЕД!

Он толстый, усатый и абсолютно неграмотный. Ни бум-бум.

А душа жаждет знаний, тянется к книге. Поэтому с 1976 года он почти безвылазно проживает в библиотеке городка Вудбери, что в штате Коннектикут. Спит там, ест и, озирая ряды книжных корешков, предается размышлениям о безграничности познания.

У Филлис Делани душа тоже тянется к книге. Но читать в его присутствии? Даже отбирать тома, когда он следит за тобой в щель между Агатой Кристи и Э. Колдуэллом? Никогда!

И гражданка Соединенных Штатов Америки Филлис Делани возбуждает дело о безотлагательном выселении из помещения городской библиотеки кота Фреда.

Однако это глас вопиющего в пустыне. Широкие круги вудберийской либерально-демократической и научно-гуманитарной интеллигенции с миссис Делани не согласны. Они собрали несколько сот подписей под петицией к губернатору штата. Просят не выселять млекопитающее из соображений гуманизма и уважения его неотъемлемых прав.

Приговор властей: обитать Фреду между поэзией и прозой «до конца его естественной жизни».

А что с нечуткой Филлис Делани? Бедняжку совсем затравили. Обкладывают ее по телефону словами, каких она в фондах городской библиотеки еще не встречала, подбрасывают в почтовый ящик дохлых крыс.

Вот такой документальный сюжет.

Я имел возможность обсудить его с Дэвидом Джэкобсом, Делией Торрес и Майклом Круздо. Они бездомные.

— Вообще-то я сам не прочь пожить в библиотеке, — сказал мне Майкл. — Особенно если с питанием. Не знаю, как у миссис Делани, а у меня-то уж точно меньше гражданских прав, чем у кота Фреда.

Мы сидели на колченогих табуретках у очага под открытым небом. Вокруг громоздились шалаши из кусков фанеры, обрывков полиэтилена, деревянных ящиков. Сверху на этот лагерь слепо уставились заколоченные окна необитаемых домов.

Здесь, на пустыре между авеню «Си» и «Ди» и Шестой стрит в Нижнем Манхэттене, еще осенью возник городок бездомных.

«Жилье — это наше гражданское право!» — такой плакатик вывесили обитатели городка на проволочном заборе.

Ничего подобного, сказали власти.

— Пустырь — городская собственность и занят он противозаконно, — уточнила Барбара Перкинс, важное лицо из мэрии.

На днях на той же ржавой проволоке забилась на ветру другая бумага: «Освободить пустырь!».

Дело сейчас разбирает верховный суд штата. Как считают юристы, нет никакой надежды, что на восьмерых бездомных распространят то самое сострадание, в котором купается счастливчик Фред.

— Смотри, какая нелепица! — сказала мне Делия Торрес. — Вот мой муж Майк, он по профессии плотник. Вот его руки, они рвутся строить. Вот доски, кирпич, цемент — все это пожертвовали нам добрые люди. Вот пустырь — он сто лет был пустырем. Дайте нам выстроить жилье! Нет, не дают. И дома пустуют: хозяева не хотят их ремонтировать. Такая вот система. Весь наш гуманизм — коту под хвост...

— А вообще-то я ничего не имею против Фреда, — вдруг рассмеялась она. — Пусть хоть он поживет по-человечески...

Владимир СИМОНОВ

НЬЮ-ЙОРК

РЕПЛИКА

В ОТЛИЧИЕ ОТ ГЕРОСТРАТА

В далекой древности Герострат, сжегший храм Артемиды в Эфесе, публично признался в содеянном преступлении. Он стремился любой ценой обессмертить свое имя, в чем, надо признать, и преуспел, навеки закрепив за собой постыдную славу...

Западногерманский писатель и активный борец за мир Теодор Вайсенборн предпринял оригинальную акцию. Всем депутатам бундестага, проголосовавшим в свое время за довооружение, он разослал от имени несуществующей «инициативной группы» за подписью «Томас Клаузен» письма одинакового содержания. В самых лестных выражениях оценив деятельность этих политиков, он предложил, дабы увековечить их заслуги, отныне проводить «символические крестины» крылатых ракет, нарекая каждую именем одного из депутатов, на что и испрашивал их согласия.

Прожженные политики, не заподозрив подвоха, поспешили откликнуться, правда, увиливая от четкого ответа на поставленный им вопрос. Одни предпочли лишь «с дружеским приветом» поблагодарить за «любезное письмо». Другие, не касаясь сути дела, пустились в пространные рассуждения на темы международной политики.

Боннский обер-бургомистр Ганс Даниэльс сообщил, что предложение «Клаузена» «было для него неожиданным», и попросил дать ему время на размышление, о результатах которого он «не замедлит сообщить». Ответ пришел даже от одного из руководителей боннского министерства иностранных дел Юргена Мёллемана, который признал, что «предложение продиктовано благородными целями, но...» — далее следовали разглагольствования о «несоответствии подобного мероприятия давно уже сложившимся военным традициям»... Короче говоря, никто из «благодетелей» на соблазнился славой Герострата и не рискнул начертать свое имя на оружии, призванном нести смерть человечеству.

Н. ВЕТЛОВА

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ

4 мая 1986 года состоялся 18-й пленум Центрального Комитета Народно-демократической партии Афганистана, который избрал Генеральным секретарем Центрального Комитета Народно-демократической партии Афганистана члена Политбюро, секретаря ЦК НДПА товарища Наджиба.

Товарищ Наджиб родился в 1947 г. в семье служащего, по национальности пуштун. В 1964 г. он окончил лицей Хабибия, в 1975 г. — медицинский факультет Кабульского университета. В 1965 году товарищ Наджиб вступил в Народно-демократическую партию Афганистана (НДПА). В ее рядах он принимает активное участие в революционной борьбе, за что дважды подвергается тюремному заключению. С первых дней победы Апрельской революции 1978 г. он плодотворно работает по установлению и укреплению народной власти, проведению в жизнь прогрессивных социально - экономических преобразований.

В 1978 г. находился на дипломатической работе. В 1980 г. его как опытного партийного работника ЦК НДПА направляет начальником службы государственной информации. Он имеет воинское звание генерал-лейтенанта. За боевые и трудовые заслуги награжден орденами.

Товарищ Наджиб с 1977 г. — член ЦК НДПА, с 1981 г. — член Политбюро ЦК НДПА. Он член Революционного совета ДРА. На 16-м пленуме ЦК НДПА избирается секретарем ЦК НДПА.

На 18-м пленуме ЦК НДПА товарищ Наджиб избран Генеральным секретарем ЦК НДПА.

(ТАСС)

СОЦИАЛЬНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ

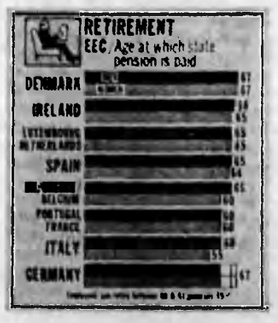


Диаграмма из английского еженедельника «Санди таймс» показывает, с какого возраста в странах ЕЭС трудящиеся имеют право на пенсию. В большинстве из них этот возраст одинаков для обоих полов. Недавно Европейский суд принял решение об уравнении в этом вопросе прав мужчин и женщин и в Англии. Мотивируется это тем, что женщины «более выносливы и реже болеют, чем представители «сильного пола».

В диаграмме не приведены данные по США. Отметим, что за океаном женщины и мужчины имеют право на пенсию с 65 лет.

КАПИТУЛЯЦИЯ

Константин СИМОНОВ

Эти впервые публикуемые странички написаны Константином Симоновым 9 мая 1945 года в Берлине. Трудно сказать, почему он не закончил корреспонденцию (случай для Симонова неслыханный) — то ли выяснилось, что «Красная звезда», фронтовым корреспондентом которой он был все четыре года войны, в материале уже не нуждалась, кто-то опередил его, то ли — скорее всего! — работу пришлось прервать из-за нового, безотлагательно срочного редакционного задания. Вслед за наступающими войсками писатель отправился в Прагу и 10 мая уже был там...
Текст печатается по машинописи из архива, который хранится в семье писателя.

На Берлин!

ЭТО БЫЛО 7-го в 10 вечера. Уже начинало темнеть. Мы ехали по кольцевой Берлинской автостраде. Вдруг в синеватом вечернем воздухе на горизонте вспыхнуло почти сразу несколько десятков пронзительных золотых звезд, похожих на искры, разлетающиеся из-под точила.

Мы остановили машину — издали не было слышно звука, но это, несомненно, били зенитки.

Звезды вспыхивали все чаще и чаще, и вслед за ними вдоль всего горизонта, словно выпрыгивая из-под земли, стали взлетать красные, желтые и зеленые ракеты.

То здесь, то там вдоль дороги сухо потрескивали автоматные очереди и в воздух взлетали разноцветные короткие строчки трассирующих пуль.

Через полчаса мы узнали причину всего этого: предстоит капитуляция Германии.

С этой минуты прошло всего 16 часов — и вот гигантский центральный Темпельгофский аэродром в Берлине, солнечные пятна на серой бетонной дорожке и отдаленное легкое гудение нескольких самолетов в небе.

Мощным серо-зеленым квадратом замер почетный караул, замерли на аэродромном поле махальщики с флагами, все затихло, и только одно, все приближающееся гудение осталось в воздухе.

С ревом, один за другим, на поле садятся и выруливают четыре самолета.

Из первого легко выскакивает заместитель Эйзенхауэра, главный маршал авиации Артур Теддер — высокий, сухощавый, одетый в скромную до строгости форму английских военно-воздушных сил, и представители высшего командования союзников, генерал Спаатс и адмирал Бероу.

Над полем низко проносятся наши истребители сопровождения.

Теддер и представитель нашего командования генерал армии Соколовский делают несколько шагов навстречу друг другу — и твердое солдатское рукопожатие скрепляет их встречу.

Они стоят на бетонном поле Темпельгофа, самого большого военного аэродрома Германии, и жмут друг другу руки на фоне Берлина.

Маршал Теддер знакомится с советским комендантом Берлина генерал-полковником Берзариным, и через секунду над полем раздается торжествующий медный голос оркестра.

Звуки американского, английского и советского гимнов сменяют друг друга. Они мощно звучат в берлинском воздухе, сливаясь в единую симфонию победы.

Обычный торжественный церемониал почетного караула. Но как сейчас это волнует, необыкновенно и удивительно волнует оттого, что все это происходит в Берлине, в Берлине — мы еще произносим это слово, не до конца вдумываясь в него, а между тем, что может быть величественнее сочетания этих трех простых слов: «Мы в Берлине!»

Годы неслыханных жертв, испытаний, борьбы понадобились для того, чтобы именно мы привели эти три слова именно в это сочетание.

Публикация Л. ЛАЗАРЕВА

Из Берлина.

На свалку истории

Фото Ю. ЧЕРНЫШЕВА и Е. ХАЛДЕЯ

Наум МАР

ЗАВЕЩАНИЕ

Встречи с дважды Героем Советского Союза генералом армии П. И. Батовым

НИКТО конечно, в его родной ярославской деревне Филисово не думал не гадал, что у этого невысокого щуплого паренька из семейства Батовых так сложится судьба.

Он стал и очень рано воином — вступил в Красную Армию в первые годы после ее создания и вскоре уже был командиром роты. И ведь так случилось в том далеком 1920 году, что именно к нему, в ротную канцелярию 127-го стрелкового полка, стоявшего в ту пору в родном Ярославле, вошел красноармеец в стиранной-перестиранной гимнастерке и в сероватых обмотках. Вошел и, неумело приложив правую руку к виску, робко доложил:

— Товарищ командир, красноармеец Сурков прибыл для продолжения службы!

— Сурков, говоришь?! По-нашему, по-ярославскому окаешь. Неужто земляк?

— Так точно!

— Из каких мест?

— Из деревни Середнево.

— Да ведь она совсем рядом с моим Филисово! Очень хорошо, боец Сурков, что тебя назначили в мою роту. А кем бы ты хотел стать — стрелком или пулеметчиком?

— Мне с оружием охота дело иметь.

— Вот и великолепно: роте нужен грамотный боец — штатный оружейный мастер. Им в тебя и назначаю. Изучи наше оружие и научись чинить его в любых условиях. Ясно?

— Так точно!

— Исполняйте, красноармеец Сурков!

...Я услышал этот диалог, возрожденный спустя полвека памятью генерала армии Павла Ивановича Батова и поэта Алексея Суркова, у нас в редакции «ЛГ» когда они тихонько попивали кофе и вспоминали о былом.

— Сколько мне суждено жить, столько буду помнить каждый день и каждый час нашей солдатской службы! Ты, Алеша, мой дорогой оружейный мастер и любимый поэт, в полагаю, оставишь народу свое завещание в стихах. А я, увы, стихов не пишу. Поэтому буду завещать жене, детям, внукам, боевым друзьям просто свою жизнь, которую, хочу надеяться, ничем не запятнал...

Незадолго до кончины Павла Ивановича Батова мы договаривались с ним по телефону о встрече. Не сразу, но встреча все-таки состоялась. В память о ней сейчас передо мною лежат 68 страниц стенограммы, из которой я выбрал для этой публикации лишь небольшую часть воспоминаний Батова о войне.

— ЭТО БЫЛА уже не первая в моей жизни война,— рассказывал генерал. — Считайте: первая мировая, гражданская, бои на испанской земле, война с Финляндией и, наконец, Великая Отечественная. Кажется, все повидал, всяков испытал. Трудностями меня, русского солдата, не запугать. И все же то, что мы пережили в 1941—1945 годах, поверьте мне, еще никогда ни одному народу на земле не доводилось испытать...

— Что же из впечатлений первых, самых тяжелых лет Отечественной войны вы могли бы выделить?

— Трудный, очень трудный вопрос... Вот говорят, что советский народ проявил в войну массовый героизм. Святая правда!

Помню, какой была обстановка осенью 42-го в частях фронта, которым командовал Константин Константинович Рокоссовский. Днем обычно мы все, его замы и помощники, командующие родами войск, были в частях. А ночью, обычно в два-три часа, собирались у начштаба фронта генерала Малинина и обсуждали итоги минувших суток. Рокоссовский всегда очень внимательно слушал всех — он удивительно мог слушать.

И вот собрались мы как-то у начштаба, а тут вдруг звонит телефонный аппарат — ВЧ. Ставка вызывает Рокоссовского. Я оказался рядом. Все хорошо слышу. Сталин спрашивает:

— А вам, товарищ Рокоссовский, не скучно на Брянском фронте?

Рокоссовский ответил. Сталин дальше говорит:

— Мы решили разделить, разукрупнить Сталинградский фронт и сформировать Донской и Юго-Западный фронты. Вам предлагается активное направление — Донской фронт. Если вы не возражаете, забирайте кого вам надо с Брянского и завтра приезжайте ко мне в Москву.

Рокоссовский хотел что-то сказать, но на той стороне линии уже царила тишина — Сталин положил трубку. Тогда Константин Константинович сказал:

— Генералы Малинин и Орел поедут со мной!

— А я, товарищ командующий? — спрашиваю Рокоссовского. — Дайте мне хотя бы дивизию...

— Останешься здесь, Павел Иванович (он всегда меня звал «Павел Иванович», а на «командующий армией»), пока приедет новый командующий Брянским фронтом — генерал Рейтер и с ним генерал Сандалов. Передашь им фронт. А мы в Москва все решим.

Так оно и было. Дней через пять прибыл новый командующий. Я докладываю обстановку, вводу генерала Рейтера в курс дела... Тут ко мне подбегает начальник шифровального отдела и передает приказ: «Генерал-лейтенант Батов назначается командующим 4-й танковой армией Донского фронта. По получении сего убыть к месту новой службы». Я доложил об этом Рейтеру, а он мне в ответ:

— Просто завидую тебе...

Я быстро собрался, сел в «виллис» и отправился через Борисоглебск, Тамбов, Камышин в Новониколаевку, где находился командный пункт Донского фронта. Прибыл к командующему, Рокоссовский, смотрю, очень обрадовался. Тепло поздоровался и говорит:

— Я еще в твоей армии не был — мне сейчас некогда: делим войска Сталинградского направления на три фронта. Скоро буду у тебя. А ты сегодня же уезжай в свою армию, но предварительно зайди к Малинину, Казакову и Жаатоеу...

Так я оказался в Озерках на правом берегу Волги, в штабе 4-й танковой армии.

— Чем отличалась эта армия?

— Тем, что у нее, увы, было только четыре танка, которые числились в отряде охраны командного пункта армии. Я танки знаю, сам водил их, служил когда-то механиком-водителем. Тех что танков не боялся. Но всего четыре?.. Какие же это танковые войска? Смех, да и только. Об этом откровенно доложил Рокоссовскому, а он мне: «Ничего, переименуем твою армию!»

И в самом деле — вскоре она стала 65-й общевойсковой армией, хорошо была вооружена и вошла в историю Отечественной войны как одно из войсковых объединений, прошедших славный боевой путь от Волги до самого Балтийского моря. Не могу не сказать, что наша армия ни на один час, ни на одни сутки не выводилась из первого эшелона фронта. То есть всю войну она была на направлении главного удара.

Приказ о переименовании армии, кажется, датирован 13 числом. Этого числа я не боялся, а вот число одиннадцать, признаюсь, меня бросало в холод. Почему? Одиннадцатого числа, правда, в начальные месяцы войны, я был три раза ранен. Однажды занялся подсчетами, и получилось, что таких «одиннадцатых» чисел у меня в жизни набралось штук шесть... Узнал и даже руками всплеснул от удивления. Бывает ведь такое... Мистика!

— Павел Иванович, а какими цифрами можно было бы подытожить путь, проделанный вашей армией? Помните ли, сколько захвачено трофеев?

— Как не помню... Я всю войну самолично вел боевой учет: вот в этой своей старой фронтовой записной книжке. Хотите точных цифр? Пожалуйста! Наша 65-я прошла с боями от Сталинграда до Ростока ровно 3525 километров и одолела на своем пути более 70 водных преград. В наших дивизиях было 323 Героя Советского Союза и пять полных кавалеров ордена Славы. За годы войны — вот посмотрите! — армия пленила 84 312 фашистов, захватила 1129 самолетов, 1123 танка, 3447 орудий, более 3300 автомашин и даже 36 подводных лодок.

— Позвольте-позвольте, сухопутная армия — и подводные лодки? Непонятно...

— Что же тут непонятного? Наша армия нанесла удар севернее Варшавы, прямо на Данциг, а здесь, в бухте, собралась, можно сказать, целая подводная эскадра фашистов. Причем семь лодок стояли прямо под парами, уже готовые уйти в плавание... Вот мы их и накрыли...

Кстати, в районе города Барт наша разведка обнаружила лагерь военнопленных, в котором находились 9000 летчиков союзных с нами держав. Среди пленных были два выдающихся воздушных аса — полковник Зенке (США) и полковник Чэр (Канада)... Разведка установила, что в этот лагерь фашисты забросили одетый в нашу и американскую военную форму диверсионный отряд, который должен был склонить находившихся здесь союзников выступить против Красной Армии. Маршал Рокоссовский также предупреждал меня, что в лагере планируется какая-то провокация. Я приказал командиру 44-й гвардейской дивизии генералу Борисову выделить полк, взять под охрану военнопленных и изъять диверсантов. Приказ был точно выполнен.

— Известно, что 65-я армия освобождала Белоруссию. А ведь там топь, болота, непроходимые для танков, больших артиллерийских калибров...

— Это была, пожалуй, самая тяжелая наша операция. Перед тем, как она началась, к нам приезжали Жуков и Рокоссовский. Их, конечно, тоже интересовало, как мы намерены управиться с здешними бездонными болотами.

Находился я, помнится, на КП 69-й стрелковой дивизии генерала Кузовкова (он жив-здоров, активно участвует в работе Советского комитета ветеранов войны). Пьем чай, спорим, толкуем. Вдруг приходит какой-то старичок и говорит: «А мы, товарищ генерал, только что в мокроступах болото это прошли...»

И я вспомнил своего отца-охотника. Он тоже, бывало, сам мастерил такие мокроступы, когда собирался поохотиться на болотах. А мы чем хуже? — подумал я и приказал начальнику штаба дивизии к завтрашнему утру изготовить два десятка таких мокроступов. Старик показал, как их сделать. Комдив выделил знающих эти места людей, они прошли в мокроступах на противоположный берег болота и наткнулись на немецкий дзот, около него дремал солдат-пулеметчик. Кляп ему в рот — и в наш штаб. Допросили, где ваши, мол, ждут наступление: здесь, на этом направлении, или в каком-то другом месте?

— Нихт, нихт, — забормотал пленный. — Нах Паричи.

Ах, Паричи, то есть совсем на другом направлении, вдоль берега реки Березины! Я доложил об этом командующему фронтом. Рокоссовский тут же приехал, и мы решили, что танковый удар следует нанести именно здесь, через эти болота. А как танкисты одолеют его? Для этого у нас в тылу, на небольшом болотце, был создан пробный танкодром. Мои хитрецы сцепили три танка: если один нырнет — два других его вытаскивают. Рокоссовский понаблюдал за действиями танкистов и сказал:

— Согласен! Утверждаю! Действуйте!

А потом он приехал с Жуковым, и они вдвоем еще раз все осмотрели и окончательно одобрили.

— И как прошла «болотная операция»?

— На редкость удачно. Немцы думали, что мы не одолеем болота, а я решил строить гати. Построили, и по ним переправился целый танковый корпус. Представляете! Мы прорвались и ударили по тылам. Гитлеровцы не ждали такого маневра. Уже в первые часы была прорвана главная линия их сопротивления... Член Военного совета фронта генерал Булганин звонит с моего КП Рокоссовскому. Тот — Жукову, а Георгий Константинович не верит:

— Не может быть. Пусть командарм мне лично доложит.

Доложил я ему, а он в ответ:

— Еду сам!

И приехали они опять вместе с Рокоссовским. Изучают позицию — все правда! Паричи теперь у нас в тылу, сзади, и немецкие артиллеристы уже начинают стрелять по моему КП. Я — к Рокоссовскому:

— Товарищ маршал, пожалуйста, не задерживайтесь здесь. Видите, стреляют: уже был недолет, был и перелет. Как бы...

А Жуков меня перебивает:

— Нет, мы будем тут обедать!

И что вы думаете? Остались. Обедали. Потом маршал Жуков от имени Верховного Главнокомандующего вручил мне золотые часы за проведенную «болотную операцию». Вскоре за ту же операцию я был награжден орденом Кутузова I-й степени.

В СТЕНОГРАММЕ много интересного и любопытного. Например, рассказ о том, как маршал Рокоссовский в один из апрельских дней 1945 года принимал у себя в штабе английского фельдмаршала Монтгомери. Константин Константинович позвонил Батову и сказал:

— Павел Иванович, не хочешь ли ты с заморским гостем познакомиться?

— Это с кем же?

— С английским главнокомандующим.

— Я о нем слышал, но никогда не видел его.

— Тогда бери своего члена Военного Совета генерала Радецкого и приезжайте сюда.

И дальше Батов вспоминал:

— Мы приехали в чем были: в полевой повседневной форме, не в парадной. Я вышел из «газика», а здесь, мать моя родная, у всех — золотые погоны, все при параде, без оружия, а мы... Подхожу к Рокоссовскому и докладываю:

— Товарищ Маршал Советского Союза, прошу извинения, мы не по форме одеты...

— Ничего-ничего, Павел Иванович, — ответил маршал. — Кое-кто уже намерен «холодную войну» с нами затеять. А ты показываешь Монтгомери, мол, имейте в виду, мы все видим и все знаем. У Красной Армии — ушки на макушке...

Есть в толстенной стенограмме той незабываемой нашей беседы и другие малоизвестные факты и подробности войны. Из всего сказанного в тот день Павлом Ивановичем Батовым хочу выделить еще один абзац:

— Я много пережил, много был в боях, но такой махины, такого масштаба армии, как 65-я под Сталинградом, не видел. Здесь я по существу впервые ощутил на своих плечах самую трудную и самую дорогую ответственность за жизнь Родины. Именно тут я сдавал самый трудный воинский экзамен.

Так записано в стенограмме. А потом, когда мы пили чай с вишневым вареньем, он признался:

— Я очень счастливый человек. Почему? Потому что мне суждено было всю жизнь защищать Родину, дороже которой у нас ничего нет. Вот такого ощущения счастья я пожелал бы всем молодым воинам!..

...Таким было его, батовское, главное завещание.

К 40-летию НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Не уйти от ответа!

Жители села Лисец требуют выдать военного преступника Б. И. Козия в руки советского правосудия

КАК И ТРИ года назад, приехав сюда на такой же сход, я снова пошел в поселковую поликлинику. Постоял у центрального входа, потом медленно обошел этот приземистый дом, где во время оккупации размещалась лисецкая районная украинско-немецкая полиция, и остановился на улице, ведущей в село Радча. Вот тут стоял 43 года назад 14-летний Антон Вацеба и до мельчайших подробностей видел картину, которую не забудет никогда. Вон по той тропке, что ведет к колодцу во двор, неторопливо шагал долговязый светловолосый мужчина. В левой руке он держал оружие, а в правой, схватив за волосы, — трехлетнюю девочку. Чем сильнее плакал ребенок, тем более жестокой становилась рука. Но вот боль отпустила: страшный дядька поставил девочку у сруба, отошел немного и выстрелил. Ребенок продолжал стоять. После второго выстрела девочка упала.

Полицай Богдан Козий убивал советских людей средь бела дня. Прилюдно. Не боялся свидетелей, потому что не думал, что когда-нибудь придется отвечать за содеянное. Надеялся, что фашисты оккупировали нашу землю навеки. Потому из кожи лез, чтоб выслужиться перед ними. Но дослужился только до старшего полицая. Пришлось удирать вместе с недобитыми фашистами на Запад. 30 лет назад он прибыл в Соединенные Штаты Америки, где вскоре стал владельцем отеля во Флориде.

Сюда чаще всего прибывают те, кто удрал с родной земли, чтобы избежать справедливой расплаты за преступления перед ней. Надо ли говорить, что в такой компании Богдан Козий чувствовал себя уверенно. Даже тогда, когда узнал, что Советское правительство добивается от властей США его выдачи как военного преступника.

Прокуратура СССР предлагала органам юстиции США все обвинительные материалы на Козия еще в 1977 году. Но лишь спустя четыре года представители отдела специальных расследований министерства юстиции США, созданного под давлением общественности для розыска военных преступников, приехали на Украину. В распоряжение американских юристов были предоставлены неоспоримые свидетельства тяжких преступлений Козия. Два года тянулось рассмотрение, пока он был наказан американскими властями... лишением прав гражданства США.

После этого и состоялся сход в Лисце. Жители единогласно приняли письма-обращения к президенту США, государственному секретарю и министру юстиции США с требованием выдать военного преступника Козия советскому правосудию. Подобные письма были направлены в Комиссию о правах человека ООН и в американские газеты.

Вскоре в Лисец пришел ответ из посольства США в СССР, где, в частности, было сказано: «Мы уверяем Вас, что Козий и подобные ему преследуются со всей суровостью закона Соединенных Штатов». Через год никак не почувствовав на себе этой «суровости», военный преступник беспрепятственно отбыл из США и поселился в Коста-Рике.

Ничего странного, что в Коста-Рике Козий чувствует себя чуть ли не героем. Садист и палач на только не скрывается, а даже выступает на пресс-конференциях. Никаких преступлений он-де не совершал, детей не убивал, в полиции не служил...

Не только Козий — немало других военных преступников нашли приют под крылышком западной демократии. В США, по признанию официальных лиц этой страны, таких преступников насчитывается около десяти тысяч.

Осуждая политику укрывательства палачей, участники схода, посвященного 40-летию Нюрнбергского процесса, призвали президента Рейгана практическими действиями продолжить Женевскую встречу, заявили в письме к нему, что одним из важнейших условий обеспечения прочного мира и взаимопонимания между народами является наказание всех виновных в совершении военных преступлений, преступлений против человечества.

Палачам не уйти от ответа!

Б. МИХАЙЛЮК

ИВАНО-ФРАНКОВСК

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ

«АГИТОПЕРАЦИЯ»

В редакцию «ЛГ» пришло письмо из Таллина от ветеранов Великой Отечественной войны, бывших воинов 3-й ударной армии, участвовавших в разгроме окруженного в Великих Луках немецкого гарнизона. Ветераны уточняют и дополняют события, о которых рассказал И. Брагинский в своей статье «Агитоперация» («ЛГ» от 1.V.1985 г.). В частности, автор допустил, по их мнению, неправильное толкование обстоятельств, связанных с пленением начальника немецкого гарнизона, командира 277-го пехотного полка подполковника фон Засса.

Один из написавших в редакцию, подполковник в отставке Э. Лемминг, был командиром специальной оперативной группы, выделенной для захвата фон Засса. Чтобы заставить начальника гарнизона сдаться, пришлось, помимо прочего, сначала взорвать на крыше его бункера заряд в 200 килограммов, а потом еще 750 килограммов. Крыша бункера наконец треснула. Лишь после этого адъютант фон Зассе доложил, что барон согласен на пленение. Высланный парламентер был принят командиром 8-го Эстонского стрелкового корпуса генерал-лейтенантом Л. Лэрном. Согласовали условия капитуляции. 16 января 1943 года в 15 часов 30 минут барон фон Засс вместе со своим штабом сдался в плен.

После этого бои продолжались, пока не были уничтожены последние вражеские очаги сопротивления. Эту деталь по просьбе авторов письма подчеркиваем особо, чтобы агитоперация, проведенная в районе Великих Лук, не воспринималась как решающее обстоятельство разгрома немецкого гарнизона.

Начать с себя

РАЗНЫЕ МЫСЛИ ПРИ РАБОТЕ

Виктор Розов

При всех призывах бороться с недостатками нашей жизни я все же первым назову борьбу с самим собой. Для этого человеку даны разум и воля...

Фото В. КОРНЕЕВА

СЕЙЧАС много критики. Просто и не снилось мне, что я доживу до таких времен. Читаю газеты, смотрю спектакли. Критика, критика, без эзопова языка, прямо в лоб, без фиги в кармане. Ушам и глазам не верю. И слова самые распрекрасные — правда, и ничего, кроме правды...

А мне хочется и кроме. Мне, как и всем, хочется дел. Я, конечно, приглядываюсь к пьесам, в которых «решаются» проблемы сельского хозяйства или промышленности, хотя, признаться, не могу сказать, правильно они решаются или нет, хорошо или плохо, прогрессивно или по старинке. Но меня не покидает мысль: ведь этими проблемами должны заниматься профессионалы, я же не знаю, когда надо сеять и когда убирать урожай. Даже слушая горячую речь Валентина Распутина на съезде писателей РСФСР в защиту сибирских рек и Байкала, честно говоря, все же до конца не знаю, надо эти реки поворачивать вспять или нет. Мне бы не хотелось, конечно, — привык, что они текут не на юг, а на север. Я чуть не плакал, когда мою дорогую Волгу начали резать на куски плотинами — такая она раньше была красавица со своими заводями, отмелями, островами, песками!

Я даже не уверен, что сверлить дыры в космосе мне на пользу: вдруг через эти дыры что-нибудь выползет или, наоборот, уползет с земли необходимое. Не знаю, не знаю!. Я даже не могу помочь советом трудящимся, которые делают мебель. Сосед недавно приобрел «стенку», а у нее через месяц так перекосило все дверцы — одна не закрывается, другая не открывается, всю скособочило, точно инсульт хватил.

А чем я могу помочь? Жалобу написать? Но «Москва слезам не верит», многие другие города тоже. В крайнем случае о каком-нибудь безобразии статью напишу в газету. Напишу, а потом вспомню усмешку Некрасова:

И погромче нас были витии,
Да не сделали пользы пером...
Дураков не убавим в России,
А на умных тоску наведем.

Однако перефразирую слова Булата Окуджавы: «Вы пишите, вы пишите, вам зачтется». Глядишь, и дела будут.

Но лично я не знаю, как в области машиностроения или планирования следует поступать. Видимо, должны появиться и там таланты. А то только нас ругают: мало талантливых пьес! А там, в неведомых мне сферах, таланты тоже нужны. Появятся они, на мой взгляд, только тогда, когда будут условия для их произрастания. Приведу немножко странный пример. Если бы не было войны, знал бы кто имена Конева, Баграмяна, Черняховского, многих, многих увенчанных славой наших полководцев? Даже Жуков и Рокоссовский не так были бы известны народу. Обстоятельства, условия выдвинули таланты. Что надо делать, чтоб у нас появились великие финансисты, экономисты, деятели промышленности, чтобы их имена были также у всех на устах? Этого знать мне не дано, не моя сфера деятельности. В последнее время много надежд появилось.

С недостатками и безобразиями надо бороться всем. Согласен, согласен! Но в первую очередь тем, кто этими делами занимается: машиностроителям — в своем деле, строителям — в своем. Я консерватор и думаю, что точка приложения сил драматурга — человек.

Сделаю отступление. В Театре эстрады выступал наш знаменитый актер — Аркадий Райкин. Как всегда, он высмеивал, издевался над мещанством, обывательщиной, пьянством, хамством. Зрители вместе с актером хохотом и аплодисментами бичевали людские пороки. Освещенный яркими огнями прожекторов, актер долго, долго кланялся залу после окончания концерта. Аплодировали стоя, как на торжествах. «Все дошло до глубин каждого сердца», — думал я и радовался этому доброму, всепонимающему залу. Но вот артист откланялся окончательно, огни рампы и прожекторов потухли. И произошло превращение. Тысячная толпа, как очумевшая, ринулась во все двери, будто кто-то крикнул «Пожар!». Люди опрометью неслись по фойе, галопом скакали по лестнице, мчались вдоль вестибюля, каждый старался опередить другого и достичь желанного финиша — гардероба. В плотной толпе шапки и пальто летали по воздуху, передаваемые кем-то кому-то. Стояли гвалт, толчея, давка. То, над чем победно смеялись секунды назад, проделывали сами.

Человек — существо неразгаданное. Для него я великие книги, и музеи, и полеты в космос, и искусственное сердце, а он, глядишь, и явится свинья свиньей. Грустно.

ИСКУССТВО, на мой взгляд, имеет разные формы воздействия на человека — и просто познавательное, и воспитательное, и эстетическое. И еще неведомо какое, которое и не передашь словами, но именно это воздействие, может быть, самое важное, потому что при всей жизненной суете вдруг дает возможность почувствовать гармонию мироздания.

Я бы хотел сейчас поразмыслить только над воспитательным значением искусства. Но прежде сам для себя должен понять объект воспитания, то есть то, на что я воздействую. Тут все довольно таинственно. Ну, если плотник работает топором или пилой, желая что-либо соорудить, то он воздействует на дерево, которое поддается топору и пиле согласно желанию строителя. И бетон тоже, и кирпич, и железо. Глядишь, вырос дом, и именно такой, как замышлялся. Даже звуковые и световые волны покоряются человеку — и радио работает, и чудо-телевизор. Все, все материальное постепенно покоряется человеку. Только никак не может совладать человек с человеком. Уж, кажись, такой материальный, а не поддается. Но материален ли человек? Сейчас поразмышляю на этот счет.

Мне этот вопрос давно не дает покоя. Ведь я же пишу пьесы, их смотрит зритель. Значит, я тоже в какой-то степени несу воспитательную функцию и воздействую. Должен же я знать — не что?

Когда появился человек на земле, сейчас для моей мысли неважно, — пять или пятьдесят тысяч лет назад. И всегда у человека были две ноги, две руки, два глаза и уха, один нос и рот, печень находилась справа, сердце слева, а все остальные органы тоже располагались на своих извечных местах. Во всяком случае, если мы замахиваемся на создание нового человека, то я не думаю, что под этим подразумевается выращивание третьей руки для поднятия производительности труда. Здесь я немекаю, что отращивать внутреннюю «третью руку» — какой-то новый нерваный узел, ведающий нашим духовным миром, чтобы человек вмиг сделался честным, совестливым, добрым и порядочным, — таков же безнадежное и бесполезное дело. Но об этом я буду думать еще дальше, а сейчас о другом.

Мои руки, ноги, глаза, уши, почки, селезенка — все, все, из чего я состою, есть мои органы. Даже мозг — орган человека. Но кого же, черт их побери, они обслуживают? Не обслуживают же они просто друг друга, чтобы биологически существовать. В этом есть что-то унизительное и даже мерзкое. Нет, думаю я, они обслуживают меня, а это «я» есть производное их действия, моя Личность — назову это так за неимением подходящего слова в моем обиходе. Личность — это не мой нос, походка, тембр голоса, цвет глаз. Подобное — только оболочка, в которой находится Личность. Но именно это — то, что я и не знаю, как назвать, — и является Человеком. Это-то и является объектом моего воздействия. Невесомо, невидимо, нематериально. Но реально. И в межчеловеческих отношениях мы преимущественно соприкасаемся именно с этой человеческой сущностью, а не с формой головы или размером кулака.

Средствами искусства, театра в особенности, мы воздействуем на эмоциональный строй Личности, так как язык театра не слово и форма, а эмоция. Извечность эмоционального строя человека подтверждается хотя бы той же драматургией. Более двух тысяч лет назад еврипидовская Медея мстит своему мужу за измену и совершает убийство. Почти две тысячи лет спустя из подозрения в неверности Отелло душит Дездемону. В честном и героическом воине Макбете пробуждаются чувства властолюбия, и развивающаяся пагубная страсть влечет его в бездну кровавых преступлений. А разве нынче мы не знаем людей, опьяненных властью, теряющих над собой контроль и совершающих тяжкие проступки? Любовь и ненависть, щедрость и скупость, подозрительность и доверчивость, коварство и простодушие, отвага и трусость, целомудрие и распутство, жестокость и милосердие — все, все чувства, свойственные человеку от века, живы и ныне. И чувств этих куда больше, чем клавиш в клавиатуре рояля. Дело в пропорциях, в долях: каких-то свойств в одном много, а ином — меньше...

В САМОМ начале войны 76-миллиметровая пушка наша была на конной тяге, и к каждому бойцу был прикреплен конь, за которым требовалось ухаживать. Я любил своего жеребца, кормил его, чистил, ласкал, даже иногда давал кусочек сахара из своего скудного солдатского пайка. И конь любил меня. В часы отдыха командир разрешал мне поскакать на коне для моего собственного удовольствия. Это большое наслаждение — скакать без седла с одной веревкой в руках, привязанной к удилам. Скачешь по неведомым полям, угорам, перемахиваешь одним махом речушки и чувствуешь волю!

И вот однажды мы с ним скакали, скакали, и вдруг с жеребцом что-то случилось. Он стал забирать правее и правее, куда мне ехать было не надо и нельзя. Я натягиваю поводья, но он упрямо, остервенело и зло рвет в свою сторону... Идет бой — он за свое желание, я за свое. И конь уже несет меня помимо моей воли! Я еще лихорадочно сопротивляюсь, рву удила, вижу кровь у него на губах, путаюсь, ничего не могу понять, делаю еще резкое, судорожное усилие. И вдруг Васька (так прозаично звали моего скакуна) выпрямляет ход и несет с такой яростной скоростью, что я едва успеваю увидеть большой сарай, проем, в который мчится конь. Инстинктивно падаю на Васькину шею, обхватив ее руками, и он проносит меня сквозь два сарайных проема на простор. Не упади я ему на шею, голова моя с треском разлетелась бы о деревянный брус перекладины. Постепенно конь утих, и я, взволнованный, уехал на свою батарею. Что случилось с конем, я сообразил позднее. Во время «битвы» углом глаза я на мгновение увидел пасущуюся вдали кобылу. Видимо, она и привлекла моего коня.

Не мной определен человек как мифическое существо кентавр — слитность коня и всадника воедино. Я понимаю это образное определение и согласен с ним. Конь — это именно наши страсти, чувства, желания, порывы. Конь этот может быть до поры до времени покорным, но способен делаться бешеным, мгновенно понестись во весь опор и снести голову всаднику, если у того нет сил и навыков, чтобы совладать с коровом коня.

Сколько в жизни разных соблазнов, которые дразнят скакуна, на котором мы сидим! Но именно сидящий на коне может держать поводья и править. Вот тут-то, по-моему, и кроются корни наших возможностей. Научить, научиться управлять конем. Для этого человеку даны разум, воля и особая форма знания — интуиция. На них воздействует искусство, их совершенствует воспитание.

Нельзя механическим путем сделать человека, допустим, только добрым и хак бы изъять из него все злое. В Соединенных Штатах, например, делались попытки обезвредить, удалить некую агрессивную долю мозга у особо опасных личностей, но вместе с этой долей исчезала и сама Личность, человек становился как бы недоделанным. От эксперимента пришлось отказаться. В извечном эмоциональном строе человека столько богатства, красоты, неизъяснимых возможностей! Я не предполагаю, что когда мы произносим эту самую стереотипную фразу — «Создадим нового человека», мы покушаемся именно на целостность и извечность внутреннего мира человека. Покушение на подобную форму естественности, кроме уродства, как в хирургическом эксперименте, еще ничего не давало.

ТРУДНО иметь дело с этой нематериальной сущностью человека! Как просто обращаться с телом, как легко научить ребенка ходить, держать в ручонках ложку, пить из чашки, одеваться, мыть руки и лицо, обучить грамоте и т. п.! Сколько у нас яслей, детских садов, школ, институтов, библиотек, спортивных сооружений, кинотеатров, телевизоров. «Если хочешь быть здоров, закаляйся»; если хочешь стать умным, учись. По-моему, я уже где-то писал, что раньше мысль «В здоровом теле здоооовый дух» звучала иначе. «Здоровый дух в здоровом теле». В самом деле, тело может быть здоровенное, но лучше при встрече с таким телом вечером на улице на всякий случай перейти на другую сторону. А глядишь, какой-нибудь щупленький, невзрачный мужичишка, а духом — великан, история знает тому множество примеров. И можно добиться больших внешних успехов, разными хитрыми путями стать важной персоной, получить награды, но это еще тоже не много говорит в его пользу. Помните, у Бернса:

При всем при том,
При всем при том,
Хоть весь он в позументах,—
Бревно останется бревном
И в орденах и в лентах!

Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.

Видите, как давным-давно говорится все об одном и том же. Вот этот-то «честный малый» и есть та наиважнейшая фигура, столь желанная нашему обществу. Но, право же, легче построить гигантскую ГЭС, засеять целину, отправить корабль в космос, чем сделать человека Человеком. Над этим видом строительства человечество бьется тысячелетия. Как могло случиться, что в нашем обществе, где о сознательности твердится день и ночь, за последние годы столько развелось пьяниц, воров, взяточников, допотопных чинуш, что пришлось объявить им настоящую войну? Увы, приходится вспомнить ироническую фразу А. Франса: «Человечество должно быть принуждаемо к добродетели...»

Так вот, вопросы воспитания я ставлю на первое место среди самых неотложных наших дел. Никакие распоряжения, никакие постановления, никакие решения всерьез не сдвинут с мертвой точки все неотложные дела, если люди, во всяком случае, большинство из них, не будут «честными малыми». Воспитание — вопрос сложнейший, и не в газетной статье о нем писать подробно, но я только хотел бы высказать по этому вопросу несколько соображений.

ПЕРВОЕ. Предполагая стойкость духовного, эмоционального мира человека, надо ли настаивать на мгновенных его превращениях то в одно, то в другое? Никому не придет в голову хрустальным бокалом заколачивать гвозди, никто не крикнет человеку, у которого связаны ноги, «беги!». Но вольно или невольно наносить (окриком, запретом, пренебрежением) удары по хрупкому духовному устройству человека — дело плевое: отдать приказ, который невозможно исполнить, — раз чихнуть. Особенно это относится к детям, которыми мы заведуем. Пете всего пять лет, а он слышит от мамы окрики: «Петька, что ты вертишься, как бес, посмотри на бабушку, как она тихо сидит». В основном наши дети воспитываются методом окрика: не смей, не лезь, не трогай, не бегай, не вертись, не так думаешь, не то делаешь! И этот окрик идет со всех сторон.

Вот мудрое замечание Джона Локка, относящееся к этому методу обращения с человеком, сделанное еще в XVII веке: «Мы не должны забывать, что наши дети, став большими, совершенно походят на нас, имеют те же страсти и те же желания, что и мы. Но мы желаем считаться разумными созданиями и быть господами нашего поведения. Мы не любим подвергаться ежечасно выговорам и порицаниям, мы не выносим, чтобы те, с кем нам приходилось иметь дело, обращались с нами в суровом и повелительном тоне или держали нас на почтительном от себя расстоянии. Взрослый человек, замечающий подобное обращение, сейчас же ищет себе другого места и компании, где бы он мог чувствовать себя вполне свободно». Дети, добавлю я от себя, к подобному обращению с собой особенно чувствительны. А «другая компания», где они могли бы чувствовать себя «вполне свободно»,—это двор, улица, околачивание около кинотеатра, какая-нибудь «хатка». А потом мамы и папы, учителя, комсомольские и пионерские вожаки кричат, «Откуда он у нас такой?!»

Недавно я встречался с учениками одной из московских школ. Ребята во время беседы сидели тихо-тихо, я бы сказал, чересчур тихо. Когда беседа закончилась, учительница, находившаяся рядом со мной, крикнула одной из девочек: «Орлова, подойди сюда!» Девочка, нет, уже барышня лет четырнадцати-пятнадцати, робко приблизилась к нам. И на глазах еще не разошедшихся учеников, при мне педагог поставленным, властным голосом разразилась тирадой: «Как ты смела войти в дверь, когда беседа уже началась! Какое ты имела право опаздывать! Как ты ведешь себя! Понимаешь ли ты свой поступок? » И что-то еще в этом духе. Я готов был провалиться сквозь землю, чувствовал себя виноватым, так как в конце концов из-за меня все это случилось. Учительница закончила внушение фразой: «Я с тобой еще поговорю!» А я ушел с чувством горечи на душе. Давно известно правило: выговоры делаются наедине, поощрения — при всех. Замечу, кстати, учитель — это артист. Он входит в класс, и всем становится интересно, от него веет тайной и радостью. Он не имеет права тащить на «сцену» свои домашние заботы, неурядицы и даже горе. Зрителю нет дела, что у Ромео сегодня больна мать или что от него вчера ушла жена. Детям — тем более.

Приведу случай совсем вопиющий. Несколько лет тому назад я выступал в колонии для малолетних преступников. Была осень. Начальник колонии рассказал, что два подростка бежали в город. Цель побега: один мальчик хотел убить свою мать. Другой — для помощи. «Мы дали знать, их поймают, волноваться не надо», — успокаивающе добавил он.

— А почему мальчику пришла в голову такая чудовищная мысль? — спросил я.

— Видите ли, — объяснил начальник, — у мальчика умер отец, мать нашла сожителя, а комната одна. Приходит мужчина—мальчик марш на улицу. В снег, в мороз, в дождь, в жару. Она загнала его в колонию. И, кажется, довольна. Даже не пишет ему.

Случай не шел у меня из ума и образовался в такой вывод: мальчик бежит убить свою мать, чтобы совершить акт возмездия!

Вот вам и древнегреческая трагедия в наши дни! Совершенное злодеяние вызывает ответное. Образуется порочный круг. На этот раз разорвать его удалось самым прозаическим образом: предупредили милицию.

Акта возмездия не произошло.

Но оставлю примеры, им несть числа. Сложность воспитания в том, что при всей общности человеческих чувств нет на свете двух одинаковых людей, природой все отмеривается каждому своей мерой, под каждым свой собственный конь. Как это ни покажется загадочным, но в одной и той же семье «при прочих равных условиях» вырастают совершенно противоположные дети: один хорош, другой негодяй.

ВТОРОЕ. В человеке также от природы заложено самосознание, важность своего человеческого «я», своей индивидуальности. Это его свойство охраняют чувства чести, личной гордости, самостоятельности мышления и поведения. Всякое подавление личности — преступление, так как только личность может дать обществу что-то такое, чем это общество может обогатиться. Как правило, сохранение чувства человеческого достоинства и дает «честных малых».

Может быть, именно по всем этим причинам я отдавал и отдаю предпочтение психологическим пьесам, в которых раскрывается именно мир чувств. Но в этот тайный мир проникнуть может только наделенный особым даром автор. Он постигает естественное, эмоциональное, духовное движение личности, а не придумывает по своему желанию. В этом отношении гении, как, например, Пушкин или Достоевский, достигали невероятных глубин, объясняя нам самих себя. Коротко и не расскажешь, что они нам открыли, нужно обязательно перечитывать их.

Наше стереотипное представление о человеке как о довольно нехитром механизме, который можно «заводить» по своему усмотрению, приводит только к тому, что этот самый человек, не желая или боясь вступить в конфликт, делается существом, живущим двойственной жизнью: естественной, удовлетворяя тайно свои страсти, и показной — будто бы он совершенная добродетель. Он делается ленив, хитер и даже коварен.

Есть очень стойкие натуры, к которым никакая пакость не прилипает. Но природа являет на свет людей разных. Объяснить человеку самого себя в своем естестве — это уже важный фактор воспитания и главным образом самовоспитания, которому я лично придаю наиважнейшее значение. Но воспитательная функция искусства совсем не в поучениях, морализации и рассказе, умом люди понимают, «что такое хорошо, что такое плохо», но не так уж много от этого понимания толку.

В чем сила хорошего спектакля? Почему говорят: театр — храм искусства? Утром мы моем руки, лицо моем, с работы прибежали, тоже руки помыли — пачкаются. Тело моем в ванне, в бане. А душу? Душа за жизнь тоже пачкается, ее тоже нужно мыть, омывать — театр омывает душу.

Я мечтаю своими пьесами воздействовать на молодежь, — ну, что я буду перевоспитывать взрослых, перевоспитывать их — дело почти неподъемное. И если я оказал влияние хотя бы на десяток человек, это уже неслыханное счастье, в которое трудно поверить. Но я все-таки надеюсь.

Выходит человек после хорошего спектакля: славно на душе!

Надолго ли?

Иногда ненадолго — на вечер, другой, а иногда и надолго. Хотя бы в театре пережив, перестрадав, человек понимает уже не умом, а, как говорят, сердцем, всей своей сутью. Такие уроки впечатляют гораздо сильнее. Ум может быть лукавым; чувства, какие бы они ни были, всегда натуральны.

Но раскрепостить человека эмоционально — это не значит дать волю всем его страстям. Вот тут-то роль «всадника» и должна сказаться властно.

Все, о чем я сейчас писал, как говорится, одна сторона дела. Другая — условия. Так сказать, атмосфера, в которой существует личность, среда. И под средой я подразумеваю не только дом и школу, пионерскую и комсомольскую организации, но и ту компанию, которую непременно находят себе люди, особенно молодые. Если человека окружают люди бессовестные, грубые, то он невольно заражается всеми этими свойствами души. Лучшие же качества, данные ему природой или, может быть, домашним воспитанием, в нем ломаются, и человек, махнув рукой, говорит: «Э, буду жить, как все». Вот это «как все» и есть та среда, в которой он обитает.

В Ленинграде социологи опросили десятиклассников: кто кем будет? Каждый из них сказал, кем он предполагает стать. Опросили учителей. Ответили учителя. Опросили родителей. И опросили товарищей. Через десять лет всех «подопытных» нашли. Оказалось, самый точный ответ дали товарищи. Не мать, не отец, не учитель. И даже не сам человек. Вот почему я и говорю, что среда... Словом, с кем поведешься, от того и наберешься.

Дурные страсти заразительны. Чем большее количество людей ими поражено, тем легче капитулируют и другие. «На миру и смерть красна» — гласит пословица. Но можно ли счесть «красной» духовную смерть? — так, глядишь, недалеко и до деформации всего общества. И одними наказаниями тут не отделаешься. Воспитание в человеке чести и совести, уважения к своему «я» может дать больше пользы, чем всевозможные приказания, указания, увещевания. Человек, если ему очень хочется, из-под любого принуждения вывернется. Я уж не говорю о тех приказаниях, которые и не нужны, и бесполезны, а то и вредны.

Порядочные люди есть везде. Те, кто хочет понять, в каком месте страны, в каком деле они больше всего нужны, больше всего полезны обществу. Но не котируются эти высшие ценности, пока кое-кто за неведомо какие добродетели живет материально лучше порядочных людей. Вернуть совесть только увещеваниями и приказами, даже воспитанием практически невозможно до тех пор, пока преуспеяние на стороне бессовестных. Чтобы этого не было, общество издает и должно издавать законы.

ЛЮДИ хотят быть счастливыми — это их естественная потребность. Но где кроется самая сердцевина счастья? (Повторяю, я только размышляю, а не изрекаю истины, к которым сам только стремлюсь.) Кроется ли она в удобной квартире, хорошей еде, нарядной одежде? И да, и нет. Нет — по той причине, что, имея все эти достатки, человек может мучиться различными душевными невзгодами. Кроется ли она в здоровье? Конечно, да, но в то же время и нет.

Горький мудро и лукаво заметил, что жизнь всегда будет достаточно плоха, для того чтобы желание лучшего не угасло в человечестве. А Чехов писал: «Если хочешь стать оптимистом и понять жизнь, то перестань верить тому, что говорят и пишут, а наблюдай сам и вникай». Обратите внимание на начало фразы: «если хочешь стать оптимистом». И еще — «вникай сам».

В госпитале я лежал загипсованный по грудь почти полгода на спине, но когда прошли нестерпимые боли, был веселый. Сестры спрашивали: «Розов, что ты такой веселый?» А я отвечал: «А что? Это нога болит, я-то здоровый». Дух мой был здоров.

Счастье кроется именно в гармонии личности. Раньше говорили: «Царство божие внутри нас». Гармоническое устройство этого «царства» во многом зависит от самой личности, хотя, повторяю, внешние условия существования человека играют важную роль в его формировании. Но не самую важную. При всех призывах бороться с недостатками нашей жизни, которых накопилось с избытком, я все же первым назову борьбу с самим собой. Нельзя ждать, что кто-то придет со стороны и сделает тебе хорошую жизнь. Надо вступать в битву за «честного малого» в себе, иначе — беда...

ВОТ НЕБОЛЬШАЯ часть моих размышлений, которые обуревают меня во время работы. Я написал эту статью с особым удовольствием, потому что, как мне кажется, сейчас наступила пора больших надежд. Так хочется, чтобы в нашей жизни было множество «честных малых», ради которых и совершалась Великая Октябрьская революция. Ради них общество идет через победы, радости и страдания, для того, повторю, чтобы «желание лучшего не угасло в человечестве».

ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

Аркадий ВАКСБЕРГ

Как слово отзовется...

- Во что обходится обществу преследование за критику?
- Гражданская активность и профессиональная пассивность.
- Что такое «телефонное право»?

КОЛЛЕГА, которому я рассказал о своих впечатлениях от недавно закончившегося очередного пленума Верховного суда СССР, скептически улыбнулся: «А то мы раньше про это не знали!.. Не писали, не говорили... Что вас так удивило?»

Я задумался. Ничто меня, конечно, не удивило, но вышел я с этого заседания — не буду скрывать, — зарядившись изрядной дозой надежд.

В чем же дело? Говорилось с трибуны судебного пленума о вещах далеко не радостных, и многое, очень многое знал я и раньше — из личных своих наблюдений, из читательских писем. И избавиться от иных надоевших бед, про которые шла речь в докладах и в выступлениях, очень непросто (быстро не избавимся — это уж точно), однако дискуссия, очевидцем которой я был, уныния и отчаяния не породила. Скорее, наоборот...

Почему? Потому, я думаю, что правда, сказанная с высокой трибуны — не в дружеском разговоре, а публично, официально, — обладает особым свойством воздействия на чувства и на умы.

Она объединяет людей уже тем хотя бы что им не надо друг от друга ни скрывать, ни припудривать реальность, не надо думать одно, а говорить совершенно другое.

Она мобилизует людей уже тем хотя бы что, называя зло вслух подлинным именем, а не псевдонимом, держит его в фокусе общественного внимания, или, иначе сказать, на свету: если всем видно, то и справиться можно, а не видно — так с чем же справляться?

Вот, к примеру, такое явление незаконное увольнение неугодного человека. Ну что уж тут нового? Да сколько об этом писалось!.. Начну припоминать—одними названиями наших публикаций на эту порядком уже надоевшую тему испишу треть газетной страницы. Но то были «факты» и «фактики», «отдельные примеры», «порой случавшиеся» в «некоторых» учреждениях «нетипичные» конфликтные ситуации.

Слушаю доклад председателя Верховного суда СССР Владимира Ивановича Теребилова и узнаю, во что обходится нашему обществу эта пресловутая «нетипичность». Оказывается, только в прошлом году государству пришлось заплатить за вынужденный прогул незаконно уволенным, а затем восстановленным судом на работе два с половиной миллиона рублей!

Цифра, мягко скажем, впечатляет, однако она нуждается в комментарии. Напомню, что по закону, сколько бы ни длилось вынужденное безделье неправомерно изгнанного с работы, максимальная компенсация в случае восстановления — его трехмесячный заработок. А судебные дела такого рода — об этом тоже было сказано с трибуны пленума — иногда волокитчиками затягиваются на полгода, на год, если не больше. И не все обоснованные иски о восстановлении на работе, к сожалению, удовлетворяются. И не все пострадавшие рискуют обратиться в суд: порой не хватает ни веры в исход, ни нравственных сил, ни бойцовского духа. Словом цифра эта — два с половиной миллиона — лишь в самых общих чертах дает представление о масштабе явления: о человеческих драмах, о потерях социальных и нравственных, о злоупотреблениях служебным положением, которые влетают в копеечку государству.

Ладно, ограничимся пока арифметикой. Закон предусмотрел: государство, расплатившись с пострадавшим за беззаконие своих должностных лиц, взыскивает с них же, с виновных, неоправданные эти убытки. Ну и сколько же постановлено взыскать с тех, кто нарушил законы, ограждающие трудовые права гражданина? Четыреста тысяч! Шестую часть... Всего лишь шестую часть... Причем «постановлено взыскать» отнюдь не значит, что взыскано...

ПОЧЕМУ из огромного потока информации, содержавшейся в докладе В. И. Теребилова и в выступлениях других участников пленума, из комплекса разнообразнейших и острейших проблем, там обсуждавшихся, я выбрал только одну? Думаю, ясно, она представляется сегодня особенно болевой. В редакционной почте письма жертв самочинных расправ с неугодными подчиненными составляют очень большой процент. А объектом расправ чаще всего оказываются люди граждански неравнодушные, органически неприемлющие обман, демагогию, несправедливость, люди честные и порядочные, но далеко не всегда умеющие вести борьбу за свои убеждения в парламентских формах, легко уязвимые потому хотя бы, что находятся с иным барственным самодуром в разных весовых категориях.

О принятом минувшей осенью законе, установившем уже не материальную, а уголовную ответственность для зажимщиков критики, много писалось (см., например, «АГ» от 1 января 1986 г.). Закон был вызван насущной общественной потребностью защитить граждански активную личность, дать ей надежные правовые гарантии. Потому с особенным нетерпением я ждал выступления члена Верховного суда СССР Роберта Германовича Тихомирнова, который должен был, в частности, рассказать и о том, как этот закон начал практически действовать.

Не начал! Никак! В газетах мы то и дело читаем об этих самых зажимщиках, а в суда ни одного дела нет. Судить, выходит, некого — исчезли они вдруг куда-то, наши зажимщики. Вот только вопрос: из жизни исчезли или из поля зрения прокуроров и судей?

Ответ ясен любому, и все-таки трудно понять: неужели иные юристы на местах до такой степени не ощущают, чем сегодня живет страна? Каково нынче веление времени? Случайно ли, что именно сейчас с непривычной и отрадной оперативностью появился этот закон, на который все мы возлагаем большие надежды? Не в том смысле надежды, что жаждем суровых кар даже для тех, кто вполне их заслужил. А в том, что закон этот, действуя решительно и неуклонно, вселит мужество в честных и неравнодушных, а зарвавшихся администраторов предостережет от попытки, злоупотребляя своей временной властью, свести счеты с теми, кто озабочен не корыстно-карьерными интересами, а общественным благом.

Но бездействующая, декоративная правовая норма такой огромной социальной значимости не только бесполезна — осмелюсь сказать, она вредна. Она губит веру в силу закона, углубляет разрыв между словом и делом, она поощряет чиновника-самодура, убежденного: ничего в стране не меняется, поговорят — и перестанут, вон и закон приняли для очередной показухи, да кто же осмелится дать ему ход!

Вот какие политические последствия профессиональной пассивности на столь остром участке жизни! Впору в уныние впасть, но я не впадаю. Потому что само обсуждение этого вопроса на высшем судебном форуме государства — факт отраднейший и знаменательный. Ведь обычно на таких форумах обобщается и обсуждается уже существующая судебная практика, а здесь поступили совсем по-другому: чутко откликаясь на зов времени, включили в повестку дня то, что еще нужно создавать, стимулировать. Направленная по нужному руслу прокурорская и судебная практика сама может мощно влиять на нравственный климат, активно участвуя в борьбе с отживающим и косным.

«Умышленное ущемление должностным лицом, — говорится в принятом на пленуме постановлении, — прав и охраняемых законом интересов гражданина, унижение достоинства личности, незаконное увольнение с работы, исключение из списков на получение жилплощади, лишение права пользования земельным участком и т. п., совершаемые в связи с критическим заявлением либо жалобой, подлежат квалификации как уголовно наказуемое преследование за критику».

ПОДЛЕЖАТ. Дело теперь за сущим пустяком: чтобы подлежало реально. Практическое претворение в жизнь четких велений закона, руководящих разъяснений пленума Верховного суда СССР зависит, как и все наши проекты и планы, решения и постановления, от конкретных людей. В данном случае — от юристов. Среди них еще тоже немало догматиков и консерваторов, перестраховщиков и угодников, для которых телефонный звонок «влиятельного лица», особенно «своего», сильнее и рядом оказывается важнее закона. Важнее и нужнее.

Помню еще в студенческие мои времена один наш профессор настоятельно просил будущих судей, следователей и прокуроров не путать уголовное (гражданское, трудовое и прочее) право с «правом», которое он называл телефонным. Сколько воды утекло, а «телефонное право», увы, не исчезло — лишь набирало силу. До такой степени, что и стесняться его перестали. То в одном, то в другом городе почтенный юрист удивлялся моему удивлению: «Да как же вы, — горячился я, демонстрируя непростительную наивность, — да как же вы могли?!» В ответ легкий кивок на не краснеющий от стыда телефон: что, мол, сами не понимаете?

Нет, я все понимаю. Не с луны свалился, как говорится. Не мною открыто: иным руководящим товарищам нужны только «ручной» прокурор и «карманный» судья. Самостоятельные, то есть верных долгу, нажиму не поддающихся, попросту «уберут». Под любым благовидным предлогом. И даже без оного.

Сейчас такая практика осуждается повсеместно. Осуждается — и продолжается? Зарегистрирован хоть один (хоть один!) случай, когда судья призвал к ответу местных «хозяйственников» за попытку (пусть даже только попытку) вломиться безответственно в правосудие? Или — слаб? Но ведь робкий судья — какой же это судья?

Да и просто малохарактерных людей хватает в этой среде. Бюрократов хватает и формалистов. Недавний и очень красноречивый пример был приведен на пленуме. Разобравшись недавно один клеветнический навет, послуживший основанием для осуждения честного и принципиального человека. (Обратная сторона медали: в святой борьбе со всяческим злом стремится примазаться всякий — виноватые и врали.) При вторичном рассмотрении дела правда восторжествовала, оклеветанный был оправдан. Вопрос, естественно, вопрос о наказании клеветника. И вот Верховный суд союзной республики, проверявший это дело, пришел к выводу, что, поскольку в конце концов невиновного оправдали, «тяжких последствий» от клеветнического доноса, выходит, не наступило, а следовательно...

Надо ли комментировать эту позицию? Полагаю, не надо. Как и другие пестрые факты, приводившиеся ораторами. Меня, не скрою, особенно тронул один. Некий народный судья, ознакомившись с жалобой на приговор, вынесенный под его началом, и поняв, что он обязательно рухнет, подлинный протокол судебного заседания переделал на новый, фиктивный, включив в него неизвестно как появившиеся процессуальные документы. Да вот беда: предусмотрительный адвокат (знал, видно, с кем имеет дело) тот, подлинный, успел сфотографировать. И представил снимки городскому суду.

Недоумение вызывает даже не сам этот поразительный случай, а его последствия. Судья отделался замечанием. И продолжает судить людей. Возможно, даже выносит кому-то суровые приговоры за служебный подлог.

Хочется подумать об условиях, порождающих эту беспардонность. Упоение властью, отнюдь не напрасная, как мы видим, уверенность в своей безнаказанности — да, конечно... Но еще и другое: бессовестность, непорядочность и абсолютная профнепригодность — качества, которые мы долгие годы не брали в расчет. Говорили о них, но не делали практических выводов.

Юрист, позволяющий себе фамильярно, по-свойски обращаться с законом, — ну какой же это юрист? Строго спросив с любого гражданина, нарушившего закон, мы обязаны — не на словах, а на деле! — трижды строго спросить за это с юриста. Трижды, четырежды строго. А в жизни почему-то (порой, иногда, в отдельных случаях) получается наоборот.

В докладе В. И. Теребилова приводилось довольно много «отдельных случаев» грубейшего нарушения закона юристами, повлекшего за собой осуждение ни в чем не повинных людей. Называлось не только дело, о котором писала наша газета (очерк Г. Целмса «Частное определение, которого не было» и резонанс на него — «ЛГ» от 15 января и 23 апреля с. г.), но и дела, рассмотренные в Москве, Казахстане, Белоруссии, Армении, в Краснодарском крае, Смоленской и Саратовской областях и других районах страны.

Тут опять возникает вопрос: что практически ждет их, опасных преступников, выдающих себя ни много ни мало за борцов с нарушителями закона? Кое-кого — уголовное наказание. Большинство — перевод на другую работу. Тихий спуск на тормозах... (См. опять же очерк Г. Целмса и резонанс на него. Другие примеры содержатся в многочисленных читательских письмах.) Отчего же такая застенчивость? Из жалости к некогда уважаемым людям? Нет, хуже: из чиновного страха «вызвать нездоровый интерес», «породить ненужные толки» и (просто кошмар!) «вылить воду на мельницу»... Беспринципность всегда плодит беспринципность, выдавая ее за заботу об общественном благе.

В принятом пленумом постановлении особо подчеркнута «необходимость неукоснительного соблюдения требований законодательства как важнейшего условия осуществления демократических принципов правосудия, равенства граждан перед законом и судом независимо от должностного положения и других обстоятельств». И других — тоже! Обратим на это знакомое слово наше внимание. «От других» — это значит: от каких бы то ни было. В том числе и от привычной боязни, что кто-то где-то почему-то верность закону без оглядки на лица как-то не так истолкует.

В чем причина тех нарушений, которые иные товарищи склонны мягко, чуть ли не ласково называть «судебной ошибкой». В. И. Теребилов, говоря, естественно, лишь о том, что входит в компетенцию судебных, а не иных правоохранительных органов, назвал одну из таких причин. С полным основанием ее можно считать весьма застарелой болезнью: слепое следование за доказательствами, полученными на предварительном следствии (как нередко оказывается — незаконным путем), хотя следствие судебное (то есть главное, основное, непредварительное) легко позволяло убедиться в их ненадежности, сомнительности, а то и просто абсурдности. Легко — при одном непременном условии: «если подойти (цитирую докладчика по своей записи) к анализу и оценке этих доказательств ответственно...».

ОТВЕТСТВЕННО! То есть, иначе говоря, за этот анализ, за эту оценку отвечать! Ну, а где он, ответ? В чем заключается? Каковы его принципиальность и справедливость? Его предупреждающая сила? Уж не выговор ли остережет иных коллег безответственного юриста от предвзятости и легкомыслия? От безжалостной глухоты?

Пленум потребовал от судов «максимально внимательного отношения к решению вопроса о виновности каждого гражданина, привлекаемого к ответственности, с тем, чтобы полностью исключить факты необоснованного осуждения. Каждый такой факт надлежит рассматривать как грубейшее нарушение социалистической законности, которое должно влечь строгую ответственность виновных в этом лиц».

Именно такой — весомой, внушительной! — цитатой из принятого пленумом постановления мне и хочется завершить свои заметки, сожалея о том, что «за кадром» осталось еще много важнейших мыслей, интереснейших фактов, крупномасштабных выводов. И о действенном значении презумпции невиновности в практической деятельности судов, и о пересмотре устаревших представлений о хозяйственной инициативе, и о роли юстиции в борьбе за качество продукции. И еще о многом другом.

Среди решений, принятых пленумом, есть и такое: «обеспечивать широкую гласность судебной деятельности». Это решение, как и все остальные, отвечающие духу времени, насущным потребностям общества, обещает нам возможность еще не раз пристально и нелицеприятно вглядеться в сегодняшнюю и завтрашнюю судебную практику, увидеть, насколько быстро и точно внедряются в жизнь указания, которые дал пленум Верховного суда СССР.

Обстановка, сложившаяся сейчас в стране, уровень общественного сознания таковы, что реальное воплощение (или невоплощение) в жизнь принятых решений должно находиться под широчайшим народным контролем. Всеобщая гласность, подлинная действенность демократии — вот гарантии того, чтобы слова не расходились с делами. Только в этом случае содержание понятия «социальная справедливость» обогатится еще одним чрезвычайно важным качеством—уверенностью всех и каждого в том, что правосудие вершится всегда под сенью Закона. Его, и только его.

Е. АНДРЮЩЕНКО,
заведующий сектором Института социологических исследований АН СССР

Социологический аспект проблемы

«Умение жить»?

Источники приобретения неправедных богатств разные, а механика — одна: круговая порука и страх перед разоблачением, утверждает автор.

ЗАМЕЧЕНО многими — были времена, когда расхитители социалистической собственности старательно скрывали добытые ценности и блага. Делали все возможное, чтобы их не заподозрили в том, что они живут не по средствам. Выразителем такого стиля поведения, по-видимому, можно считать подпольного миллионера Корейко из «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова, который ходил на работу в сандалиях на босу ногу и в обед демонстративно съедал зарванную очищенную сырую репку. В недавние же времена можно было и там, и здесь наблюдать ловкачей, которые выставляли свои богатства напоказ, а незаконными возможностями буквально бравировали.

«Бизнесмены», действовавшие прежде скрытно и постепенно, подпольная торговля «дефицитом», основанная на строжайшей тайне, нагло и чванно вдруг выползли наружу.

«Сегодня мы должны признать, — говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду, — что вследствие ослабления контроля и ряда других причин обозначились группы людей с отчетливо выраженными собственническими устремлениями, с пренебрежительным отношением к общественным интересам».

Одним из частных проявлений этого факта стала большая почта по проблемам социальной справедливости в органы печати, в аппарат центральных органов.

«У нас в Абхазии, — пишет педагог из Сухуми, — есть большие семьи (по 6—7 человек), в которых только один работник—отец семьи, а жена — домохозяйка, дети учатся. Глава семьи работает поваром, оклад 120 рублей. Как он живет? Жена и дети одеты в джинсы, дорогие шубы. Дома импортная мебель, «Волга». Спрашивается: клад нашел, что ли? И таких много, и что главное — никому нет дела до них. Нагло, среди бела дня, на виду у всех тащат и прекрасно живут не воровавшим».

Анализ более чем двух тысяч писем о нетрудовых доходах, проведенный сотрудниками ИСИ АН СССР, зафиксировал ряд важных характеристик этого явления.

Больше всего писем оказалось от рабочих и инженерно-технических работников.

Активнее других — преподаватели вузов, научные сотрудники, экономисты, финансисты, юристы. Во многих письмах называются не только отдельные примеры и способы извлечения нетрудовых доходов, но и группы населения, которые на них живут. Среди них, по мнению авторов, особенно часто встречаются работники торговли, общественного питания, сферы обслуживания. К ним примыкают медики, владельцы личных домов и квартир в курортных местностях, работники хозяйственных организаций и местных органов власти, правоохранительных органов.

Письмо рабочего Ю. Сидорова из города Тольятти: «...На демонстрации идут заводские: одеты празднично, но скромно, по достатку. А вот колонна — все в импорте, мехах и золоте. Что за люди? С трибуны несется: «Да здравствует советская торговля!» Что, там больше рабочих зарабатывают?»

Где источник неправедных богатств? Без понимания техники стяжательства и условий, в которых всяческие нарушения становятся возможными, нельзя успешно бороться с пороком. Для того чтобы выработать иммунитет к этому социальному вирусу, необходимо научиться видеть его симптомы.

Вот что увидел В. Рабов в клубе санатория «Родник» (Кисловодск): «Билеты в кино продавались без указания места. Садятся кто где хочет. Места хватает всем, но как раз это и позволяет хитрить «хозяевам» кинозала. При входе контролер отбирает билеты и незаметно передает кассиру».

Подобная лазейка используется во многих местах. «В баню, — цитирую строки из другого письма, — можно пройти без билета, отдав деньги банщику. У нас в деревне киномеханик пользуется этим же приемом».

Наблюдение верное. В Московском парке имени Горького «игра в билетики» на детских аттракционах позволила организованной группе жуликов положить в карман десятки тысяч рублей. Закончилась «игра» большими сроками заключения, но сколько лет она продолжалась?

РАСХИТИТЕЛИ запускают руку не только в кассу государства. Они тащат и выпускаемую предприятиями продукцию. Окрестили таких хапуг «несунами». Об одном из них написала Наташа А. из Усмани Липецкой области: «Со мной работают сотрудницы, которые имеют по пять дорогих шуб, машины, золото, дома-особняки. Откуда? Каждый день их отец носит домой с фабрики, где работает, полные сумки сигарет, в потом продает их определенным лицам. Такие, как я, бессильны, потому что все, начиная с вахтера и кончая должностными лицами повыше, ими куплены».

«Каждый день одни и те же люди торгуют клубникой, — пишет У. Опаха из Киева. — Я все думала, где можно брать такую массу клубники, да еще отборной? Какой надо иметь огород? Увидела своими глазами: работают эти люди в колхозах и совхозах и торгуют не своей клубникой, а общественной... Да еще их машине совхозные по домам развозят».

Плохо поставленный учет — начало начал всех хищений.

С территории завода, рассказывается в одном из писем, исчезали особо дефицитные и дорогостоящие детали легковых автомобилей. Части двигателей, генераторы, стартеры, как выяснилось, вывозили на машине инспектора дорожного надзора. Делать это было легко из-за дикой запущенности учета, в котором никто и не стремился навести порядок.

«В нашем селе, — пишет А. Пиндус из Тернопольской области, — несколько лет назад директор предприятия по производству овинины постоянно держал бригаду приезжих строителей из 15—20 человек, работающих по договору. Каждый из них получал в месяц 500—600 рублей, из которых сто рублей отдавал директору».

«Обладая определенной властью и имея непосредственное отношение к зарплате, — пишет Е. Иванов из Евпатория, — некоторые начальники участков создали вокруг себе окружение из доверенных людей. В угольной промышленности зарплата некоторых категорий рабочих колеблется от трехсот до тысячи рублей в месяц. Это позволяет начальнику участка варьировать ее, не выходя за пределы фонда заработной платы: то есть платить иным честным работникам меньше заработанного, а так называемым «донорам», которые делятся честью нетрудового дохода с начальством, — по 800—1000 рублей».

Как правило, такие люди стараются скрыть от коллектива свои «деловые» связи с начальником участка. Однако за первым звеном (начальник участка) почти всегда просматривается и второе, и третье (директор шахты, плановые органы).

С дележа того, что добыто нетрудовым путем или просто украдено, и начинает разрастаться злокачественное социальное образование, именуемое коррупцией. Примером может служить та торговая пирамида, основанием которой оказались многочисленные магазины и магазинчики Ростова и Ростовской области. Чтобы обезопаситься, нижестоящий воровал и для себя, и для своего начальника. Существовала и особая «кадровая политика». Не просто протекционизм, основанный на принципе личной преданности и землячества, а круговая порука, при которой все в ответе перед правосудием. Круговая порука страха. Противодействовать крепко-накрепко повязанной ею «компании» человеку крайне трудно, поскольку она пользуется изощренным набором приемов, имеющих целью заставить каждого работника нарушить закон. Письменных распоряжений не дается—только устные. Сопротивляющимся создают невыносимые условия, вынуждая их уйти с работы. Подорвать репутацию честного труженика — нормальный «рабочий» прием втягивания в шайку. «Подставленный» человек навсегда становится их рабом и заложником. В любой момент его можно использовать для нового грязного дела или в качестве безропотной «подставки» для прикрытия собственной персоны.

В первом, самом уязвимом ряду жуликов вынуждены действовать именно такие умело запятнанные «пешки», находящиеся в «неоплатном долгу» перед теми, чью шкуру они, сами того поначалу не ведая, спасают. Отдают им дань. Так их и называют — «данники».

Особыми знаниями, которым не учат ни в школе, ни в вузе, обладают дельцы-диспетчеры, непосредственно работающие с этими «данниками-подставками». Ну а в глубине паутины прячутся неведомые мелким сошкам «пауки». Они-то и разрабатывают методологию грабежа и прикрытия, часто оставаясь недосягаемыми для правосудия.

И ВСЕ ЖЕ гибель заложена в самой организации шайки. Потому что, как ни изощренна бывает гнусная механика организованного извлечения нетрудовых доходов, даже не профессионалы, а простые труженики, видя концентрацию слишком крупных ценностей, неизвестно откуда взявшихся возможностей, влияний, начинают понимать: перед ними жулики и жульничество. И существовать оно может лишь с ведома тех, кто обязан с ним бороться.

Тов. Седой из Петропавловска: «Газеты публикуют материалы о спекулянтах и обеспеченных работниках торговли. Но разве не так же живет и кое-кто из местных руководителей? Зарплата у них не столь уж велика, чтобы и самим иметь машины, дачи, богатую обстановку, и детям дарить, а заодно «преподносить» им квартиры. Плюс к этому такие руководители способны «организовывать» поступление в вузы, определять на высокие должности. Подобное поведение действует разлагающе: им можно — а другим нельзя?»

Письмо из Ростовской области: «Складывается впечатление, что кое-где контролирующие органы (прокуратура, ОБХСС, милиция, народный контроль и т. д.) существуют формально, а «бизнесмены» и «нэпманы» живут припеваючи и другим — тем же контролерам — дают. Многих руководителей эти проблемы почему-то как бы не касаются, в противном случае их можно было бы давно решить. Так не ясно ли, почему?..»

Мелкие хищения, выливающиеся по стране в сотни миллионов рублей убытка, являющиеся, в честности, важнейшим фактором ухудшения качества мясных, кондитерских, других продуктов питания, товаров массового потребления (ведь законом стандарты их качества не снижались!), принято связывать со слабостью наказания, неотработанностью правовой нормы, послаблениями в виде допустимости различного рода «усушек» и «утрусок». Изредка говорится о халатности руководства. А дело подчас связано даже не с потворством (прямым или косвенным), а с участием и даже организацией хищений отдельными руководителями. И остановить «насунов», кстати сказать, можно, как это показала борьба с пьянством в рабочее время, только серьезно спрашивая с тех, кто возглавляет производство. Не случайно в изученной почте 12 процентов корреспондентов высказались за ужесточение законов, карающих за должностные преступления, а 15 процентов внесли предложения о совершенствовании работы правоохранительных органов.

Действительно, разматывая клубок финансовых нарушений, злоупотреблений, правосудие фиксирует внимание на прямых хищениях (даже мелких), взятках, спекуляциях. Достаточно директору предприятия поставить в квартире служебный телевизор, и он будет строго наказан. А вот манипулирование людьми, информацией, продукцией, услугами часто оказывается ненаказуемым: его трудно «ухватить».

В то же время похищение самой ценной вещи иного ведомства подчас ничто по сравнению с вредом государству от назначения на должность по протекции своего, «видавшего», но слабого специалиста, бездарного «творческого работника», деляги или беспринципного человека на общественную работу. Неуязвимым оказывается такое зло, как формирование коллектива по своему вкусу, из людей, не возражающих, не высказывающих своего мнения вслух, так же как и нравственный урон, нанесенный обществу. Безнаказанность людей, чья стихия не производство, наука, искусство, в интриги вокруг них, проистекает не только из-за их особой верткости, но и из-за слабой юридической проработки понятия «злоупотребление служебным положением», отсутствия четкого эмпирического ряда признаков (индикаторов), фиксирующих это явление, усугубление его коррупцией.

Воровство, спекуляция, частное предпринимательство нередко рождаются там, где происходит перерождение администрации в чиновничество, где бюрократии удается отторгнуть от коллектива право управленческих решений.

В итоге возникают группы людей, которые не просто крадут у государства деньги, готовую продукцию, но, пользуясь влиянием, обогащаются за счет оплачиваемого обществом чужого труда. Это может быть колхозная машина, машбюро института или выполнение заводом работы для организации, обещавшей директору садовый участок. Создавая сеть «связей», «прилипая» к распределителям общественных благ (жилья, путевок, короче—к дефициту в любой форме), а затем манипулируя этими благами, они «задабривают» множество нужных людей и становятся как бы неуязвимыми. Запачканы руки и берущих, и дающих.

Еще труднее схватить того, кто спекулирует возможностью оказать влияние на поступление в вуз, повышение в должности, направление на учебу в столицу, в престижную командировку, на включение книги в план издательства и т. д. Нередки случаи, когда должностные лица используют свои возможности дать добро или создать изощренный «бумажный» заслон важному делу, реализации научной идеи. Этот «нехитрый» прием обеспечивает соавторство чиновникам от науки и искусства. «Толкачи» научно-технических изобретений, ловкачи, умеющие получить уникальные документы, хронику, материалы (тот же дефицит) и приоритетную возможность на публикацию, выход в эфир, съемку фильма, оказываются в ряду известных, признанных.

ДЛЯ «УМЕЮЩИХ ЖИТЬ» наши беды и нехватки в радость. В каждой сфере их действия имеют, конечно, собственную специфику, но одна черта, безусловно, общая всемерное содействие созданию ситуации дефицита, часто искусственного.

Создается ажиотаж вокруг должностей и мест, из которых тоже, оказывается, можно извлечь «доход». «Умение жить,— считает В. Ф. Романюк из села Жеребьевка Житомирской области, — свойство перевертышей, двойников. Опаснейший вид мерзавцев: говорят одно, делают другое. Поселяют в душах неверие».

Закрепление таких групп в каких-либо организациях или сферах ведет к распространению интриг (часто под прикрытием высоких слов), игнорированию критики, парадности, самовосхвалению. Перестают действовать каналы прямой и представительной демократии. Дискредитируются или изгоняются честные работники, компетентные специалисты и здоровый актив общественных организаций. Протекционизм, круговая порука ведут к разложению и перерождению кадров. Местные и ведомственные, а затем групповые и личные интересы оказываются приоритетнее интересов общества.

Организация или учреждение перестает держать в центре внимания какие бы то ни было показатели деятельности. Выполнение планов достигается их постоянной корректировкой, очковтирательством, приписками. Явные промахи объясняются виной смежников или поставщиков, неблагоприятными «объективными» обстоятельствами. Утрачиваются соответствие меры труда и меры потребления, принцип социальной справедливости, гаснут моральные и материальные стимулы честного труда.

Одним из показателей существования корейко и бендеров нашего времени является и тот факт, что в некоторых регионах около половины общей суммы денег, лежащих на сберкнижках, оказалось сосредоточено на трех процентах вкладов. Средний размер вклада в этой трехпроцентной группе превышает 20 тысяч рублей. Напомню, что среднемесячная зарплата рабочих и служащих в народном хозяйстве равна 190 рублям, колхозников — 153 рублям. В этих условиях существование значительной массы «бешеных денег», возможность «стричь купоны» (то есть жить на проценты с этих денег), покупать труд и услуги других людей разлагающе действуют на нравственный климат общества.

Не случайно различные предложения в области контроля над доходами выдвигались в 16 процентах исследуемых писем, по совершенствованию наследственного права — в 10 процентах, по перестройке сберегательного дела — в 13 процентах, по контролю над рыночными ценами и борьбе с перекупщиками — в каждом четвертом. Против обыкновения в почте оказалось мало писем (всего два процента) с просьбами личного характера.

За последнее время в стране проведена немалая работа по укреплению правопорядка. Обстановка повсеместно меняется к лучшему. Однако усилия в этом направлении, показывает анализ, ни в коей мере не должны ослабляться.

«Демократия, — говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду, — была и остается важнейшим рычагом упрочения социалистической законности, в прочнее законность — неотъемлемой частью нашей демократии...

Мы должны еще лучше использовать такие надежные каналы развития прямой демократии, как собрания граждан, наказы избирателей, письма трудящихся, печать, радио, телевидение, все средства выявления общественного мнения, оперативного, чуткого отклика на запросы и настроения масс».

Мы находимся на крутом повороте. Чтобы решения съезда воплотились в жизнь, никому нельзя оставаться сторонним наблюдателем. Ни в чем. Преодоление негативных явлений зависит не только от вышестоящих органов, но и от каждого из нас. Давайте же не будем молчать!

Александр АЕВИКОВ

ЛИЦЕНЗИЯ

ОПЫТ ДРУЗЕЙ ®

ИЗ БОЛГАРИИ я привез шикарные кроссовки. Белоснежные, с синими поперечными полосками, с выпуклой темной пяткой, на которой написано «Adidas». Со всех сторон к обувке прилипался [illegible] концерна. Да еще [illegible] справа, [illegible]. Знатоки из числа московских знакомых уважительно причмокивали: фирма! Осведомлялись, где купил. Я отвечал: в Благоевграде. Импорт? Да нет, сделано в Благоевграде.

Фабрика родилась в октябре 1982 года. Обувной промышленности в городе не имелось вообще. Использовав пустую коробку здания, предназначавшегося для другой цели, за три месяца оборудовали его и начали выпуск модной обуви. Я не оговорился: в январе уже отгружали товар в магазин. Но [illegible] в Благоевграде обувщиков? Да, обучили. В Италии, на крупной фирме, с которой заключили лицензионный контракт. Итальянцы передали болгарам модель, машины, технологию, схему организации труда, взялись поставлять недостающие материалы, [illegible]. Понятно, не за здорово живешь. Капиталист не меценат, лицензию продал к своей выгоде. Но и к выгоде болгар. Интерес взаимный.

— Нас было тогда лишь 47 человек, включая мою секретаршу, — вспоминает директор Славчо Джампальски. — Обычно за такой срок путного решения не успевали принять, а тут все так закрутилось!

Ему едва исполнилось сорок. Как и все тут, обувщик свежеиспеченный. Начинал рабочим на механическом заводе, после Академии общественных наук возглавлял партприганизацию завода измерительных приборов, построенного по советскому проекту. Местный. Родители из деревни.

Вслед за итальянской лицензией появились договоры с французской фирмой, потом австрийской и вот — кроссовки ФРГ. В феврале прошлого года Славчо сказали: [illegible] до конца апреля наладить производство обуви «Адидас» в Болгарии. [illegible] Читатели могут [illegible]. Тут бы [illegible] заметить [illegible] «Пашата». Славчо отвечал: [illegible].

[illegible] За три года 200 человек [illegible] дали болгарскому рынку модной обуви на десятки миллионов левов. И заработали много валюты, товар их уходит в Западную Европу.

— Техническая экзотика, — улыбается директор, — а вот еще [illegible]. Я вам расскажу забавный случай.

[illegible] пару туфель в витрине большого софийского магазина. Поинтересовался: можно ли купить такие? [illegible]

Подобного рода анекдотические [illegible] рассказывали мне не раз. [illegible]

В ПЕТРИЧЕ, маленьком пограничном городке на юге страны, я побывал на комбинате «Беласица». Трикотажное и швейное производство. Отсюда наименование стран — покупательниц продукции: СССР, ГДР, ФРГ, Италия, Англия, Франция, Канада.

Еще недавно здесь шили [illegible] рабочую одежду.

— Мне, наверное, придется убеждать читателя, — говорю я директору, — что лицензионное производство быстро окупается, найдутся скептики.

Вот ответ Бойчо Богиева:

— Америка открыта. Зачем ее снова открывать? Одна линия джинсов в валюте стоит примерно 200—250 тысяч. А производить может ежегодно за две смены 200 тысяч пар. Даже если брюки продавать по доллару за пару, то все окупится за год. Но джинсы не доллар стоят! Лицензии не раз окупились.

Чувствую, читатель уже насмешлив: все экспорт да экспорт, а что же остается для своих братьев-болгар? Пора сообщить: до 45 процентов лицензионного товара «Беласицы» идет на внутренний рынок. Скажем, в год продают у себя дома триста тысяч пар джинсов «Ромика», которые шьют по лицензии фирмы ФРГ.

Все тут было, как и в истории с кроссовками: вместе с моделью приобрели полностью технику и технологию, организацию труда. Словом, «ноу хау» (знаю как). Компания переадресовала их и своих поставщиков машин — лучшие мировые фирмы из ФРГ, Италии, Японии. Вот ускорение: до лицензии пару брюк они шили за пятьдесят минут, а ныне — за двадцать пять. Да и штаны разве те?

Взяли валютный кредит в банке и в июне 1985 года открыли новую линию спортивной одежды. Опять на два рынка — внешний и внутренний.

КРЫСТЕ Вангелов и Васка Трифонова — директор и начальник отдела лыжной фабрики «Пампорово» в Родопах — горнолыжники. Васка даже участвовала в соревнованиях в Австрии. Я подумал: наверное, приятно кататься на лыжах собственного производства. Да еще таких — здесь «Атомик» делают. Одна из лучших марок в мире. Знаменитые чемпионы и рекордсмены катаются на «Атомике». Австрийская фирма пользуется безукоризненной репутацией. А фабрика «Пампорово», как вы догадались, выпускает эти лыжи по лицензии. «Не ищите иголок в кустах», нет никаких случайных совпадений. Я специально ездил по таким предприятиям.

Честное слово, не хочется повторяться, говорить, что сначала они делали примитивные лыжи, а потом купили у австрийцев лицензию, включающую модель, машины, технологию, — все это уже известно читателю по кроссовкам и джинсам. Когда шел на фабрику, приметил вывеску: «Молодежный клуб». Тридцатилетний директор сказал: «Я здесь самый старый». Повсюду в Болгарии лицензионное производство поручают тем, кто не устал от жизни и ищет случая отличиться. Большинство из 160 человек на предприятии — молодежь. Вместе они делают тысячи пар отменных лыж, которые экспортируют, между прочим, в Австрию, на родину «Атомика». В нынешнем году добавятся еще детские и беговые лыжи, покупают лицензию.

Пока делают семь моделей. Проблем со сбытом никаких, хоть отбивайся. Вдвое выросла производительность труда, поднялась и зарплата рабочих.

— Нам бы хотелось на всей продукции ставить марку «Атомик», очень уж популярна у покупателей, но нельзя. По лицензионному договору имеем право ставить этот фирменный знак только на десяти тысячах пар, идущих на внутренний рынок. Остальные выпускаем под названием «Младост».

Пока выпекают слоеный пирог (внутри сердцевина из клееного дерева разных пород, а снаружи толстый слой пластмассы), пока пневматические ножницы отсекают заданную длину, пока высушивают и красят — поди разбери, что тут «Атомик», а что «Младость». Эмбрионы лыж еще не имеют своих имен. Крестить их будут у самой двери. И все же я подпустил директору шпильку, спросил: катаетесь, конечно, на «Атомике»? Крысте Вангелов замотал головой: «Нет, нет! Только на «Младости». Если в Пампорово увидят, что директор ездит на «Атомике», то все скажут, что «Атомики» лучше. Пусть нам зубы не заговаривают, будто одинаковые».

Зверская штука — психология.

«МЛАДОСТЬ» — объединение. Лыжная фабрика входит в его состав, как и благоевградское предприятие, выпускающее адидасовские кроссовки. Генеральный директор Александр Дионисиев высок и сед, черты лица крупные, а глаза озорные, как у мальчишки. Может, потому, что «Младости» пошел лишь пятый год?

Объединение возникло в противовес былой монополии «Пирина», выпускающего хорошую одежду и около 14 миллионов пар обуви. Дионисиев, бывший генеральный директор «Пирина», перейдя в «Младость», добавил к этому еще 4,5 миллиона пар. Его, однако, не привлекала простая «добавка». Сразу пошел с козырного туза — лицензии. Соперничать так соперничать. Взялись делать спортивную одежду, обувь, лыжи, мячи, оборудование для гимнастов и баскетболистов, вплоть до игрушек. За несколько лет продукция выросла вчетверо, ассортимент изменился неузнаваемо.

— Мы с самого начала решили, что лицензия лицензии рознь, — рассказывал мне Дионисиев, — стремились к контрактам только с наиболее авторитетными фирмами мира, продукция которых известна всем.

Ему приходилось убеждать банк, министерство, Госплан, которые вправе сомневаться, осторожничать. Покупка лицензии — риск. Но по мере продвижения к цели доказывать приходилось уже не на пальцах: в практике «Младости» не было случая, чтобы риск не оправдался.

— Можно идти от средства, а можно от цели, — говорит генеральный директор. — В первом случае вы покупаете машину, во втором — готовое изделие. И выясняется, что импорта техники недостаточно. Изделие требует определенной технологии, материалов, квалификации кадров. И сколько раз бывало, что доморощенная технология не стыкуется с зарубежной техникой. Огромные деньги затрачены, но не получается.

Он вынимает из шкафа и ставит на стол [illegible] «Ромика» (лицензия фирмы ФРГ) и жестом прочерчивает вокруг нее воображаемую границу, в пределах которой оказывается все, что необходимо для выпуска такой обуви.

— Смотрите. Машину и технологию покупаем — так? Кожа, соответствующая требованиям лицензиатора, у нас есть. А чего нет? Нет полиуретана для подошвы. Сколько стоит? Два с половиной доллара за килограмм. Сколько пойдет на одну пару? Полкило. Сколько будем производить каждый год? Вот вам и весь расчет до дырочки и шнурка.

Два-три раза в год дней на двадцать посылают они в западные фирмы, продавшие лицензии, своих специалистов и рабочих. За три года 400 человек ездили обучаться. Столь же регулярно специалисты из Италии, Франции, Австрии, ФРГ приезжают на болгарские предприятия контролировать точность соблюдения лицензионной технологии. На изделиях стоит марка их фирм, надо побеспокоиться о репутации. К тому же часть продукции обычно экспортируется лицензиатору. В своей ли стране он ее продает, отправляет ли по всему миру — его дело. Но качество должно быть неотличимо от того, что изготовил он сам.

По этой причине без согласия продавца лицензии нельзя менять и сырье. Болгары, естественно, заинтересованы в том, чтобы поменьше валюты тратить на материалы, но тут выход один: старайся, подтягивайся к стандартам лучших мировых фирм.

— Вот для этой самой «Ромики», — говорит генеральный директор «Младости», — мы сначала у западных немцев покупали все, включая шнурки. А теперь берем у них только материал для подошвы, полиуретан. Остальное у нас самих стало не хуже. Это лицензиатор признал. А возьмите «Атомик», лыжи. Буквально все покупали у австрийцев — и верхнюю пластмассу, и нижнюю, и окантовку. Только деревянный клин внутри был болгарским. В каждой паре лыж импортных материалов было на 15—18 долларов. Я столько раз себя спрашивал: будем производить или нет? Что делать? Решили будем. Молодежь эти лыжи требовала. И вот уже снизили импортное сырье до 8 долларов, на свое заменили. Австрийцы согласились. Им самим теперь продаем двадцать тысяч пар в год. Зарабатываем шиллинги.

Доллары, марки, франки, лиры, шиллинги, затраченные на покупку лицензий, с лихвой возвращаются обратно. Куда доходы поступают? В кассу «Младости»? Нет, объясняют мне, идут государству. А уж потом Госплан выделяет объединению на покупку необходимого. «Дает сколько пожелаете?» — «А вы видели когда-нибудь Госплан, который дает сколько хочешь?»

Лицензионное производство начинается с мучительного вопроса, где взять валюту, и завершается приятным размышлением о том, как валюту истратить. Убыточная экономика — плод убогой фантазии скучных людей. Товар обязан приносить доходы, в этом его суть. По крайней мере одна из непременных ипостасей, а коли не приносит — значит, не товар. И чем он лучше, тем доходов больше. Высшее тщеславие товара — покорить весь торговый мир, сокрушая границы государств и валютные барьеры. Вещь своей выгоды не понимает, но хорошо, когда ее судьба попадает в руки умных людей.

Я вдруг спохватился: Дионисиев об игрушках упоминал — можно поглядеть? Хозяин достает из ящика крохотные старинные автомобильчики. Английская лицензия, «Мичбокс». Уже 23 модели, оказывается, освоили. Сколько же всего лицензий у «Младости»? Начинаем считать: итальянская и немецкая обувь, джинсы из ФРГ, австрийские куртки и лыжи... еще роликовые коньки «Глория»... затем голландская одна лицензия. Двенадцать договоров за последние три года.

Помимо всего прочего, лицензии создают дополнительный эквивалент для обмена товаров. В Чехословакию, скажем, «Младость» отправляет свои игрушки, а оттуда получает лыжные крепления, которые чехи делают по западногерманской лицензии. Или взять горнолыжные ботинки. Их не производят в Болгарии, покупают у австрийской фирмы «Дахштайн». А в обмен продают туристическую обувь, которую, к слову сказать, болгары выпускают по ее же лицензии. Коммерция.

Из 29 предприятий «Младости» в лицензионном деле участвуют 25, таков размах. Товары расхватывают, внутренний рынок далеко не насыщен. Я не хотел бы создать у читателя впечатление, что все, о чем упоминалось в моих заметках, в Болгарии можно купить в любую минуту. Не в любую, но можно. Уже свободно продаются изделия марки «Карсоне», «Ромика». Так будет и с «Адидасом», «Дахштайном», которых пока не хватает.

Виолетта Тенева, начальник отдела международного научного и промышленного сотрудничества с ведущими фирмами (чего стоит одно название!), говорила мне, что за три года лицензии изменили облик производства. Появился опыт, пришла другая культура. Даже отношение к труду стало иным. Если хочешь делать хорошие вещи, нельзя работать плохо.

ПРЕЖДЕ в Болгарии говорили, что нужно иметь «три пары обуви на человека». А какой? Считали в среднем. Три года назад стали изучать структуру производства «обувных держав». Оказалось, что женской обуви выпускают гораздо больше, чем мужской («При каждой юбке должны быть другие туфли»). В Болгарии же эта пропорция была перевернута с ног на голову. Сопоставили по другому признаку — предназначения. И опять: обувь «для свободного времени» составляет в ведущих странах треть всего производства, а в Болгарии лишь семь процентов. Вот они, истоки кроссовочного дефицита! Перестроились на ходу: 1982 год — 7 процентов обуви «для свободного времени», 1983-й — 15, 1984-й — 20, 1985-й — 30 процентов. Сейчас кроссовок производят пять миллионов пар в год при девятимиллионном населении страны. Наконец, еще один срез: кожа — текстиль. Оказалось, самые богатые государства выпускают почти половину обуви из текстиля. А в Болгарии три года назад ее было лишь 10 процентов. Кругом кожа. Сделали и отсюда выводы. В 1985 году произведено 60 процентов обуви из текстиля. Эти туфли и ботинки оказались весьма удобными, особенно для детей.

— Помню, я приехал на предприятие, — рассказывал мне один из руководящих работников легкой промышленности, — а директор хвастается: «Выпустили двухмиллионную пару, юбилейную». Одной и той же модели! Он это достижением считал. Мы поставили вопрос так: в 1983 году достичь 75 процентов обновления, в 1984-м — 80, а в 1985 году реально достигли 85 процентов обновления. Какие именно модели? Поставили задачу: чтобы минимум третья часть — модели ведущих мировых фирм. На основе лицензий, кооперирования — любым способом.

Самим ли все делать для себя? Покупать ли у других? На такие вопросы не ответишь, почесав в затылке. Не надо гадать. Вслед за болгарами обратимся и здесь к расчетам. Возьмем Грецию, Францию, Италию — солидных производителей обуви в Западной Европе. И узнаем, что греки ввозят из-за границы 47 процентов нужной им обуви и столько же экспортируют. У французов импорт 41 процент, экспорт — 69. Итальянцы покупают за рубежом треть обуви... А болгары до 1983 года? Завозили 2,3 процента, экспортировали 4 процента. Почти всю обувь делали сами. «Это было форменным истощением собственного производства, — говорят теперь болгарские специалисты, — самоубийственно для легкой промышленности». Надо ли говорить, что кардинальные перемены произошли у них и в этой области. Мировой опыт показывает, что рынок потребительских товаров не может быть огражден высокой стеной. Примерно треть изделий промышленности должна составлять «обменный фонд» государства.

Разумеется, что попало не обменяешь. Отсюда у болгар интерес к лицензиям, отсюда! Мне говорили, как трудно было поначалу конструкторам, модельерам, руководителям предприятий признаваться в собственном отставании. Они привыкли гордиться тем, что сделано без посторонней помощи, особенно иностранной. Отовсюду слышалось: мы придумали, мы освоили, мы разработали. И пресса хвалила в первую очередь тех, кто сделал сам. И отмечали таких, и выдвигали. Сам — это прекрасно, это и сейчас требуется, даже в большей степени. Но вот вопрос, который прежде не задавали: сделанное тобой самостоятельно — лучшее ли это в мире? Где ты находишься по отношению к мировому уровню? Когда и каким образом собираешься достичь?

ИНОЙ читатель подумает, что Болгария только на Западе покупает лицензии. Это не так. Ненчо Датчев, главный специалист отдела лицензий Министерства внешней торговли, познакомил меня со статистикой. С 1962 по 1984 год болгары приобрели 450 лицензий, в том числе 150 из социалистических стран. В те же примерно годы они продали за рубеж более 120 лицензий, 70 из них в страны СЭВ.

На Запад им чаще всего удается продать технологию. Среди покупателей значатся фирмы Японии, Италии, Испании, ФРГ. Две лицензии недавно купили США.

Слово за слово, и мы принялись с Ненчо Датчевым рассуждать о философии этого способа развития национальной экономики. Западные специалисты утверждают, что при обычной покупке оборудования можно продвинуть технический уровень своего производства вперед года на два. Если закупить технологию, сделаешь рывок вперед лет на пять. Но приобретая лицензию, вырываешься на семь-восемь лет.

Хорошо, но где гарантия, что продавец лицензии уже не имеет в своем сейфе что-то лучшее? Прибыли получил, переходит на новое, а отработанное — вам?

Да, конечно. Нельзя целиком полагаться на заимствования. Идеально все делать самим лучше других. Но так не бывает. Без международного разделения труда обойтись невозможно, в том числе и самым высокоразвитым странам. Кроме того, встает проблема потенциала. На «сами» может и не хватить ресурсов. Применительно к потребительским товарам, которые гораздо меньше подвержены колебаниям внешнеполитических отношений, чем изделия машиностроительных отраслей, добровольная самоизоляция была бы разорительной.

В итоге мы так и не пришли к истине. Если она вообще в этом деле существует. Все определяется особенностями экономики каждой страны. Кафтан шьют по себе. Друзья из НРБ нашли свой путь быстрого увеличения производства товаров высшего класса. Мне повезло увидеть и по заслугам оценить их усилия. Я наблюдал динамизм, желание побыстрее избавиться от догматизма, шаблонов. Ошибки и просчеты, о которых откровенно шла речь на недавнем XIII съезде болгарских коммунистов, послужили уроком.

Самое легкое — говорить о решимости. Решиться — гораздо труднее.

* * *

Когда я рассказывал знакомым о своих болгарских впечатлениях, один из них вдруг сказал: «Нашел чем восхищаться. Как бы эти западные нашлепки на брюках не поубавили у молодежи патриотизма». Да, есть такая проблема: культ иностранной этикетки. Но мы сами в этом виноваты. Прав профессор В. Н. Шубкин, написавший в «ЛГ» о том, как трансформируется в глазах молодежи неспособность десятка министерств наладить производство кроссовок и джинсов. Изъяны экономики оборачиваются ущербом нравственным, идеологическим.

Люди хотят покупать хорошие вещи. И никакой силой не заставишь их оплачивать залежалый товар «во имя патриотизма». Конечно, жаль, что хорошие вещи так долго ассоциируются у нас с иноземными фирменными знаками. Но на пути к собственному торговому авторитету совсем не лишней может оказаться лицензия.

ФОТОНОВЕЛЛА

Николай ГНИСЮК

Воспоминание о детстве

БОЛЬНИЦА НА ПОДРЯДЕ

Сергей КИСЕЛЕВ,
соб. корр. «ЛГ» по Украине

ПЯТИЛЕТНЯЯ девочка заболела воспалением легких. Двусторонняя пневмония. Районная поликлиника настаивала на госпитализации. Но родители категорически от нее отказались и дали расписку, что несут ответственность за свой отказ. Девочку лечили дома, хотя лечение проходило труднее и продолжалось дольше, чем в стационаре.

Почему любая мать готова рисковать здоровьем, а иногда и жизнью своего ребенка, только бы не отдавать его в больницу, хотя лечат там лучше, чем дома? Да потому, что ухаживают хуже. А если быть совсем точным, то ухаживают чаще всего просто плохо. Да и взрослым в больнице приходится не сладко. Больные люди, случается, оказываются во власти раздраженных медсестер и злобных санитарок, вроде той, о которой написал Шукшин в своем известном документальном рассказе.

Больница оснащается самой современной техникой для диагностики и лечения. Но рядом с компьютерным томографом, оптическим квантовым лазером и электроволоконной аппаратурой для эндоскопических исследований по-прежнему несут службу все те же извечные термометры, горчичники и пресловутое судно. А к ним ЭВМ не подключишь — здесь нужны руки человека. Доброго и неравнодушного.

Добрых и неравнодушных катастрофически не хватает. Поэтому подбирать приходится, как говорится, с бору по сосенке. Во всем мире (хотя это для нас довольно слабое утешение) желающих за небольшую плату ухаживать за больными становится все меньше. В Японии, например, недавно сконструировали робот, управляемый компьютером. Он кое в чем может заменить сиделку при больном — подать воду и лекарство по расписанию. Но стоит эта машина уйму денег, и, как утверждают скептики, пока даже самая плохая сиделка лучше самого хорошего робота. А уж заменить роботом медицинскую сестру пока никто еще и не пробовал. Ни за рубежом, ни у нас.

ТРУДНО сыскать на Украине больницу или поликлинику, где штаты средних медицинских работников были бы полностью укомплектованы. Еще хуже обстоит дело с младшим медицинским персоналом.

Можно ли обязать санитарку с тарифной ставкой 70 рублей работать так, чтобы были довольны и больные, и врачи? Оказывается, можно. В сентябре 1984 года Минздрав СССР в порядке эксперимента позволил четырем киевским больницам организовать работу младшего медицинского персонала по методу бригадного подряда.

В детской специализированной клинической больнице № 14 для эксперимента был выбран корпус, где расположены три отделения: челюстно-лицевой хирургии, отоларингологии и эндокринологии. Санитарок объединили в бригаду, которая посменно обслуживает все три отделения. Кроме того, в каждом из них по инициативе администрации организовали по бригаде медсестер.

— Не знаю, как на заводах и стройках, — говорит главный врач больницы Татьяна Петровна Новикова, — быстро ли там приносит результаты бригадный подряд. А у нас он показал себя с первого дня. Санитарки и медсестры сразу же стали получать зарплату на 50 процентов больше тарифной ставки. А кроме того, за хорошую работу — еще четверть ставки дополнительно, в виде премии.

— Где же взяли на это деньги?

— У нас штат санитарок и медсестер заполнен в среднем только на 60 процентов. Но те, кто работает на подряде, справляются со своими обязанностями так, будто «закрыты» все штатные единицы, и нынешняя их зарплата вместе с премиями не превышает предусмотренного фонда. Люди заинтересованы в высоких заработках, держатся теперь за место. Так что с текучестью кадров среди младшего и среднего медицинского персонала бригадный подряд практически покончил...

— Премию все получают?

— В общем-то, все. Но разную. По украинской пословице: як дбаєш, так і маєш. То есть как стараешься, так и получаешь. У нас к выплате премии подход дифференцированный.

— Чем же он определяется?

— Баллами. Раз в неделю бригадиры закрывают наряды. Как на заводе. И в них все учитывается — что кем сделано и как сделано. Не заработала санитарка или медсестра в день 25 баллов — премия будет меньше, а то и вовсе не будет. Но получить эти 25 баллов ежедневно ох как не просто! Нужно, чтоб и туалет сверкал, и чтоб белье в прачечную вовремя было отнесено, и чтоб больным детишкам точно по назначению врача лекарство давали, и чтоб от родителей жалоб не было, и многое другое. В общем, совсем иначе мы работать стали. И собираемся в ближайшее время ввести бригадный подряд во всех остальных отделениях больницы.

Официальные отчеты этого и других медицинских учреждений Киева не оставляют никаких сомнений в том, что результаты эксперимента положительны и что сама жизнь требует перевода младшего и среднего медицинского персонала на бригадный подряд.

КИЕВ

ЧССР, ГДР: СОРОК ПЕРВАЯ ВЕСНА ПОБЕДЫ

Олдржих РАФАЙ

Строки в грядущее

Полуистлевший листок,
исписанный по-белорусски,
в гильзе нашли через тридцать лет
после войны.

«Я остался один. У меня шесть патрон. Идут танки. Товарищи, отомстите за нас. Мы не отступали...»

Обуглен листок —
из войны долетевший осколок.
И подпись истлела.
Он всем адресован:
Известье оттуда, где враг наседает,
и хочется жить, но важнее бороться,
где жизнь напряглась
и вот-вот сборвется.

О, тяжкие слезы и память седая!

В грядущее он посылал свои строки.

Что дети напишут сегодня о нем
на уроке!
Откуда он!
Кто он! — ушедший во тьму!
Как жить нестерпимо хотелось ему.

Солдат безымянный,
не видевший больше рассвета,
он к сонму героев
сегодня навеки причислен.
Но снова над миром
железные когти нависли,
что крови хотят, и пожарищ, и пепла,
руин городов,
и мертвых садов,
и черного ветра.

О бое последнем писал он в огне,
проклятье свое посылая войне.

Здесь жил он. Здесь жили они.
Для родины жизни своей не жалели.
Единственной жизни.

И времени волны
до нас его жизнь донесли.
И свет засиял, и сады зацвели.
Где огненным валом
прошел смертный бой,
хлеба поднялись золотою стеной.

Перевел с чешского
Г. КАЛАШНИКОВ

Манфред ШТРОЙБЕЛЬ

Бескрайние поля

Долой межи, кусты! Повсюду поле.
Один безбрежный вольный окоем.
Послушен трактор лишь
победной воле.
Взошел посев. Мы урожая ждем.

Победа — это не триумф и розы.
Нам было трудно с нашими людьми.
Но в том музее, где ржавеют косы,
Остался жест молвящий: «Накорми...»

Никто теперь не горбится за плугом,
Не просит урожая у господ.
Гудит комбайн,
сурово вдаль стремясь.

Мы все теперь равны друг перед
другом.
Но кто без песен урожай сберет,
Тот не утратил ли с землею связь!

Перевел с немецкого Г. РАТГАУЗ

НОВАЯ РУБРИКА

ГОЛОС ХУДОЖНИКА В МИРЕ БЕСПРАВИЯ

Сегодня духовный кризис империалистического мира принял небывалые ранее масштабы, буржуазная идеология стала идеологией общества без будущего. «Ее установки очевидны, — подчеркивалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду КПСС, — любыми приемами приукрасить капитализм, прикрыть его природную античеловечность и несправедливость, навязать свои стандарты жизни и культуры; всеми способами очернить социализм, исказить смысл таких ценностей, как демократия, свобода, равенство, социальный прогресс».

«Пять трудностей при писании правды»—так называлась одна из программных статей Бертольта Брехта. Она написана до второй мировой войны, но эктуальна в каждой своей строчке. Великий мастер социалистического искусства, непримиримый борец с идеологией и культурой империализма говорил о мужестве честного художника, который обязан отдать свой талант идеалам правды и справедливости, прогресса и гуманизма.

Прогрессивные художники и сегодня не слагают оружия в борьба за мир и жизнь, за подлинную свободу и настоящую справедливость. Их голос звучит громко, и его слышат все люди доброй воли.

«Литературная газета» 16 апреля писала о преследованиях прогрессивной писательницы США Маргарет Рэндолл. Теперь она предоставляет слово южноафриканскому поэту Брейтену Брейтенбаху, борцу против человеконенавистнической доктрины апартеида, в новой рубрике «Голос художника в мире бесправия».

«Я — человек или я — ничто», — говорит Б. Брейтенбах в одном из своих стихотворений, клеймящих апартеид.

Древо свободы

Я ОТКРЫЛ для себя поэзию Брейтена Брейтенбаха в 1975 году. Подготовив первую советскую публикацию поэта, послал ему письмо в Париж, где он жил долгие годы, посещая родину редко и полулегально. Но ответа не получил. Причина вскоре стала ясна: Брейтенбах был уже за решеткой. Выдающийся южноафриканский писатель-коммунист Алекс Ла Гума писал тогда на страницах «ЛГ»: «Арестовав одного из крупнейших писателей Южной Африки, талантливого художника Брейтена Брейтенбаха, расистские власти Претории самым циничным образом продемонстрировали свою ненависть к культуре и демократическим правам». Тогда поэт был приговорен к девяти годам тюрьмы.

Шли годы. Брейтенбах оставался за решеткой. В Нидерландах за это время было полностью переиздано в нескольких больших томах все написанное Брейтенбахом в стихах и в прозе. Одна за другой стали появляться книги переводов его стихотворений. На английский его переводил друг и автор монографии о нем, широко известный прозаик Андре Бринк. В большом советском сборнике «Из современной поэзии ЮАР» среди семи поэтов Брейтенбах занимал одно из главных мест. Позднее в издательстве «Художественная литература» вышла «Поэзия Африки» в двух томах — и в ней подборка переводов Брейтенбаха. В «Избранных произведениях поэтов Африки» («Радуга», 1983) — снова подборка. Были публикации в периодике, в альманахах — всего к настоящему времени в нашей стране издано более тысячи стихотворных строк поэта.

...«Незаконнорожденным» назвал Брейтенбах тот народ, к которому сам принадлежит. Африканс — единственный язык индоевропейской группы, развившийся в новое время на южной оконечности Африки. Говорят на нем только там. Предками африканеров (или буров, как их называли прежде) были выходцы из Голландии и Фландрии, а также бежавшие от религиозных преследований «на край света» французские гугеноты. Африканеры создали в XX веке богатейшую литературу, отчасти уже знакомую советскому читателю, — проза Андре Бринка, Карела Схумана, Яна Раби, поэзия Эйса Криге, Д. Й. Оппермана, Ингрид Ионкер, самого Брейтенбаха, еще доброго десятка авторов, среди которых почетное место занимают писатели «небелые» — Артюр Фула, Адам Смалл, С. В. Петерсен, П. Д. Филандер. И главная тема всех лучших писателей этой литературы — необходимость немедленного искоренения апартеида как формы фашизма.

Декабрь 1982 года. Радио принесло весть: за полтора года до окончания тюремного срока Брейтенбаха власти Претории сделали «королевский жест» — выпустили поэта из тюрьмы. Он сразу же улетел в Париж.

Я снова написал ему. Ответа не было долго. Потом у меня дома раздался телефонный звонок: «Ответьте Парижу». Брейтен говорил по-французски, потом разговор перешел на его родной язык... Он ничего не знал о том, что все эти годы его издавали в нашей стране. Он не подозревал, что его судьба волнует миллионы советских читателей. Вскоре я получил по почте его книгу «Затмение», тот самый сборник, за который Южная Африка теперь дала ему свою высшую литературную премию. Вручение состоялось в Претории — городе, где еще недавно местом его проживания была тюремная камера, а возле ее дверей висело предупреждение, что общаться с узником этой одиночки строго запрещено. Власти Претории снова сделали «широкий жест».

Как и другим крупнейшим поэтам XX века, таким, как Назым Хикмет, как южнокореец Ким Джиха, Брейтенбаху пришлось пройти в жизни через долгие годы тюрьмы у себя на родине. И он не просто выжил, но выстоял и сломил своих палачей. Во время вручения ему премии в Претории Брейтенбах произнес страстную обличительную речь против политики апартеида, осудил США за «конструктивное сотрудничество» с расистами. И в заключение сказал, что премия будет использована им для помощи политическим заключенным в ЮАР.

«Затмение» не кончилось, свобода в ЮАР не наступила. Но то, что вчерашний политический заключенный, которого пытали и хотели свести с ума одиночной камерой, бросил своим палачам обвинения, стоя на родной земле, свидетельствует, что и Претории уже не могут не считаться с мнением всего мира.

Брейтенбах — поэт сложный и жесткий, он труден и для перевода. На поэтическое формирование его оказали влияние такие разные поэты, как Уитмен, Неруда (которому он посвятил несколько реквиемов), Маяковский, Брехт, Аполлинер. Но пафос поэзии его всегда один — это пафос борца. Одну за другой выпускает он сейчас книги, пронизанные глубоким лиризмом и горячей любовью к родине. Борьба с апартеидом остается главной темой его творчества.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Брейтен БРЕЙТЕНБАХ

До встречи, Капстад

чудище с черным горбом на спина: гора
бледные саваны скал и холмов: город
скатерть восточная пестрая ткань: море
горная твердь место для кладбища данное
вечная остановка на полпути
норная тварь приданое
да будет позволено мне отыскать вне пределов твоих
целебное древо Ионы
будь ты женщиной я сошел бы с ума
от запаха кожи твоей от пульса рыжих веснушек
любовь мов допотопная девка
пошлая вертихвостка замарашка вздорная ведьма
но ты даже не думаешь о материнстве
ты убиваешь себе выкидывая младенцев
хлещет вода из раны между набережной и бортом парохода
о Капстад, Кап-капризница, капсула слез,
ты что ловишь капканом капли сердец
я хотел бы воспеть тебя шепотом розы
но уста и язык мой остались с тобой

Парень с тачкой ржавой в пыли: город
протянувший воздух подъемный кран законодательства: горе
бутылочные осколки сценической оргии: море
от еще не развернутого но уже разделившего нас расстояния
до свирели сатира в зеленой ладони листвы обнимающей бухту
и квартала малайского припавшего к желтым сосцам
всю тебя так люблю я я эту минуту
словно ты мне пригрезилась
заплесневевшая роза у ног народа
О Капстад, Кап-капризница, капсула слез
ты что ловишь капканом капли сердец
я хотел бы воспеть тебя любящими устами
но ты оставила мне лишь рану на месте уст

Самый прекрасный берег не всем побережьям
самое страстное солнце во всем полушарии
самый лазурный ветер какого нигде не найдешь
цивилизация мстит крысы твои еще не бегут
но смерть выжидает в воде
о Капстад, Кап-капище, Кап-капризница, капсула слез
теперь мы разлучены
ты подернута слабым мерцанием мутно-соленых жемчужин
но я обернусь и буду смотреть на тебя
поверх заповедников с заключенными там временами года
и фейерверков клекочущих в горле морской чайки
и однажды взорву раковину твоих зрачков
и створки с трудом приоткрыв
подставлю ветру твои смертельно раненые глаза
чтобы ты стала землею доброй надежды

***

дорогая,
настанет день
когда солнца снова пойдет под венец
и щедрый ветер воскурит фимиам гвоздик
словно зажжет поминальные свечи
и горы будут в морщинах, будут в знаменах

зеркала побелеют
так что глаза заломит от света
и твой ныне недосягаемый образ распадется на осколки
как только я увижу тебя вновь

и волны с крутыми боками
навалятся на берег
исступленно рыдая

а потом придут сумерки
словно тысяча голубокрылых лебедей над морем
и у каждого тысяча голубых крыльев

и на белом высоком ложе
мы вкусим от белого хлеба
и черной ночи

Из Капстада в Рио

великая земля горькая и сухая
страна, где почва дрожит и содрогается
где вулканы едва остыли...

Столовая Гора — корабль, перед носом которого
взлетает над гребнями парусов океанская пена

ибо ветер вздымает
вихревые песни снастей
подобно бабочкам восточной поэзии —
но буруны здесь будут повыше
безлюдье и дикий простор поближе
к плоти
изящества здесь маловато
никаких королевских печалей над разбитыми царствами
единственная косметика — свинцовые белила смерти —
но как бабочки из поэмы
ищут ветра праздные яхты:
СТАРАЯ СЛАВА, ДЖАКАРАНДА, КОНКОРД,
АЛЬБАТРОС, ЛЕДИ РАНГУНА, ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР,
ВСПЫШКА, ЗОЛОТОЙ ГОРОД, СЕРЕБРЯНАЯ ЛЕНТА,
ИМПАЛА, Л'ОРГЕЙЛЬ, БУКАНИР, СКИТАЛЕЦ
И ДАБУЛАМАНЗИ — «Разрезающий воды»
лодки и крылья и птицы и паруса, взявшие курс на Рио
скользящие мимо острова Роббен,
где заключенные без сомнения слышат
хлопанье парусины под солнцем
и плеск свободно бегущих вод
и пунктирный свист летящего к горизонту вольного ветра
слышат и грезят, что кто-нибудь
высушит эти воды
и посуху пройдут они через Фалс-бай
к обетованной земле...
от острова Роббен
к обетованной Капской земле...
загорелые парни цвета бронзы
ставят паруса и огибают буруны
в озноби и весеннем волнении
как в стихотворных ритмах
мимо, все мимо и мимо острова Роббен
проплывают — СТАРАЯ СЛАВА, ДЖАКАРАНДА, КОНКОРД...
старики с папельно-серыми лицами
низко склонившись, пересчитывают и делят между собой
крупные белые зерна соли

Перевел с африкаанс Е. ВИТКОВСКИЙ

ФОТОРЕПОРТАЖ

У ПОДНОЖИЯ АКРОПОЛЯ

Когда небезызвестный чеховский Дымба впервые произнес свое сакраментальное «в Греции все есть...» — он наверняка не подозревал, что шутка эта переживет многие десятилетия и узнавая во мне москвича, ее будут тщательно выговаривать на ломаном русском языке продавцы маленьких уютных лавочек, в которых подлинный антиквариат соседствует с беспардонной и откровенной подделкой.

Не знаю, как во всей Греции, но что касается Афин, где мне довелось провести несколько весенних дней по приглашению местных сторонников мира (о чем я еще постараюсь подробно рассказать), здесь есть действительно многое.

Памятники древней античности сливаются в единое целое с уникальными созданиями византийской культуры, а в большом современном городе соседствуют все присущие западному миру социальные контрасты.

НЮРНБЕРГСКИЙ ТРИБУНАЛ, 40 ЛЕТ СПУСТЯ

ДОКУМЕНТ № 32

Зондеркоманда

Юрий МАХНЕНКО

УСАДЬБА запылала ночью. Пожарные, примчавшиеся во французское селение Трав, департамент Верхняя Сона, увидели обгоревший остов и обугливший труп. Чей?

Владелец дома поселился здесь недавно, жил уединенно. Лишь со временем узнали его национальность. А потом и фамилию. Подлинную. Как ни заховстен уголок, а вот нашелся некто, вспомнивший дела давно минувших дней и отправивший запрос в газету.

Расследование, которое провела «Юманите», вызвало настоящую бурю. Человек, поселившийся близ городка Везуль, оказался бывшим адъютантом Гиммлера, впоследствии штандартенфюрер дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», запятнавший себя неисчислимыми зверствами.

Шел 1976 год. Кошмары войны, мнилось многим, отодвинулись в невозвратное прошлое. Но оно не преминуло напомнить о себе. Еще свежа была краска на страницах газеты, поместившей разоблачительное досье, как его автор, бывший узник Бухенвальда Пьер Дюран получил подметный ультиматум с угрозами. Сообщники штандартенфюрера не дремали. Что предпримут они?..

И вот — пожар. Полицейские раскопали среди головешек пистолет и бутылку из-под горючей смеси. Тут-то и началось. Французское телевидение не погнушалось показать соотечественникам вакханалии, разыгравшиеся в нацистских организациях ФРГ, где проклятия в адрес левых гремели вперемежку с причитаниями по поводу собственных «недоработок»: маловато, мол, строили газовых камер... Впрочем, правые газеты Парижа, наследуя пафос коллаборационистских листков времен оккупации, тоже внесли лепту в травлю антифашистов. Именуя разоблачение не иначе, как «подстрекательство», и напирая на версию о некоем самосуде, они старательно обходили вопрос, не было ли это очередной провокацией, гнусной инсценировкой. Почему все домочадцы в канун пожара спешно покинули усадьбу, а два огромных, отменно выдрессированных пса, сопровождавших хозяина повсюду, были обнаружены за много километров от селения? Мог ли их вымянить чужой?

За всем этим — типичный почерк нацистских преступников, заметающих следы. Да и комедия защиты разыгрывалась по испытанному сценарию: глядите, дескать, к каким ужасающим эксцессам ведут попытки ворошить то, что давно пора забыть, пересмотреть, простить!..

Но инцидент побудил многих задуматься, сколько еще палачей и насильников скрывается от возмездия. Напоминая, что нацистские заправилы умыкнули казну рейха и аккумулировали 200 миллионов франков в 750 различных предприятий, которые дают солидные дивиденды для финансирования фашистского движения во многих странах, прогрессивная печать видела в этом зловещее подтверждение того факта, что организация СС жива и сегодня.

АВТОР этих строк, разумеется, пребывал вдали от Везуля и, чтобы прояснить свой интерес к происшествию в его окрестностях, должен вернуться в шестидесятые годы, когда увидел в одном из зарубежных журналов фотографию, взывавшую к той памяти, которая для целого поколения связана с военным детством.

Дело было даже не в снимке, а в подписи, из которой следовало, что изображенный на фотографии асасовец, загубивший множество жизней и давно уже разыскиваемый бывшими партизанами одной итальянской провинции, свою высшую награду, да еще из рук самого Гитлера, получил в 1943 году за «операции по чистке» в районе Харькова. Когда читаешь такое о городе, с которым у тебя связано все, невольно воспринимаешь это обостренней.

Харьков 43-го являл зрелище, едва поддававшееся описанию. «Это кладбище, скопление пустых стен и фантастических развалин», — написал после освобождения города в «Правду» участник четырех войн, только что переживший тяжкие дни ленинградской блокады, Николай Семенович Тихонов. Еще страшнее руин оказалось другое. В лесопарке, а также на месте старых бараков ХТЗ и даже в центре города были отрыты гигантские рвы, заполненные трупами. По подсчетам Чрезвычайной комиссии, их было не менее тридцати тысяч.

Свежие раны взывали. В декабре того же года перед судом военного трибунала 4-го Украинского фронта предстали четверо мучителей города. Чины этих непосредственных исполнителей были невелики, но велика была потребность вглядеться в случившееся глазами совести. Заседания суде с их обстоятельным опросом подсудимых и свидетелей, прениями сторон проходили в чудом уцелевшем здании Театра имени Шевченко. Его еще называли «Березиль». Это украинское имя первого весеннего месяца, и, чтобы по-настоящему вступить в весну освобождения, следовало пройти через то, что противостояло кровавым «операциям по чистке» как подлинное очищение от ала. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» написал тогда, что харьковский процесс является «первым плодом твердой политики союзников, предусматривающей наказание преступников войны», в комментатор американской радиокомпании «Колумбия» назвал его «первым настоящим судом над военными преступниками во всей истории».

Оно не случайно оказалось в таком ходу, это определение — первый. И двух месяцев не минуло со дня подписания Московской декларации, в которой было сказано о гитлеровских извергах: «три союзные державы найдут их даже на краю света», чтобы они были «судимы на месте народами, над которыми они совершили насилие».

Тому, что происходило в Харькове, суждено было стать началом. Не удивительно, что вопрос авторитетнейших на процессе журналистов выглядел представительно, в домах прессы, кроме множества иностранцев, были люди, которых уцелели по довоенным портретам: Алексей Толстой, Леонид Леонов, Илья Эренбург, Павло Тычине, Максим Рыльский, Владимир Сосюра, Юрий Смолич... Уже говорилось о Тихонове. Еще раньше побывал в растерзанном городе корреспондент «Комсомольской правды» Юрий Жуков.

Изобличив обвиняемых, которые тупо твердили про пресловутый «befehl», то есть приказ, трибунал сурово решил их судьбу и в то же время назвал еще более махровых сообщников, стоящих за их спинами. «Их еще не поймали, но вряд ли они сегодня спокойно вспоминают: только пуля может спасти их от суда», — комментировал Эренбург упоминание в приговоре о командирах эсэсовских дивизий «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова» обергруппенфюрере Дитрихе и группенфюрере Симоне. Пророчество сбывшо неколебимой логикой справедливости, и хотя события, увы, не всегда развиваются в согласии с ней, Дитрих и Симон, натворившие после Харькове еще немало лихих дел, все-таки попали на скамью подсудимых. Но это были уже другие процессы, и по ходу рассказа мы к ним подойдем.

Об этом напомнил мне портрет полковника СС, который в дивизии «Адольф Гитлер» стоял лишь на ступеньку ниже ее командира Зеппа Дитриха. Но как попал он на обложку итальянского «Вив нуово»?

ВРЯД ли кто-либо мог предположить, что начало кампании против затаившегося вешателя положит скромное открытие одного провинциального доктора. Вычитав в книге американского историка Джона Толанда описание рейда дивизии «Адольф Гитлер» в Арденнах, этот синьор из итальянского города Кунео пришел к выводу, что руководивший истреблением американских летчиков в лагере для военнопленных командир танкового полка и маньер-штурмбанфюрер, спаливший за год до того селение Боэс в Северной Италии, — одно и то же лицо.

Дальнейшие расследования, которые возглавили ветераны Сопротивления члены парламента Дж. Бьянкани и Дж. Прунотти, подтвердили догадку.

Виновник событий, процветавший на коммерческом поприще в Штутгарте, был вызван к прокурору для ознакомления в предварительным обвинением, составленным по иску родственников тех, кто был замучен в Боэсе. Но вскоре дело было прекращено. Правда, он счел за благо больше не испытывать судьбу, оставил директорский пост в крупной автомобильной фирме, в затем вообще убрался из Штутгарта неизвесть куда, сплавив в спешном порядке роскошную виллу и бежевое авто.

Десять лет о нем ничего не было слышно, пока пожар во французской глубинке и последовавшие разоблачения не воскресили то же имя — Пайпер.

К тому времени мало что в его биографии оставалось непроясненным. Еще в юности вступление в СС — охранные отряды национал-социалистской партии. Юнкерская школа в Брауншвейге. Двухлетнее пребывание в свите рейхсфюрера СС. Участие — уже в составе дивизии «Адольф Гитлер» — в усмирении Польши и Франции, принесшее первый железный крест. За «решительность действий» на Востоке — «Дубовый венок».

Все это мало отличалось от послужного списка других рекрутов режима. Например, Вальтера Крюгера, тоже перешедшего в двадцатилетнем возрасте из «гитлерюгенд» в «Адольф Гитлер» и дослужившегося там до штурмбанфюрера. Разница только в том, что Иоахим Пайпер в силу обстоятельств скрывал свои «подвиги», а такие, как Крюгер, особенно при правительстве ХДС/ХСС с охотой их расписывают. В одном из недавних интервью он поведал даже, как еще в младые годы врывался с пистолетом в квартиры сограждан, «делая бах-бах-бах». Еще одно подтверждение, что задолго до нападения на другие страны гитлеровское отребье стало палачом немецкого народа.

По жанеописаниям этих кавалеров крестов и венков можно проследить кровавый путь всего зловещего формирования, именовавшегося «Лейбштандарт Адольф Гитлер», точно так же, как трофейная схема пути дивизии служит канвой для уточнения причастности к зверствам любого из членов банды. Но есть ли резон углубляться? Разве не ясно, что все они ответственны за бесчеловечные акции?

Международный военный трибунал в Нюрнберге признал преступными как «общие СС», так и войсковые (ваффен-СС). Однако в преддверии процесса над главными военными преступниками делались попытки торпедировать принятие устава и регламента, ставших основным законоположением и сводом процессуальных гарантий суда, не имевшего аналогов в мировой практике, именно под предлогом априорной вины обвиняемых. За этой якобы «сверхжесткой» позицией просматривалось то же стремление определенных империалистических кругов не ворошить, препятствовать раскрытию механизма, который приводит к власти самую кровавую диктатуру.

Но человечество достойно всей глубины правды. В этом залог его неувядающей силы, способности превозмочь все испытания.

В ТОМ, каков значение придают честные люди всех стран непредубежденному разбору достоверных фактов, касающихся преступлений нацистов, согласованным действиям народов, убеждаюсь еще раз, перечитывая, например, письма ветерана-антифашиста Дж. Бьянкани, с которыми он обращался к очевидцам злодеяний эсэсовцев на советской земле. Важно и другое. Когда к поиску, о котором здесь пойдет речь, подключился автор данных заметок, ему помогали не только специалисты—юристы, архивисты, лингвисты, но и буквально каждый. Использовалась любая туристская оказия. Были и наставники. Когда-то я не совсем понимал, зачем меня, еще совершенно зеленого, постоянно приглашают к одному памятному в Харькове месту писатели старшего поколения И. Багмут и К. Гордиенко. Один из них в военные годы был солдатом, второй — членом Чрезвычайной комиссии. Но прошло время, Ивана Багмута уже нет, Константину Гордиенко недавно минуло восемьдесят шесть. После прошлогодней публикации в «ЛГ» (№ 21) о зверствах эсэсовцев в Арденнах он прислал письмо и вновь напомнил, как ходили мы к больнице на улице Тринклера, где в 1943 году размещался 1-й сортировочный госпиталь 69-й армии.

Трагедия, разыгравшаяся здесь, фигурировала на харьковском процессе, материалы которого затем были представлены Международному военному трибуналу в Нюрнберге в числе тысяч других документов под номером 32.

Сегодня непреходящее значение Нюрнбергского суда видится не только в его исторических итогах, которые были ясны уже в 1946-м, но и в открытых им перспективах рассматривать ответственность за военные преступления, преступления против мира и человечности, которые будут когда-либо раскрыты, как уголовную.

Когда Ассоциация бывших партизан в Италии и Объединение лиц, преследовавшихся при нацизме, в ФРГ только начинали собирать доказательства против банды Дитриха и Пайпера, еще живы были престарелые жители входившего в зону кровавой «чистки» села Тарановка под Харьковом — Константин Ефимович Сошенко, Харитина Никитична Марченко. Андрей Константинович Кузьменко. Они назвали поименно 107 односельчан, которых убили эсэсовцы дивизии «Адольф Гитлер» только на трех улицах их села. У Константина Ефимовича на глазах застрелили дочь. Харитина Никитична видела, как порешили всю соседскую семью, а там было пятеро детей. Кузьменко после освобождения выполнял обязанности секретаря сельсовета и лично составлял списки замученных. Я долго вчитывался в тот перечень фамилий, где против каждой стоял год рождения и было обозначено, согласно установленной форме, точное место гибели. В нескольких графах годы рождения были такие: 1940, 1941, а о месте расстрела писалось: «У себя в кроватке».

При упоминании о расстрелах детей и вообще мирных жителей в нынешнем Бонне говорят о ненадежности улик, основанных на впечатлениях «заинтересованных» лиц. Что ж, посмотрим, как накладываются на эти свидетельства другие факты, почерпнутые от тех, кого в такой заинтересованности не заподозришь.

Из показаний бывшего военнопленного Фрице Генриха ГЕРТНЕРА, обнаруженных в архивах советских следственных органов (все названные здесь и далее имена принадлежат лицам, репатрированным в 50-е годы в ФРГ): «В марте 1943 г. дивизия «Лейбштандарт Адольф Гитлер», в которой я служил, наступала из Харькова на Белгород. Наша вторая рота 1-го полка расположилась в селе Тарановка. По приказу оберштурмфюрера Шмидта было согнано около 100 жителей на окраину. Мне и еще 10 солдатам было приказано их расстрелять. Через два дня при уходе из села было сожжено 300 домов при помощи бензина и зажигательных боеприпасов...»

...Побывав совсем недавно снова в Тарановке, я не мог не думать о том, сколько новых и новых подробностей встанет за строками лишь одного документа Нюрнбергского процесса под номером 32. Но прежде чем пойти к ним, следует, по-видимому, рассказать о причинах, по которым так настаивали на совместных действиях по разоблачению нацистов наши друзья-антифашисты в Италии...

Этому будет посвящен следующий материал.

ПРАВДА О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

«ИГРУШКИ» ДЛЯ «БОББИ»

Новое усовершенствованное дубинки для английских «блюстителей порядка» действует, словно меч, поясняет лондонский еженедельник «Обсервер». Английская буржуазная печать без стеснения широко обсуждает наиболее эффективные репрессивные меры борьбы против демонстрантов, ссылаясь на опыт, накопленный полицией во время расправ в Ливерпуле и в Лондоне.

31 декабря, в канун Нового года, было опубликовано дополнение к существовавшему до сих пор в Англии закону о полномочиях полиции. Значительно увеличены ассигнования не содержание полицейских и оснащение их новым, более современным оружием. Английским «бобби» теперь дано право останавливать и обыскивать каждого подозреваемого, врываться в дома в любое время дня и ночи, задерживать и арестовывать до выяснения виновности, допрашивать, снимать отпечатки пальцев. А главное — по «своему усмотрению» решать, какое оружие применять против демонстрантов в «районах повышенного риска». Именно на демонстрантов в первую очередь обрушиваются полицейские дубинки, пластиковые пули, способные не только ранить, но и убить человека.

Английские полицейские в дополнение к новым дубинкам получили подробные инструкции. Автор — Майкл Харви, ветеран английских колониальных операций в Корее и Омане. С 1981 года он — главный советник Скотланд-Ярда по расправам с демонстрантами. До недавнего времени «система» пользования дубинками по методу Харви применялась только в Ольстере. Теперь избивать ими разрешено в любом районе Британских островов.

И, наконец, пластиковые пули. Пусть не свинцовые, а пластиковые, но от них уже погибло немало людей, многие получили тяжелые ранения.

Два года назад, пишет Поль Джонсон в «Гардиан», Европейский парламент принял резолюцию, требующую немедленного запрещения пластиковых пуль. Но это не возымело действия. «Теоретики» Скотланд-Ярда цинично ссылаются на то, что, мол, газ «CS», применявшийся до этого против демонстрантов, «куда опаснее»...

А вот водяные пушки устарели, они недостаточно эффективны и пылятся на полицейских складах без дела. И, как стало известно, в Скотланд-Ярде разрабатываются новые электронные репрессивные средства. На расходы на эти «нужды» правительство тори не скупится.

А. ВЕЛЬСКАЯ

ПРОДОЛЖАЯ ТЕМУ

СПИД: вопросов больше, чем ответов

На страницах «ЛГ» были опубликованы материалы, в которых анализировались причины возникновения и распространения эпидемии таинственной болезни, выдвигалась версия о возможной причастности к этому специальных служб США, занимающихся разработкой новых видов оружия массового уничтожения.

Публикации имели широкий резонанс на Западе. Некоторые газеты, например в США, ФРГ, Перу, решились на проведение собственного расследования и пришли практически к тем же, если не более категоричным выводам...

Живо откликнулись и наши читатели, выражая желание услышать мнение медиков.

Поскольку острота проблемы СПИД (AIDS — ее западное название) до сих пор не снята, эпидемия продолжается, мы решили провести «круглый стол» с советскими специалистами в области иммунологии и эпидемиологии. Беседа состоялась в Министерстве здравоохранения. В ней участвовали заместитель министра академии АМН СССР П. И. Бургасов, директор Института вирусологии имени Д. И. Ивановского академик АМН СССР В. М. Жданов, начальник Главного управления карантинных инфекций Минздрава СССР доктор медицинских наук В. П. Сергиев и заместитель начальника этого же управления доктор биологических наук И. Д. Дрынов.

«ЛГ». Многие читатели задают вопрос: чем вызвано такое внимание к СПИД?

П. Н. Бургасов. К проблеме СПИД действительно привлечено сейчас пристальное внимание ученых и практических врачей, населения многих стран мира. И для этого есть все основания, поскольку заболевание затрагивает все новые страны, а средств лечения, спасения жизни от СПИД до сих пор нет. У этой проблемы, как и у всякой новой проблемы, есть ясные и нерешенные стороны, научные и социальные аспекты.

В. М. Жданов. В первую очередь о возбудителе. Вирус СПИД был открыт вначале научными кругами Франции и почти одновременно в США. Он относится к большой группе онкорнавирусов (ретровирусов), обладающих повышенной онкогенной потенцией, минимальной инфекционностью и способностью поражать определенный вид клеток иммунной системы, ответственных за регуляцию иммунного ответа, что приводит в конечном итоге к поражению иммунной системы и лишает организм способности противостоять каким-либо инфекциям.

И. Д. Дрынов. На сегодняшний день определенно ясно пока одно — эпицентром заболеваний СПИД являются США, где, по данным Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), зафиксировано 18 000 случаев заболевания, а всего с вирусом контактировали 2 миллиона человек. Почему именно население Соединенных Штатов стало главной жертвой новой болезни, однозначно ответить трудно. Это требует времени и серьезного изучения.

«ЛГ». В последнее время точка зрения западных вирусологов и эпидемиологов на проблему СПИД претерпела изменение. Американцам не удалось убедительно доказать правомерность настойчиво предлагавшейся ими «африканской» версии, суть которой сводится к тому, что во всех бедах, связанных со СПИД, виновата Африка.

П. Н. Бургасов. Самое главное сейчас заключается в том, что благоприятными условиями распространения вируса СПИД являются некоторые социальные особенности — признание гомосексуализма как естественного поведения человека и растущая наркомания с применением инъекционных наркотиков.

В. П. Сергиев. В конце прошлого года в Брюсселе состоялся представительный симпозиум по проблеме СПИД. В нем приняли участие 700 ученых из 51 страны, в том числе из Африки. Мнения в отношении происхождения эпидемии разделились. Африканские ученые выступили с заявлением, в котором говорилось, что «представленные на симпозиуме документы не содержат каких-либо определенных данных о том, что эпидемия СПИД зародилась в Африке». С ними согласился ряд западных медиков, например Макс Эссекс из Гарвардской школы общественного здравоохранения в Бостоне. В итоге дискуссии в Брюсселе было принято решение снять вопрос об «африканском» происхождении СПИД, так как от этой версии сильно отдает расизмом. Вопрос о распространении СПИД сейчас всесторонне изучается ВОЗ.

«ЛГ». Гёте устами Мефистофеля когда-то грустно пошутил: «Все в мире изменяя прогресс. Как быть? Меняется и бес. Не выступает ли в роли беса в данном случае человек? Можно ли полностью исключить, что кто-то по неосторожности или умышленно содействовал возникновению и распространению эпидемии? Отдельные специалисты на Западе — назовем хотя бы английского врача Джона Сиэя (больница «Харли стрит») — прямо утверждают, что СПИД мог быть создан в лаборатории для использования в качестве биологического оружия. Другой исследователь — француз Лейбович в своей книге «Странный вирус неизвестного происхождения» также обсуждает этот возможный аспект проблемы СПИД.

В. М. Жданов. Однозначно ответить на вопрос об исходном источнике возбудителя СПИД очень трудно. Близкий вирус определяется у отдельных видов обезьян.

И. Д. Дрынов. Сейчас весь мир интересует распространение СПИД не из гипотетического очага, а из реально существующего. У нас в СССР и во многих других странах вызывает беспокойство тот факт, что США не предпринимают действенных усилий по развертыванию карантинных мероприятий для предотвращения распространения СПИД за пределы Соединенных Штатов. В результате эпидемия охватывает все новые страны, особенно те, где часто или постоянно гостят американцы. В Японии, например, «география» вспышек СПИД — районы вокруг военно-морских баз США и остров Окинава, где сосредоточено более половины американских военных объектов в стране. Понятна поэтому озабоченность японских властей, предъявляющих законные претензии Пентагону. Далее. ФРГ и Франция прекратили закупать в США донорскую кровь. А если взять Перу, то там, как видно из сообщений печати, даже раздался призыв к прекращению любых контактов с американцами, поскольку они являются потенциальными носителями вируса СПИД.

В. М. Жданов. Иными словами, история возникновения эпидемии, да и происхождения самого вируса окончательно не расшифрована. Это совершенно новая, неожиданная болезнь для медицины, хотя, как свидетельствуют исследования, сам вирус мог существовать в природе давно.

«ЛГ». Вопросов действительно множество. Однако, как сказал мудрец, знание некоторых принципов порой легко возмещает незнание некоторых фактов.

В. П. Сергиев. В проблеме СПИД есть несколько настораживающих аспектов. Во-первых, основной контингент больных — гомосексуалисты и наркоманы, что делает возможным попадание возбудителя в кровь при повреждении целостности покровов, а это является основным путем передачи инфекционного агента...

И. Д. Дрынов. ...во-вторых, невольно возникает вопрос: а не является ли вирус СПИД следствием генно-инженерных работ, то есть не получен ли он искусственным путем? Это маловероятно, хотя вирус СПИД может явиться результатом целенаправленного поиска возбудителей при многих неясных инфекционных заболеваниях. По сообщениям прессы, такие работы проводятся на Западе, и их продукты могут быть использованы в специальных целях.

«ЛГ». Завершить нашу беседу хотелось бы вопросом, который содержится во многих письмах читателей: какие шаги предпринимаются советскими медиками для того, чтобы поставить эффективный заслон на пути этого заболевания?

П. Н. Бургасов. У нас в стране отсутствуют условия для массового распространения заболевания: гомосексуализм как тяжкое половое извращение преследуется законом (статья УК РСФСР 121), проводится постоянная работа по разъяснению вреда наркотиков. В плане выявления возможных случаев заболевания СПИД (при исключительно широких контактах населения страны с иностранными гражданами) сейчас усилены научные разработки для получения диагностических препаратов. Зарубежные образцы очень дороги, а необходимость обследования доноров, крови требует большого расхода этих диагностикумов.

В. М. Жданов. Нашими учеными, как и в других соцстранах, ведутся исследования единичных случаев СПИД.

П. Н. Бургасов. ВОЗ предпринимает большие усилия в плане изучения проблемы СПИД. Наша страна также разрабатывает комплекс мероприятий, направленных на борьбу с этим заболеванием. Важную роль играет совместное изучение очагов возникновения СПИД учеными разных стран при координирующем участии ВОЗ.

«ЛГ». Итак, борьба со СПИД продолжается, хотя вопросов пока больше, чем ответов. Не выяснено и главное — источник эпидемии. Все чаще этим вопросом задается и американская печать. Внимание газеты «Вашингтон таймс», например, привлекли результаты опроса общественного мнения США, проведенного в октябре прошлого года. 37 процентов опрошенных, сообщает газета, прямо заявили, что СПИД является «болезнью, созданной одним из правительственных органов»...

Этого не исключает и видный американский ученый, бывший клинический директор госпиталя в Бруклине Натаниэль С. Лерман, заявивший совсем недавно следующее: «Утверждать, что открытый вирус — единственная причина появления СПИД, — так же сомнительно, как и говорить, что он является единственной причиной лейкемии, которая носила характер массовой эпидемии в Японии после атомной бомбардировки и была вызвана радиоактивностью. Более чем вероятно, что существуют другие, неинфекционные причины СПИД, а его жертвы могут быть в ряде случаев объектами преднамеренного убийства, являющегося результатом действий американских правительственных ведомств. Хорошо известен «послужной список» ЦРУ в распространении и создании заболеваний как внутри страны, так и за рубежом».

Этими несколькими фотографиями я лишь хочу попробовать передать неповторимый аромат, как мне кажется, самого характерного места Афин — восточного базара, раскинувшегося у подножия древнего Акрополя, где, как и более двух тысячелетий назад, величаво высится Парфенон. Здесь, в узких улочках, причудливо соседствуют прошлое и настоящее, Европа и Ближний Восток, далекие страны Азии и относительно близкие — Африки.

Вы спросите: а почему сюда попал гвардеец в старинной форме, охраняющий здание парламента, находящееся совсем на другом конце города? Почему? Ну, наверное, потому, что «в Греции все есть...».

А. УДАЛЬЦОВ

Фото автора

«КРИШКА ИЗ БЕЛОГО ЖЕСТА»

ФЕЛЬЕТОН

Владимир ВОЛИН

Что есть инструкция?

Открываем Словарь иностранных слов (поскольку слово «инструкция» происходит от латинского «инструкцио», что значит «наставление») и читаем: «Указание, свод правил, устанавливающий порядок и способ осуществления, выполнения чего-либо».

Да, именно так — «способ осуществления». Хотя, честно говоря, порой хочется сказать «способ пропитания».

Вот уже много лет читатели присылают в «Клуб ДС» всевозможные заводские, фабричные и прочие инструкции. Вникая в них, пытаясь постигнуть их тайный смысл, расшифровать загадочные аббревиатуры и разобраться в нагромождении наукообразных формулировок, администрация «Клуба» постоянно ловит себя на мысли: а не служат ли эти инструкции, грубо говоря, простой кормушкой? Ведь кто-то, сочиняющий анонимно, не претендуя на всенародную славу, все эти указания, правила и наставления с немалой долей тумана и зауми, получает за это некую отнюдь не туманную мзду! И расписывается не анонимно, а вполне открытым текстом в платежной ведомости.

«Решив освободить себя от лишних хлопот, приобрел я штопор-сувенир, — пишет читатель А. Таскаев. — Благо с его помощью бутылку можно открыть без особого труда не то что женщине — даже ребенку. Собрался было выбросить коробочку из-под штопора — чуда техники, да из нее выпала прилагаемая инструкция, о существовании которой я и не догадывался. Чудо механизации домашнего труда оказалось с сюрпризом! Даже моя супруга, очень далекая от техники, не поняла, кому адресована эта бумажка. А мы еще ломаем головы — почему в стране нехватка бумаги для книг!»

Можно понять читателя А. Таскаева. «Инструкция по эксплуатация штопора-сувенира», выпущенного в Днепропетровске, впечатляет эпичностью стиля и глубиной мысли:

«ПРИНЦИП РАБОТЫ. 1. Извлечение корковых пробок. Рис. 1. Штопор путем вращения ручки ввинчивается в пробку. При этом кольцо опорное упирается в горловину бутылки, а пробка через отверстие в кольце опорном навинчивается на штопор и извлекается из бутылки.

2. Откупоривание кроненкорковых пробок. Головку штопора-сувенира повернуть на 90° по отношению к стойкам. Откупоривать пробку, как показано на рис. 2».

По сравнению с этими указаниями известная фраза «вервие — вервие простое» выглядит просто жалким трюизмом.

Супруги Воронцовы из Ленинграда пишут в редакцию:

«Как известно, реклама — двигатель торговли. Немалый вклад в популяризацию изделия «Лестница детская складная» (Песский леспромхоз Новгородской области) внес Республиканский врачебно-физкультурный диспансер Минздрава РСФСР. Как следует из прилагаемой к изделию инструкции, достоинством лесенки является «простота в монтаже и демонтаже в домашних условиях». «Крепится лесенка легко. Верхний край петлями надевается на крючья» (которых нет ни в комплекте, ни в магазинах торговой сети). «Нижний край натягивается на шнуры и закрепляется» (хотелось бы знать — за что?). По-видимому, в инструкции перечислены не все положительные качества, развитию которых способствуют упражнения с лесенкой. Согласитесь, что не всякий ребенок и не сразу сможет пользоваться лесенкой, которая «свободно подвешивается под полом, как гамак», что «позволит ребенку при игре и лазании по ней колебаться в трех плоскостях...».

Поколебавшись в трех плоскостях, мы открыли письмо, присланное москвичом А. Боголюбовым. В письмо вложены три инструкции — к зажигалке газовой ЗГР-1Ф завода «Ленэмальер», мази «Ундецин» и мази «Цинкундан».

«В паспорте к зажигалке ЗГР-1Ф мною красным подчеркнуты наставления, унижающие достоинство покупателей, — пишет А. Боголюбов. — «Для получения пламени необходимо повернуть по часовой стрелке колесо механизма искрообразования...» Спрашивается, на какой уровень умственного развития покупателя рассчитаны эти наставления? Пещерный?»

Но даже наши первобытные предки, жившие в пещерах, знали без инструкций, как добывать огонь из «механизма искрообразования» — деревянных палочек. А вот инструкции к мазям, напротив, явно предназначены для современного интеллектуала с высшим медицинским образованием, способного понять и оценить эффективность мази «Цинкундан» при лечении «сквамозной и интертригинозной эпидермофитии стоп» или мази «Ундецин», обладающей «фунгистатическим и фунгицидным действием».

А. Боголюбов предлагает действовать решительно: пересмотреть все инструкции и наставления, прилагаемые к промышленным и бытовым товарам, на предмет их (инструкций) изъятия или сокращения. «Думаю, — пишет он, — на это дело не много потребуется времени, а результат будет ошеломляющий: огромное количество освободившейся бумаги можно обратить на издание книг, газет, журналов...»

Вы скажете — слишком категорично? Но вот письмо читателя И. Токарева из гор. Устинова и присланное им «Руководство по эксплуатации гарнитура кофейно-чайного» (Костромской завод текстильного машиностроения). (Кстати, почему все время — «руководство по эксплуатации»? Почему и штопор, и вентилятор, и кофейно-чайный сервиз надо именно эксплуатировать? Почему не написать просто — «Как пользоваться...»?)

Руководство на 18 страницах книжного формата, текста же — всего на полторы-две страницы. Все остальные — девственно чисты! 83 строчки — на бумаге размером с целую газетную полосу! И все это — лишь для того, чтобы покупатель знал, как эксплуатировать (!) кофейно-чайный сервиз. А в руководстве по эксплуатации такие откровения: «Гарнитур кофейно-чайный предназначен для приготовления завтрака и ужина...»

Но и это не предел. Читательница А. Фокшек из гор. Димитрова прислала «Руководство по эксплуатации вентилятора ВНС 16 У 4 «Сатурн», напечатанное форматом Большой Советской Энциклопедии и тоже с пустыми страницами! «Сколько бумаги израсходовано! — возмущается А. Фокшек. — А ведь можно было это руководство напечатать на маленьком листочке!»

Анонимны бывают не только инструкции, но и сами товары, к коим они приложены. Читательница Л. Товчик пишет: «Посылаю инструкцию, которую я обнаружила в хозяйственной сумке. В ней нет ничего особенного, за исключением того, что не указан завод-изготовитель, гарантирующий безвозмездный ремонт и замену изделия в течение года. Ни названия завода, ни его адреса не удалось обнаружить продавцу ни на товарном ярлыке, ни на этой инструкции. Штамп мне магазин поставил, и дату продажи указал, а ремонтировать придется за свой счет. До чего хитры теперь заводы-изготовители!»

Многие сочинители инструкций, похоже, не учились в средней школе, а если и учились, то спустя рукава и не тому, чему надо. Как, например, автор инструкции по эксплуатации разбрызгивателя воды РВ-002 (завод тракторных втулок в гор. Шепетовка Хмельницкой области):

«При использовании разбрызгивателя для мойки автомашин наконечник навинчивается на резьбовой конец штуцера, предварительно сняв корпус».

А вот автор инструкции «Учитель искусству мышления и сосредоточения «Логике» (изготовителя установить не удалось) явно не учился не только в средней, но и в начальной школе. Москвич В. Акопян, купивший эту игру в старинном городе Угличе, пишет нам: «Инструкция поражает воображение. Кто, где и когда ее составил? Как удалось допустить столько ошибок? Где это отпечатано? Смех смехом, но продавать таков — стыдно. Стоп халтура!»

Читаем «Учитель искусству мышления» и диву даемся. Что ни строчка, то находка: «Существует несколько варианТ... Расставьте фишЕК так... но не по диагоналА... тем лучше результаТЬ... на поле осталось три фишкЕ... Каждый партнер устанОВливает... Игра закаПчивается... ВЫгрывает тот, кто собрА «Логики» А больше фишек». Тут уж не до логики и искусства мышления. Бедные дети, которым предстоит играть в эту игру!

Процитируем в заключение еще одну инструкцию, напечатанную в Гурджаанской типографии:

«ИНСТРУКЦИЯ использования крышки для стеклотары в зависимости от всортымента консервов.

Крышка из белого жеста

Зеленый горошек стручковая, фасоль бобы «лима», кукуруза сахарная...»

Так, может быть, нужна еще одна инструкция — про то, как надо писать инструкции? И как не надо.

Неэтично заглядывать в чужой карман. И все же очень хотелось бы знать, во что обходится государству весь этот инструкционно-эксплуатационный эпос, имея в виду и бумагу, и труд, затраченный на набор и печать, и вознаграждение авторам? Не слишком ли щедрая кормушка?

ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ

* * *

У меня невелико образование — только начальное. Может быть, поэтому я и не знаю, что можно украсть, а чего нельзя.

* * *

Помогите мне распутать клубок, на конце которого мы вместе получим положительный результат.

* * *

Два хулигана бросили в область моей шеи футбольный шар.

* * *

В стихотворении «Черноглазая девчонка» я рассказал о подруге моей далекой юности, с которой у нас были долгие близкие отношения, переросшие в мгновенную любовь.

* * *

То, что мой муж в ночь с 20 на 21 находился дома и спал вместе со мной, могут подтвердить хозяйка дома и два ревизора.

* * *

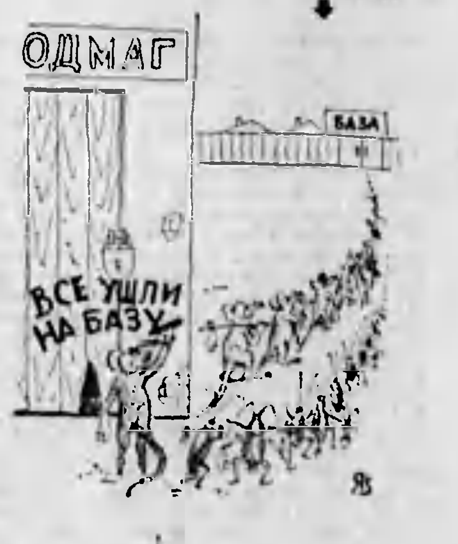
Я лично нахожусь со своей семьей в разбросанном виде.

Собрал В. ГОЛУБЕВ, журналист

ЧУДАКИ

Л. ТИШКОВ

В. ЯКОВЛЕВ



В. ЯКОВЛЕВ

РЕПЛИКА ЧИТАТЕЛЯ

РАЗМЫШЛЕНИЯ В АНТРАКТЕ

Строгие элегантные женщины, ловкие, приятной наружности молодые люди вскрывают коробки и деловито отсчитывают требуемое количество программок. Товар не залеживается, он идет нарасхват, работы хватает от силы на час.

То, о чем пойдет речь, происходило на гастрольных концертах известной итальянской эстрадной группы «Рикки э повери» в спорткомплексе «Олимпийский». И дело не в том, что точек по продаже приятного сувенира очень мало, а программа этих гастролей сделана красиво, с цветным изображением певцов, что еще больше подогревает страсти.

Дело в другом. Цена программки — 19 копеек. Опять злополучная, недостающая до круглой суммы копейка! (Вспомним, как когда-то продавали мороженое в тех же залах по той же цене.) Что это? Желание показать научно обоснованный расчет? Или воздействие психологического порядка — все-таки не двадцать? Думается, ни то, ни другое. Зрители, как вы, наверное, уже догадываетесь, простояв в очереди значительное время, не обращают внимания на отсутствие для всех них разменной монеты, а точнее — одной медной копейки. Тираж программки, выпущенной Госконцертом СССР, — 200 000 экземпляров. И если даже представить, что половина копеек достается покупателю, то оставшаяся половина все равно представляет внушительную сумму.

А не правильнее было бы сделать цену программки 20 копеек и направить вырученную таким образом сумму на законное премирование продающих — с дохода за реализацию?

И. ПРОНИН

Москва

ЧИТАЛКА «КЛУБА ДС»

«ГДЕ ЗИМУЮТ РАКИ»

Юмор — дело необыкновенно серьезное. Вряд ли кто станет спорить с этой истиной. Юмору посвящен не один десяток исследований по психологии, истории, литературоведению и другим солидным наукам. Что касается администрации «Клуба ДС», то в своей работе она постоянно сталкивается с таким явлением, как география юмора. Эта самая география обрушивается на головы штатных и внештатных юмористов «Клуба» в виде ежедневной сотни-другой писем, нескольких десятков телефонных звонков, проникает непосредственно на 16-ю полосу в виде скромных указаний «город такой-то», «...области», «...края».

Вот, например, Крымская область на юге нашей страны. Большинство читателей сразу же себе представит Ялту или Алушту, кипарисы, море, средиземноморский климат и т. д. Но, между прочим, Крым — это еще и симферопольское издательство «Таврия», выпускающее хорошие книги разных авторов. Именно такую книжку получили мы недавно из Симферополя — сборник юмористических и сатирических стихов поэта Владимира Орлова «Где зимуют раки» («Таврия», 1986). Автор — крымчанин, столично известный как детский поэт как автор многих замечательных стихов, публиковавшихся в журнале «Крокодил», звучавших в юмористических передачах Всесоюзного радио. (Примечание: давно уже лично известен «Клубу ДС» как автор 16-й полосы.)

У В. Орлова это вторая «взрослая» книга. И поэзия в ней совсем «взрослая» — проблемная, острая, отточенная по форме, но сохранившая лучшие качества «детскости» — непосредственность, свежесть восприятия, образность, наивную мудрость. При малом объеме книги автору удалось сказать в ней очень многое, представив на суд читателя стихи разнообразные по темам и жанрам: сатирические и юмористические, шуточные, ироническую лирику. Мы с удовольствием прочитали афористичные миниатюры из раздела «Старый склад на новый лад», выслушали остроумные «Монологи», побродили по очаровательному «Зверинцу». Чего от души желаем будущим читателям книги!

Е. ВИТАЛЬЕВА

Артур ЗАРИКОВСКИЙ

ФЕНОМЕНИЗМЫ

● *Когда первобытные люди впервые стали хохотать и смеяться, некоторые обезьяны смотрели на них с недоумением. Хотя и были человекообразные.*

● *В гробнице египетского царя обнаружен нераспакованный телевизор. Видимо, фараон предпочитал театр.*

● *На главную роль тигра режиссер назначил своего кота. В качестве дублера хотели снимать настоящего хищника. Но он своим рычанием мешал войти герою в образ. Его успешно заменили полосатой кошкой.*

● *У одного пирата заболел глаз. Ему его перевязали и стали называть «больной». Было больно и обидно.*

● *Благодаря своей феноменальной памяти Бибекин однажды узнал даже акушерку, которая его принимала при родах. Но та испугалась, когда он пытался ей напомнить об этом.*

● *Однажды, репетируя дома, артист Фифиев перевоплотился до неузнаваемости. И его укусила собственная собака.*

● *Без всякого труда создал свой шедевр Фи[illegible], но каких трудов стоит доказывать, что это шедевр!*

● *Кроты не боятся рыть в дремучем лесу под землей ночью. Потому что не видят и думают, что не страшно.*

● *В магазине крошечный мужичок обещал не обидеть огромного мужчину за прилавком. И не обидел бы. Но этого не допустили.*

● *Когда к Федору явилась богиня любви и красоты Афродита, он клялся молиться на нее. Но жена-атеистка не допустила этого.*

● *Играя боксера, артист Фифиев так великолепно падал в нокауте, что зрители ему устраивали овации. И он падал на бис.*

● *Кинозритель Василий, повстречав любимую киноартистку с мужем и детьми, разлюбил ее.*

● *Один клоун, посмеиваясь и снимая седой парик, почувствовал боль. Он понял, что это не парик, и засмеялся до слез.*

● *В одном театре зрители во время спектаклей постоянно смотрели по сторонам и на потолок. Борясь с этим явлением, изобретательный режиссер распорядился нарисовать стрелки, указующие, куда надо смотреть.*

● *Когда артист Фифиев запел «Колыбельную», продолжать спектакль не имело смысла. Так как зрители заснули.*

● *Уму непостижимо, сколько житейских бурь выстоял Бибекин. Но его подкосило, когда разбили блюдце с голубой каемочкой.*

● *Вагоновожатый Мишукин на своем трамвае догнал и чуть было не перегнал гоночный автомобиль. Но невольно свернул в сторону.*

● *Один голодный волк забрался на склад, где хранились игрушки, и чуть было не проглотил всех поролоновых зайцев, но ему попался танк, и он сломал зуб.*

● *Много повидал на своем веку Кукин и мог бы повидать еще больше, но у него испортилось зрение.*

● *Рассказывая сказки, рассказчик вдруг свистнул-гикнул, вскочил на серого волка и ускакал неизвестно куда. Так никто и не узнал, чем дело кончилось.*

● *Победив в страшной схватке матерого хищника, охотник Кикин прославился, обнаружив у него искусственный глаз и вставную челюсть.*

Олег ШЕСТИНСКИЙ

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

Жил-был...

Жил-был на свете бракодел.
За все он брался, все умел.
Замок!
Пожалуйста, замок!
Но дверь никто закрыть не мог.
Стул смастерить!
Момент — и стул!
Но сесть никто бы не рискнул.
Он даже сшить штаны готов.
Но лучше жить уж без штанов!
В отместку вещи на постой
К нему калеченной гурьбой
Пришли, заполнив дом собой.
Он сел на стул — сломался стул.
Лег спать — от скрипа не заснул.
Замок
дверей не уберег —
вор взял что нужно и утёк.
В трамвае треснули штаны,
чем были все поражены.
Под люстрою, что он чинил,
приняв ее удар,
почил.
Из сказки следует урок:
будь совестлив — продлишь свой
срок.

* * *

Жил-был умелец.
Из ствола
он вырезал кота,
орла,
собаку,
птицу
и цветок...
И многое еще он мог.
Но вот к нему на инструктаж
явился дядька, рыж и раж.
Он указал, что у кота
конфигурация
не та,
а у собаки до хвоста —
та,
от хвоста —
уже не та,
и что, конечно,
у орла
нахально вскинуты
крыла.
Умелец темя
почесал.
...Где подпилил,
где подтесал...
И вновь к нему на инструктаж
явился дядька, рыж и раж.
Стояли дохлые коты,
у псов обрублены хвосты.
И с деревянного орла
печать величия сошла.
Но молвил дядька:
— Это то!
А не купил товар никто.

* * *

Жил-был на свете Бюрократ,
он верил, что умом богат,
Подписывал он
исходящие,
почитывал он
нисходящие...
И в циркуляции бумаг
усматривал прогресса знак.
К нему пришел корреспондент,
чтобы в хвалебной оде
текущий отразить момент
на вверенном заводе.
Но в белой оргии бумаг
не вспомнит Бюрократ никак,
зачем
на службу ходит
и что он
производит.
Припомнил, что он пьет и ест.
— У нас кафе на сотню мест!
Припомнил канцелярских див.
— У нас здоровый коллектив!
Вернулся Бюрократ домой,
Жене вздыхает:
— Милый мой,
опять наш холодильник
стрекочет, как будильник.
Тут Бюрократ вскричал:
— Ах, чтоб...
И сам себя ударил в лоб.
Ведь Бюрократ был часовщик.
— Тик-тик, тик-тик,
тик-тик, тик-тик...
Из этой сказочки урок
кое-кому, наверно, впрок.
Во-первых:
как был завод,
так есть завод.
Вот!
Во-вторых:
А Бюрократ
уже
не бюрократ!
В-третьих:
А Бюрократ
вновь часовщик.
Тик-тик...
Так!

* * *

Писатель написал роман.
Редактор выявил изъян.
Тогда писатель-графоман
нашел в редакторе изъян:
редактор пьяница и жмот,
к тому ж с сотрудницей живет...
И каждый, кто не слеп и глух,
обмозговал ползучий слух.
Директор очень просто взял
да и в путевке отказал...
Писатель вновь принес роман.
Редактор не открыл изъян.
Тогда писатель-графоман
зазвал коллегу в ресторан,
твердя, что страшно вырос он
духовно, словно Цицерон...
И каждый, кто не слеп и глух,
обмозговал летучий слух.
Директор же в тот славный час
отдал о премии приказ...
Из этой сказочки урок:
— Не будь, редактор,
слишком строг!
...Товарищ мне принес роман.
Я обнаружил в нем изъян.
Твердит товарищ-горлопан,
что я с утра до ночи пьян.

Считалка

— Я художник,
ты художник,
я талант,
и ты талант,
я гигант,
и ты гигант,
я в искусстве первый гранд,
ты в искусстве первый гранд,
я создатель непреложных
истин,
ты создатель непреложных
истин...
А к звезде
взлетел
орел.
Он считалочку не вел.

Критику

Когда стихи критиковал,
Искал огрехи в оных, —
Он словно вилкой ковырял
В холодных макаронах.

ХРОНИКА «КЛУБА ДС»

Как избегать неприятностей

Приближается лето, а вместе с ним — и пора летних отпусков. Тема летнего отдыха уже обсуждается в прессе, по каналам теле- и радиовещания, в дружеских и официальных беседах.

На днях специальный корреспондент «Клуба ДС» встретился с известным писателем-публицистом Анатолием Рубиновым (преодолев нелегкий путь в два этажа) и попросил его рассказать о своих ближайших творческих планах на лето. Писатель откровенно признался, что собирается в 20-дневное путешествие по Болгарии. Нам также удалось выяснить, что эта поездка — своеобразное «дополнение» к золотой медали, полученной им на международном конкурсе юмористического и сатирического рассказа «Алеко». Итоги этого известного турнира юмористов, который проводится болгарской газетой «Народна младеж», были подведены совсем недавно. Корреспондент поздравил лауреата с победой, одержанной в нелегкой конкурентной борьбе с 83 авторами из Австрии, Греции, Испании, Италии, Марокко, Монголии и других стран, попросил писателя-сатирика поделиться своими впечатлениями.

Лауреат со свойственной ему скромностью сознался, что юмористические рассказы — его хобби, и он не считает себя профессионалом этого жанра, несмотря на публикации в «Крокодиле» и на 16-й полосе «Литературной газеты». «В детстве за шутливые проделки меня вечно наказывали, — сказал он.— Со временем я нашел способ избежать неприятностей: пишу рассказы с вымышленными героями, которые занимаются абсолютно моими розыгрышами, и, представьте себе, за это мне даже платят деньги, а иногда и присуждают золотые медали».

В заключение беседы наш корреспондент выразил сожаление, что рассказ «Сила знакомства», принесший А. Рубинову победу на конкурсе «Алеко», был напечатан в журнале «Крокодил», а не на 16-й полосе «ЛГ», и пожелал автору новых творческих побед и литературных успехов.

Интервью провела В. ЛАНКИНА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Костянский переулок, 13. АДРЕС ДЛЯ ТЕЛЕГРАММ: Москва, К-45, Костянский пер., 13; ДЛЯ ПИСЕМ: 103654 ГСП, Москва, К-51, Цветной бульвар, 30; справочный телефон — 200-24-17.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ, Г. ГУЛИА, Ю. ДРУНИНА, Ю. ИЗЮМОВ (первый зам. главного редактора), Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, В. МОЕВ (отв. секретарь), Л. НОВИЧЕНКО, Ю. ПОРОЙКОВ (зам. главного редактора), О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАПЧАХОВ.

А — 04258 Номер подписан к печати 5/V-86 г.

Типография «Литературной газеты»: Москва, II, Цветной бульвар, 30 Зак. 403 ИНДЕКС 50067